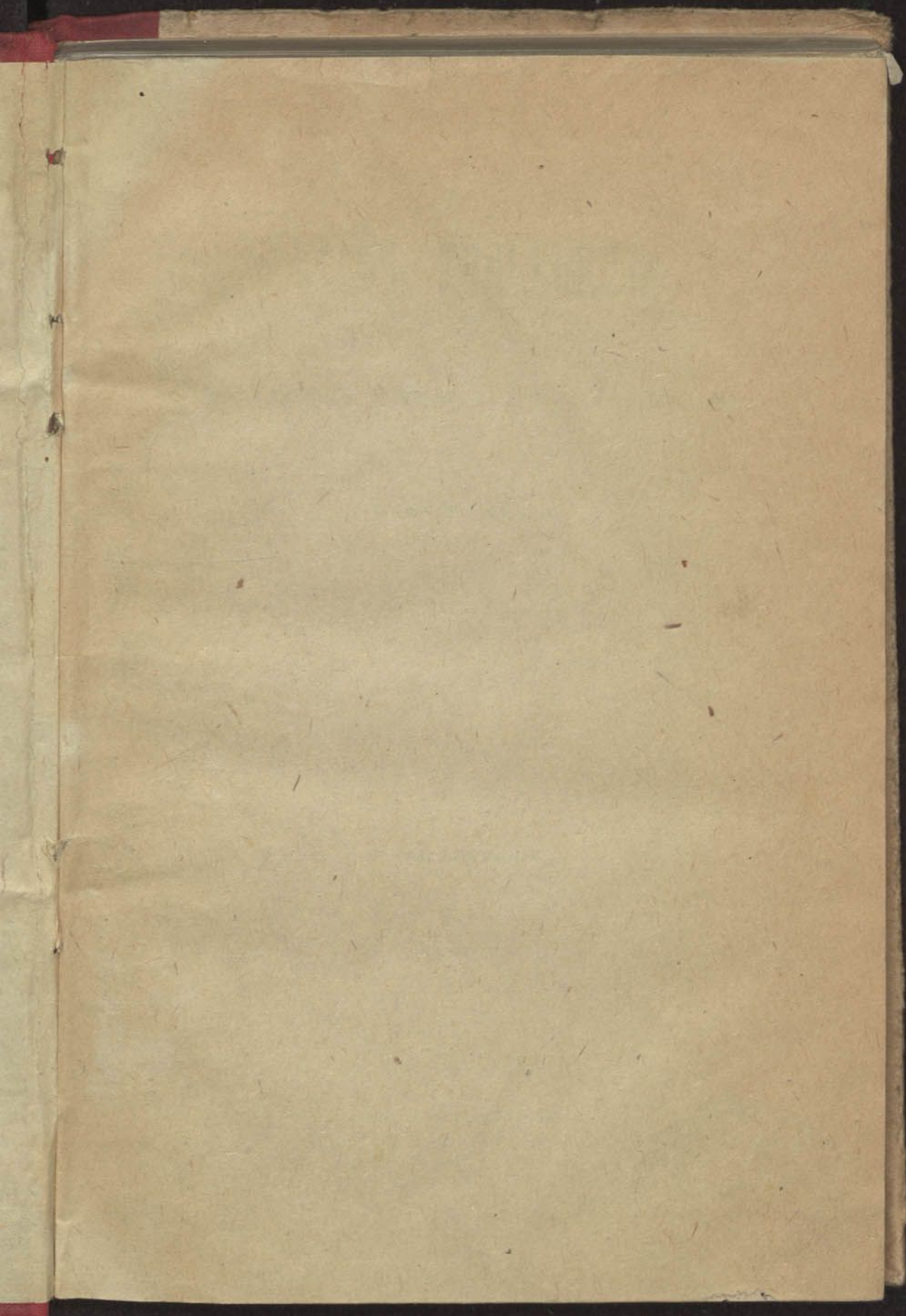
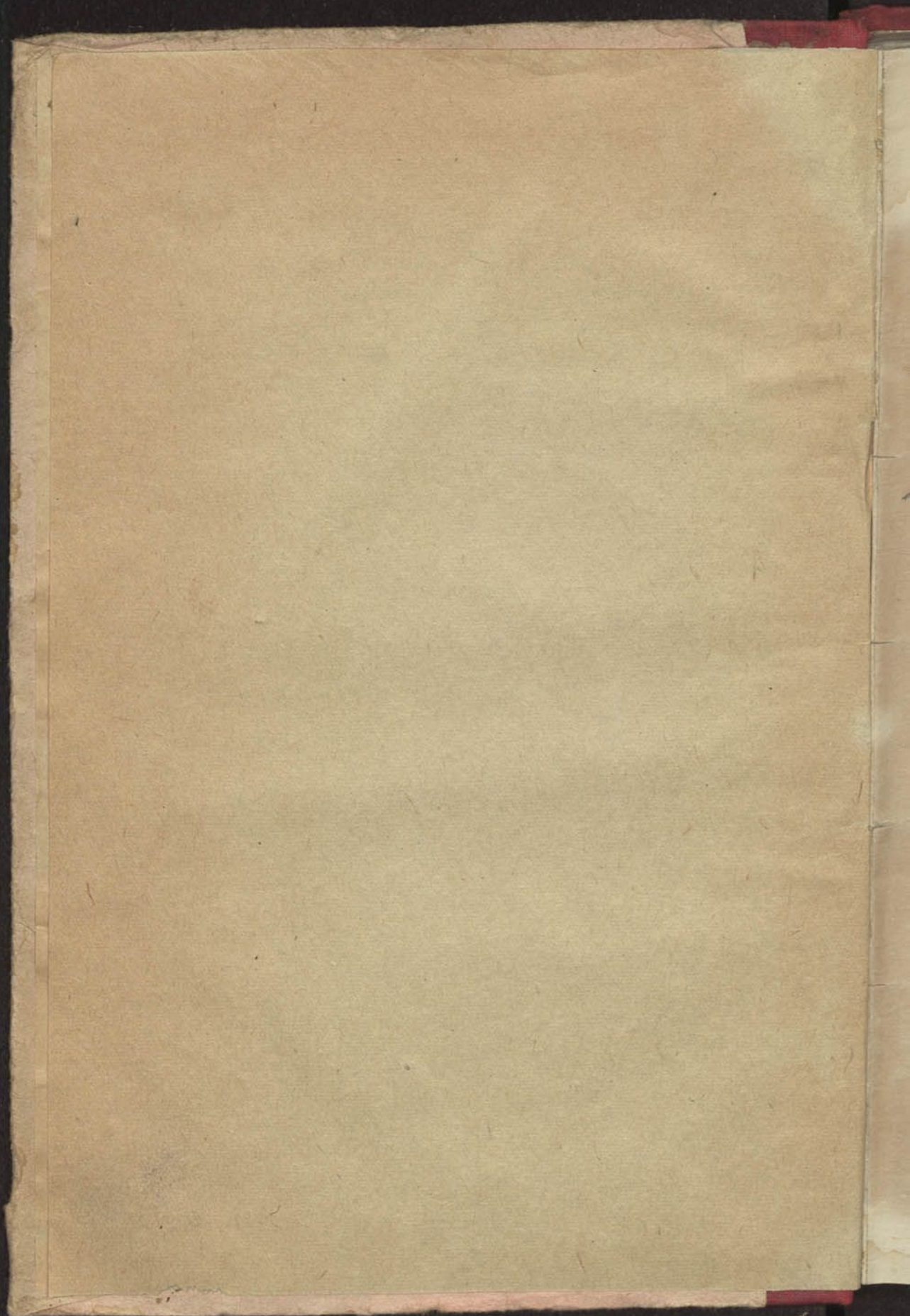

P. 999

[Faint, illegible text on a small yellowish paper fragment]

yes +

К. Грот

Р 099

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

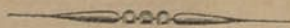
ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ НОВѢЙШЕЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И. ДУБРОВСКАГО.

196 8г.

Onorate l'altissimo poeta!

DANTE.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1858.

XX

Июл. 1858 г.

Июл.

046476
156

Р

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 15 декабря 1858 года.

Ценсоръ П. Гончаровъ.

Національная
Бібліотека
Беларусь

2004

200

13//8942 (026)
БГ 668

ПОСВЯЩЕНО

С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ (*).

Въ декабрѣ 1855 года, въ Константинополѣ, скончался одинъ изъ величайшихъ поэтовъ нашего времени — *Адамъ Мицкевичъ*.

Это имя когда-то громко отзывалось и въ русской литературѣ, потомъ замолкло...

Еще въ 1834 году Пушкинъ писалъ о Мицкевичѣ:

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся (**).
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь

(*) Эта статья читана была въ засѣданіяхъ II-го отдѣленія императорской академіи наукъ, въ декабрѣ 1857 года.

(**) Отъ П. А. Плетнева я слышала, что эта мысль была выражена Мицкевичемъ въ его рѣчи на французскомъ языкѣ, которую онъ однажды импровизировалъ въ дружескомъ кругу русскихъ литераторовъ, въ Петербургѣ.

Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!... О, Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

Теперь, когда онъ уже опочилъ въ вѣчномъ мирѣ, забудемъ одностороннія увлеченія гениальнаго соплеменника, какъ чловѣка, и почтимъ его память добрымъ словомъ. Намъ, русскимъ, лира Мицкевича особенно-близка потому, что въ ней слышатся родныя струны, большею частью настроенныя въ сердца самой Россіи.

I.

Прежде, нежели мы перейдемъ къ біографіи Мицкевича и къ обзорѣнью его произведеній, считаемъ нелишнимъ для русскихъ читателей бросить хотя самый бѣглый и общій взглядъ на историческій ходъ польской литературы, и въ-особенности на ту эпоху, въ которую явился Мицкевичъ.

Вмѣстѣ съ христіанскою религіею, введенною въ Польшу въ X вѣкѣ, сталъ распространяться въ ней латинскій языкъ и имѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ польскимъ до самаго XV вѣка. Онъ употреблялся духовнымъ сословіемъ и лицами, близкими къ королю, между-тѣмъ, какъ польскій языкъ былъ исключительнымъ достояніемъ простаго народа. На немъ молились и пѣли церковныя пѣсни. Неизвѣстно, когда именно сдѣлана была попытка перевести св. писаніе на польскій языкъ. Древнѣйшіе памятники польской письменности, сколько намъ извѣстно, не сохранились, исключая только Псалтыря XIV-го столѣтія, извѣстнаго подъ именемъ «Псалтыря королевы Маргариты» (*). Надобно думать, что языкъ его носитъ на себѣ признаки болѣе-отдаленнаго времени. Этотъ памятникъ заставляетъ насъ заключить, что польскій языкъ, несмотря на латинское вліяніе, имѣлъ свою, хотя и незначительную письменность. Полный переводъ Библии мы знаемъ только съ XIV вѣка. Нельзя также отрицать, что чуждое вліяніе съ самаго начала способствовало распространенію просвѣщенія въ Польшу. Времена Болеслава-

(*) «Въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ» за 1852 годъ, помѣщено мое изслѣдованіе объ этомъ псалтырѣ. Тамъ я привожу изъ него замѣчательныя слова, сравнивая ихъ съ древнѣйшими памятниками славянской письменности.

Храбраго, Болеслава—Смѣлаго, Кривоустаго, Локетка и Казимира—Великаго составляютъ знаменательную эпоху въ политической жизни поляковъ. Въ XIV—мъ столѣтїи уже основана была краковская академія; между-тѣмъ размножались монастыри, а при нихъ училища и библіотеки. Явился рядъ латинскихъ лѣтописцевъ; наконецъ, возникли типографїи, и на польскомъ языкѣ въ первый разъ была напечатана «Пѣснь Богородицѣ» (въ 1506 г. при Статутѣ Ласкаго). Въ 1514 году вышла первая печатная польская книга (церковнаго содержанія). Вскорѣ послѣ основанія типографїи въ Краковѣ явились многіе писатели на польскомъ языкѣ; между ними въ-особенности замѣчательнъ *Николай Рей изъ Наловицѣ* (род. въ 1505, ум. въ 1568 г.), писатель даровитый и популярный. Безпрестанно находясь въ сношеніяхъ съ сельскимъ народомъ, онъ вполне изучилъ языкъ его и превосходно владѣлъ имъ. Рей написалъ множество юмористическихъ сочиненій въ стихахъ, которыя съ жадностью читались народомъ. Своими произведеніями онъ проложилъ дорогу *Кохановскому* (род. въ 1532, ум. 1584 г.), который вдругъ довелъ до высокаго совершенства поэтическія формы польскаго языка. Замѣчательно, что языкъ, которымъ писалъ Кохановскій, за исключеніемъ весьма-немногихъ устарѣлыхъ выраженій, до-сихъ-поръ свѣжъ и вразумителенъ для поляковъ. Этотъ лирическій поэтъ, отличающійся глубиною чувства, сдѣлался любимцемъ народа и заслужилъ имя *князя поэтовъ польскихъ*. Онъ имѣлъ громкую славу не только при жизни, но и въ XVII столѣтїи, потому-что многіе подражали ему какъ на польскомъ, такъ и на латинскомъ языкѣ. Почти въ одно время съ Кохановскимъ явились другіе замѣчательные писатели: поэтъ Клёновичъ, Гурницкій (Górnicki)—одинъ изъ лучшихъ прозаиковъ XVI вѣка, Бѣльскій—знаменитый историкъ, Стрыйковскій—лѣтописецъ, Папроцкій—авторъ множества историческихъ сочиненій и брошюръ, въ свое время чрезвычайно-распространенныхъ и отличавшихся сатирическимъ направлениемъ. Между ними въ-особенности замѣчательнъ Клёновичъ, писавшій на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Впослѣдствїи явился Скарга (Skarga)—іезуитъ и краснорѣчивый проповѣдникъ XVI столѣтїя, писавшій превосходнымъ польскимъ языкомъ. Вообще весь періодъ времени (отъ 1521 до 1621 г.), къ которому принадлежатъ эти писатели, называется «сигизмундовскимъ временемъ» (по имени двухъ послѣднихъ Сигизмундовъ изъ рода Ягеллоновъ), или «золотымъ вѣкомъ» польской литературы. Послѣ него уже наступилъ ея упадокъ. По смерти Сигизмунда—Августа Польша совершенно измѣнилась, какъ въ отношенїи литературномъ, такъ и политическомъ. Настало время избирательныхъ королей; шляхта раздѣлилась на разныя партїи, изъ корыст-

ныхъ видовъ предводительствуемыхъ магнатами. И вотъ, въ польской литературѣ пробудилось движеніе особаго рода! Посредствомъ свободнаго, печатнаго станка магнаты поддерживали свои партіи и привлекали къ себѣ даровитыхъ писателей, чтобъ употребить ихъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Вслѣдствіе этого явилось безчисленное множество брошюръ, важныхъ въ историческомъ отношеніи, объясняющихъ домашнюю жизнь и направленіе того вѣка. Въ царствованіе Сигизмунда III нанесенъ былъ сильный ударъ литературѣ и просвѣщенію въ Польшѣ, когда водворились іезуиты. Это была эпоха фанатизма и невѣжества; уже образовавшійся польскій языкъ сталъ портиться и испещряться латинскими словами и выраженіями. Самые даровитые люди увлечены были іезуитами и служили ихъ дѣлу. Званіе іезуита равнялось королевскому. Сигизмундъ III считалъ за особую честь принадлежать къ іезуитскому ордену; Янъ Казимиръ изъ іезуита сдѣлался королемъ, а Стефанъ Баторій сказалъ: «Si rex non essem, jesuita essem». Между писателями этой эпохи обращаетъ на себя преимущественное вниманіе *Твардовскій*, поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ, хотя и писавшій уже испорченнымъ языкомъ. Содержаніемъ его поэмъ служили предметы изъ отечественной исторіи. Въ 1773 году уничтоженъ былъ орденъ іезуитовъ, и для польской литературы настала новая эпоха, обнимающая собою вѣкъ Станислава-Августа. При его французскомъ дворѣ совершенно преобразилась польская литература. Въ концѣ XVIII вѣка домашняя жизнь поляковъ также измѣнилась: начали исчезать «контуши и жупаны», а вмѣсто нихъ явились французскіе кафтаны и парики. Старая Польша измѣнилась еще болѣе во время двухъ шведскихъ войнъ при Карлѣ-Густавѣ и Карлѣ XII. Тогда разрушены были лучшіе замки и города польскіе. Шведы, отнявъ у польскаго народа драгоценные памятники его исторіи и литературы, оставили послѣ себя только кровавые слѣды опустошенія. Война обратила въ пепелъ шляхетскіе *деревянные* дворы. Вольнолюбивой, мелкой шляхтѣ некогда было строить себѣ каменные палаты; съ своимъ порывистымъ характеромъ она стремилась удовлетворить минутному увлеченію и всегда готова была на битву; ей нужно было только какое-нибудь пристанище, въ которомъ бы она могла хранить свое оружіе, охотничьи снаряды, да приглашать на пирь своихъ сосѣдей съ девизомъ старопольскаго гостепримства: «пей или дерись (пей albo się bij)!»

Взглянемъ теперь на литературу тогдашняго времени. Самымъ замѣчательнымъ въ ней дѣятелемъ былъ піяръ Станиславъ Конорскій (род. 1700, ум. 1773 г.), который принесъ много пользы народу, какъ своими сочиненіями политическаго содержанія, такъ и личнымъ влія-

ніемъ. Онъ основалъ *Collegium nobilium*, гдѣ воспитывались дѣти магнатовъ и богатой шляхты, съ цѣлью дать имъ образованіе, соотвѣтственное потребностямъ народа. Коварскій дѣйствовалъ противъ вреднаго и фанатическаго вліянія іезуитовъ, вводя французскій языкъ и французскую литературу. У него не было другаго средства, какъ слѣдовать духу времени. Народъ очнулся и сталъ выходить изъ грубаго невѣжества, которымъ ослѣпили его іезуиты. Къ этому времени принадлежатъ нѣсколько талантливыхъ и замѣчательныхъ писателей, преимущественно поэтовъ, какъ-то: Красицкій, Трембецкій, Каршинскій, Князьминъ, Венгерскій и, наконецъ, знаменитый историкъ Нарушевичъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ писателей, угождая королевскому двору, иногда тратили свой талантъ на произведенія безнравственныя и оскорбляющія благопристойность; но тогда было такое время, и они не могли не заплатить ему дани: то было время господства французской литературы во всей Европѣ. Въ тогдашней польской литературѣ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Красицкому, самому популярному писателю съ необыкновеннымъ талантомъ. Своими сочиненіями онъ разгонялъ мракъ іезуитскаго невѣжества и возбуждалъ любовь въ отечественной литературѣ.

Французское направленіе въ польской литературѣ продолжалось и послѣ раздѣла Польши, во времена прусскаго владычества и существованія Варшавскаго Герцогства. Большая часть ученыхъ и писателей, отличившихся въ эту эпоху, принадлежала еще послѣднимъ годамъ царствованія Станислава-Августа, и потому польская литература не измѣнила своего характера: она только клонилась къ упадку. Вліяніе Франціи, вслѣдствіе политическихъ отношеній, усилилось еще болѣе. Въ Польшѣ повсемѣстно распространились языкъ, одежда, литература и нравы французскіе. Впрочемъ, если глубже заглянуть въ состояніе тогдашняго общества, только-что вышедшаго изъ-подъ вліянія іезуитовъ, то пристрастіе ко всему французскому покажется менѣе-вреднымъ, крайней-мѣрѣ оно вело къ прогрессу и практической жизни, въ противоположность іезуитскому, монастырскому воспитанію (*).

(*) Ко времени прусскаго владычества относится основаніе варшавскаго общества любителей наукъ (въ 1800 году), соединявшаго въ себѣ всѣ тогдашнія литературныя знаменитости въ Польшѣ. Оно существовало впродолженіе тридцати лѣтъ, но, можно сказать, принесло мало пользы для литературы. Послѣ него не осталось никакихъ важныхъ трудовъ. Оно не понимало даже новѣйшаго направленія литературы и неловко вмѣшивалось въ тогдашніе споры такъ-называемыхъ классиковъ и романтиковъ. Когда Мицкевичъ, только-что появившійся въ двадцатыхъ годахъ, былъ

Слѣдуетъ замѣтить, что французское вліяніе на Польшу началось гораздо—прежде упоминаемой нами эпохи. Его можно отнести уже ко временамъ Владислава IV, когда на польскомъ тронѣ явилась Марія—Лудовика Гонзага, отдавшая свою руку Іоанну—Казимиру. Тогда стали переводить Корнеля, Расина и другихъ французскихъ писателей; начали вмѣшивать французскія выраженія въ отечественный, разговорный языкъ, перенимать французскіе наряды, которые особенно употребляли польки, приближенныя ко двору. Въ царствованіе Іоанна Собѣскаго и прекрасной Маріи—Казимиры, родомъ француженки и воспитанницы Маріи—Лудовики, французское вліяніе окончательно утвердилось въ Польшѣ, Іоаннъ III, хотя и одѣвался постаропольски, однакожъ въ письмахъ къ *своей милой Марисенькѣ* любовныя чувства выражалъ пофранцузски. Современные свидѣтельства доказываютъ рѣшительное вліяніе Франціи на польскій народъ — въ разговорномъ языкѣ, въ литературѣ, въ нравахъ и одеждѣ.

Господство такъ—названной классической литературы въ Польшѣ, когда являлись большею—частью безчисленные переводы съ французскаго и подражанія ему, продолжалось до двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, до времени появленія Бродзинскаго, Мальчевскаго и Мицкевича. Эта эпоха замыкается двумя замѣчательными и безсмертными писателями въ исторіи польской литературы: *Вороничемъ* и *Пелцевичемъ*. Первый занимаетъ почетное мѣсто, какъ религіозно—историческій поэтъ и краснорѣчивый проповѣдникъ, превосходно—владевшій отечественнымъ языкомъ. Второй, столь же даровитый, какъ Вороничъ, въ—особенности извѣстенъ своими «Историческими Пѣснями» (*Spiewy Historyczne*), которыя весьма читались съ восторгомъ. Оба эти писателя, будучи современниками Красицкаго, Парушевича и др., дожили до знаменитой эпохи «романтической литературы» въ Польшѣ и вмѣстѣ были современниками Бродзинскаго, Мальчевскаго и др., о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Въ ихъ время начали свое учено—литературное поприще также слѣдующіе писатели: *Лелевель*, который своими сочиненіями разъяснилъ многія темныя стороны отечественной исторіи, *Раковецкій*, изыскатель славянской старины, *Гурецкій* (*Górecki*), *Заборовскій* — два талантливые поэты, *Каминскій*, авторъ многихъ драматическихъ пьесъ, переводчикъ драмъ Кальдерона и Шиллера, и другіе.

Новѣйшая эпоха польской литературы ознаменовалась поэзіею, которая такъ блистательно развилась въ польскомъ народѣ; но ей предстоя-

предложенъ къ избранію въ члены общества, маститые мужи и стихотворцы отвергли его.

ло еще выдержать упорную борьбу старыхъ понятій съ новыми и выйти изъ нея со славою, въ лицѣ великаго поэта нашего времени — Мицкевича.

Распространенію въ Польшѣ новыхъ идей XIX вѣка о народной и самостоятельной поэзіи преимущественно содѣйствовалъ знаменитый критикъ и талантливый поэтъ *Казиміръ Бродзинскій* (родился въ Галліціи въ 1791, умеръ въ 1835 г.), который былъ достойнымъ поборникомъ романтизма и своими критическими статьями способствовалъ развитію эстетическаго вкуса въ польской публикѣ. Въ 1809 году, окончивъ курсъ наукъ въ Тарновѣ, на 18-мъ году жизни Бродзинскій вступилъ въ пѣхотный артиллерійскій полкъ; въ 1812 г. участвовалъ въ достопамятномъ походѣ въ Россію, счастливо перенесъ бѣдственное возвращеніе оттуда наполеоновой арміи и въ слѣдующемъ году, въ кровавой битвѣ подъ Лейпцигомъ, будучи раненъ, попалъ въ плѣнъ къ пруссакамъ. Получивъ свободу, Бродзинскій поселился въ Варшавѣ и исключительно посвятилъ себя наукамъ, на 23-мъ году жизни. Вскорѣ послѣ этого онъ занялъ кафедру польской литературы въ бывшемъ варшавскомъ университетѣ. Въ то же время въ университетѣ былъ также другой знаменитый профессоръ литературы *Лудовикъ Осинскій*, защитникъ классицизма и страстный почитатель французской литературы. Онъ пользовался громкою славою, какъ стихотворецъ и, въ-особенности, какъ отличный переводчикъ французскихъ трагедій и какъ замѣчательный ораторъ, и потому—то на его лекціи всегда собиралась многочисленная публика, восхищавшаяся его увлекательною декламаціею, его звучнымъ и гармоническимъ голосомъ. Между-тѣмъ Бродзинскій читалъ свои лекціи слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ въ небольшомъ кругу избранныхъ слушателей; но эти лекціи имѣли глубокое значеніе для польской литературы и предвѣщали для нея новую, блистательную эпоху.

Переходя къ тому времени, когда явился Мицкевичъ, нельзя миновать извѣстнаго и даровитаго польскаго поэта *Антонія Мальчевскаго* (родился въ 1792 г., умеръ въ 1826 г.), который не былъ оцѣненъ современниками и оставилъ послѣ себя одну только поэму: *Марія*, изданную въ 1825 г. и вовсе тогда незамѣченную. *Марія* Мальчевскаго принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ новѣйшей польской поэзіи; въ настоящее время она съ восторгомъ перечитывается всеми. Дѣйствіе этой поэмы происходитъ въ Украинѣ, кажется, во времена польскаго короля Августа III. Одинъ воевода могущественный, богатый и гордый своимъ происхожденіемъ и именемъ, послалъ за границу своего сына *Вячеслава*, который по пути остановился въ домѣ небога-

таго, честнаго шляхтича. Тамъ онъ увидѣлъ прелестную дочь его, *Марію*, влюбился въ нее и женился на ней. Эта женитьба не понравилась воеводѣ; аристократа возмущало неравенство состояній; онъ постановилъ разорвать этотъ союзъ сперва кроткими, отцовскими увѣщаніями, потомъ силою, еслибъ это оказалось нужнымъ; но сынъ никакимъ образомъ не хотѣлъ нарушить супружеской клятвы. Воевода, видя его непреклонность, приказалъ схватить Марію изъ дома отца ея, *Мечника*, и утопить въ ближайшемъ прудѣ. Вотъ основа повѣсти Мальчевскаго, запечатлѣнной истиннымъ, художественнымъ колоритомъ, свойственнымъ исключительно польской поэзіи. Мальчевскій, по выраженію одного польскаго критика, первый придалъ поэтическую прелесть одеждѣ польскаго шляхтича — *жупану*, *контушу*, и его вооруженію — *корду*, *карабелъ* (то-есть саблѣ). Самый *Мечникъ* представляетъ поэтическій образъ стариннаго, польскаго шляхтича. Вся прежняя Польша выразилась въ этой превосходной поэмѣ: и неукротимая гордость аристократіи, и самовластье магната, и старосвѣтскіе, честные нравы подъ соломенною кровлею шляхтича, и рыцарское мужество, и свѣтская жизнь.

Не мѣсто говорить здѣсь о другихъ польскихъ поэтахъ, явившихся послѣ Мицкевича. Безспорно, многіе изъ нихъ одарены замѣчательнымъ талантомъ, но стоятъ гораздо-ниже своего знаменитаго и великаго корифея, къ которому мы теперь и обратимся.

II.

Адамъ Мицкевичъ родился въ 1798 году, въ Минской Губерніи, въ Заосѣ, подѣ Новоградкомъ, гдѣ родителямъ его принадлежало небольшое имѣніе (*). Онъ происходилъ изъ древняго литовскаго рода, который раздѣлился на многія вѣтви и нѣкогда былъ въ родствѣ съ княжескими домами; но въ то время, когда Мицкевичъ родился, его семейство уже находилось въ упадкѣ и не имѣло значенія. Адамъ былъ младшимъ изъ четырехъ братьевъ. Когда онъ достигъ десятилѣтняго возраста, его от-

(*) Подробности для біографіи Мицкевича замѣтованы нами изъ слѣдующихъ источниковъ:

1) «*Oglednik Naukowy*» (Ученый посредникъ). Периодическое изданіе. Познань. 1842, № 31 и 32. •

2) «*Przegląd Poznański*» (Познанское обозрѣніе). Периодическое изданіе. 1856, кн. 2, 3 и 4.

3) «*Adam Mickiewicz*». Eine biografische Skizze. Leipzig. 1857. Въ 8, 35 стр.

дали, вмѣстѣ съ старшимъ его братомъ Францискомъ, въ доминиканское училище въ Новогрудкѣ. Тогда же были замѣчены въ немъ необыкновенныя способности. Онъ въ-особенности отличался превосходною памятью: если ему кто-либо изъ товарищей одинъ разъ прочиталъ заданный урокъ, то онъ уже зналъ его наизусть. Часто, бывало, Адамъ Мицкевичъ приходилъ къ своему старшему брату, Франциску, и просилъ его, чтобъ онъ громко прочиталъ ему заданный на слѣдующій день урокъ. Послѣ этого онъ всегда такъ зналъ свои уроки, что въ училищѣ его всегда сажали на первомъ мѣстѣ. Несмотря на свои способности, однакожь, онъ не любилъ письма и всегда неохотно занимался имъ. Когда онъ уже былъ въ третьемъ классѣ, одно происшествіе подало ему случай ясно выказать свой поэтическій талантъ. Въ Новогрудкѣ однажды произошелъ пожаръ. Чтобъ лучше видѣть его, Мицкевичъ взобрался на самую вершину кровли отцовскаго дома. Когда пожаръ потушили, онъ прибѣжалъ къ брату съ просьбою написать то, что онъ ему продиктуетъ. Братъ не мало былъ изумленъ, когда онъ продиктовалъ ему описательную поэму *Пожаръ*, которая потомъ прочтена была въ классѣ и наконецъ на публичномъ экзаменѣ. Въ награду Мицкевичъ былъ освобожденъ отъ ненавистной ему обязанности писать классныя упражненія, о чемъ даже самъ усиленно просилъ, обѣщая за это ежедневно выучивать на-память нѣсколько лишнихъ страницъ. Во время ваканцій самая пріятная его прогулка была по кладбищамъ, по развалинамъ стариннаго замка и въ другихъ уединенныхъ мѣстахъ, богатыхъ историческими воспоминаніями. Въ юности рано пробудилось сочувствіе къ красотамъ природы, когда онъ посѣщалъ окрестности Новогрудка, гористыя подъ Нѣманомъ, между Новогрудкомъ и Песвижемъ, ровныя и плодородныя ближе къ Слуцку, лѣсистыя къ границѣ Полѣся.

Въ 1812 году, во время достопамятной наполеоновой войны, Мицкевичъ, несмотря на свои молодые годы, принужденъ былъ вступить въ ряды ополченія, составившагося тогда въ окрестностяхъ Новогрудка; но когда все пришло въ мирный порядокъ, онъ опять сталъ продолжать курсъ наукъ и, окончивъ ихъ въ 1813 году, отправился въ Вильно, гдѣ нашелъ покровительство у своего родственника, священника Юсефа Мицкевича, бывшаго іезуита, въ то время каноника, также декана философско-математическаго факультета при тамошнемъ университетѣ. Тогда именно была эпоха блистательнаго состоянія виленакаго университета. Вмѣстѣ съ Снядецкими и Гродекомъ, занимали кафедры Лелевель (который въ 1816 году перешелъ въ Варшаву), Опацевичъ, Даниловичъ, священникъ Бобровскій. Снядецкіе распространяли рациональный, французскій матеріализмъ и были поборниками такъ-названнаго классицизма

въ литературѣ; въ то же время замѣтно было сильное вліяніе Германіи, вліяніе Шиллера и Гёте, идеальной философіи Шеллинга, также вліяніе буршеншафтовъ. Нѣмецкія идеи занесены были въ Вильно молодыми профессорами, которые всѣ почти образовались въ Германіи. Нужно также прибавить, что большая часть профессоровъ принадлежала къ масонскимъ ложа́мъ.

Когда Мицкевичъ явился въ университетъ, чтобъ держать вступительный экзамень вмѣстѣ съ прочими кандидатами, ему показали мѣсто подлѣ незнакомаго ему юноши, котораго печальное, мрачное и блѣдное лицо носило на себѣ слѣды сильныхъ и пылкихъ мыслей. *Оола Запъ* (такъ назывался молодой человекъ) вскорѣ тѣсно подружился съ Мицкевичемъ, съ которымъ, какъ утверждаютъ, онъ равнялся силою поэтического таланта и возвышенностью чувствъ. Стихотворенія его до-сихъ-поръ еще не изданы и находятся въ неизвѣстности.

Мицкевичъ, такъ-сказать, очарованный личностью Снядецкихъ, вступилъ въ университетъ по отдѣленію физико-математическихъ наукъ; но вскорѣ перешелъ въ отдѣленіе филологическое. Онъ пробылъ въ Вильнѣ четыре года, о которыхъ всегда вспоминалъ, какъ о самомъ счастливомъ времени своей жизни. Тамъ у него были друзья; тамъ онъ былъ влюбленъ въ сестру одного изъ нихъ, *Михаила Верещаки*; она называлась *Марія*. Это имя онъ употреблялъ въ своихъ стихотвореніяхъ въ уменьшительномъ видѣ: *Марилля*. При возвышенныхъ увлеченіяхъ молодости Мицкевичъ не забывалъ изучать великихъ писателей, которые имѣли вліяніе на развитіе его поэтического таланта; но многое въ его жизни измѣнилось въ 1820 году, когда, по окончаніи университетскаго курса, съ степенію кандидата, онъ получилъ мѣсто учителя латинскаго языка въ Ковнѣ. Разлучившись съ друзьями и потерявъ надежду на взаимную любовь, онъ предался тамъ самой отчаянной горести, которую и выражалъ въ звучныхъ и исполненныхъ глубокаго чувства стихахъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что однообразныя занятія учителя, несогласныя съ его пламенною душою, навели на него тоску. На всѣ утѣшенія друзей онъ отвѣчалъ въ своемъ стихотвореніи *Пловецъ* (*Zeglarz*):

«Если я брошусь, куда влечетъ отчаяніе, то будутъ слезы для безумства, упрекъ для неблагодарности, потому-что вамъ менѣ видны эти черныя тучи; неслышенъ издалека вихрь, разрывающій здѣсь канаты; громъ, который здѣсь ударяетъ, для васъ только сверкаетъ молніею!

«И напрасно другіе, вмѣстѣ со мною, подъ ударами грома, хотѣли бы то же чувствовать, что чувствую я! Судь надъ нами, кромѣ Бога, не данъ никому. Желая судить меня, не со мною нужно быть, но во мнѣ!..»

Изъ этого видно, какъ была тяжела ему борьба съ непріязненными

обстоятельствами жизни. Иногда онъ мечталъ о Мариллѣ, которая тогда уже вышла замужъ. Тогда же онъ написалъ прелестную идиллію, основанную на народной, литовской пѣснѣ, подъ названіемъ: *Могилла Марилли* (Kurhanek Marylli). Здѣсь поэтъ обращается къ ней какъ-бы къ умершей и высказываетъ жалобы о ея утратѣ.

О пребываніи Мицкевича въ Ковно напоминаетъ прекрасная долина посреди лѣса, въ окрестностяхъ Ковно. Поэтъ нѣсколько разъ прославлялъ ее въ своихъ произведеніяхъ, и она съ того времени до-сихъ-поръ называется «Долиною Мицкевича». Въ городѣ онъ жилъ въ школьномъ зданіи древняго монастыря, гдѣ не разъ, среди уединенія, тревожили его фантастическіе призраки. Тогда онъ писалъ къ своимъ друзьямъ (см. его стихотвореніе: *Do przyjaciół, posyłając im balladę: to lubie*):

«Бьетъ разъ, два, три... Уже полночная пора! Вокругъ глубокая тишина; только вѣтеръ шумитъ между монастырскими стѣнами и гдѣ-то слышенъ лай собакъ.

«Свѣча до тла догораетъ въ подсвѣчникѣ; ея пламень то гаснетъ, углубляясь внутрь, то снова вспыхнетъ, то опадетъ, то блеснетъ, померкнетъ и снова блеснетъ.

«Страшно! Въ ту пору не было страшно, когда небо было для меня пріятнѣе. И сколько сладостныхъ минутъ она напоминаетъ мнѣ! Прочь... Это уже исчезло навсегда!

«Теперь я ищу утѣшенія вотъ въ этой книгѣ; но книга мнѣ наскучила и я ее бросаю; снова стремлюсь мыслью къ милымъ предметамъ, то мечтаю, то пробуждаюсь.

«Иногда, увлеченный сладостнымъ очарованіемъ, я вижу мою милую и моихъ братьевъ: векаквиаю, смотрю, но на стѣнѣ мелькаетъ только моя собственная тѣнь.

«Нѣтъ, лучше возьму я перо и, среди тишины, когда мысль путается въ безпорядкѣ, начну что-нибудь писать для моихъ друзей, начну, да не знаю, окончу ли?»

«Быть-можетъ, память о минувшей веснѣ смягчитъ холодный стихъ; хочу писать что-то ужасное, что-то страшное; о привидѣніяхъ и о Мариллѣ!»

Мицкевичъ пробылъ въ Ковно не болѣе года и потомъ оставилъ его; но прежде еще, какъ-бы увлекаемый какимъ-то предчувствіемъ, онъ посѣтилъ родительскій домъ, куда отправился вмѣстѣ съ своимъ братомъ и гдѣ они вмѣстѣ провели первые годы счастливой юности. Домъ, который нѣкогда былъ обитаемъ, они нашли уже разрушеннымъ во время военныхъ бѣдствій. Вотъ какъ самъ поэтъ вспоминаетъ о немъ (см. «*Dziady*», ч. IV):

«Недавно я посѣтилъ домъ покойной матери; едва я могъ узнать его: только виднѣются кое-какіе остатки! Куда ни взглянешь—развалины, пустырь и истребленіе! Изъ забора вынуты колья, изъ пола — камни; дворъ заросъ мхомъ, полынью и репейникомъ; вокругъ безмолвіе, какъ въ полночь на кладбищѣ!»

Здѣсь поэтъ вспоминаетъ давнишній прїѣздъ свой въ тотъ же домъ, когда на встрѣчу ему выбѣгали мать и домашніе, и продолжаетъ:

«Теперь все пусто, ночь, тишина, ни живой души! Слышенъ только лай собаки и будто какой-то стукъ... Ахъ! ты ли это нашъ вѣрный пёсъ, добрый Крукъ нашъ, сторожъ и нѣкогда любимецъ всего семейства? Изъ множества слугъ и друзей, одинъ только ты остался! Хотя ты изнуренъ голодомъ и сгорбленъ отъ старости, но стережешь ворота безъ замка и домъ безъ господъ. Крукъ мой! поди сюда. Крукъ бѣжить, останавливается, слушаетъ, бросается на грудь, воетъ и падаетъ бездыханно!..»

Потомъ Мицкевичъ переходитъ къ воспоминаніямъ времени, проведеннаго въ школѣ:

«Тамъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, я пересыпалъ на дворѣ песокъ; въ ту рощу бѣгали мы за птичьими гнѣздами; въ рѣкѣ, протекающей подъ окнами, мы купались; на лугахъ, вмѣстѣ съ учениками, мы играли въ зайца. Вотъ въ эту рощу, вечеромъ, или на зарѣ, ходилъ я, чтобъ читать Гомера, побесѣдовать съ Тассомъ, или представлять себѣ побѣду Яна Собѣскаго подъ Вѣною. Сейчасъ же созываю товарищей, ставлю ихъ рядами подъ лѣсомъ; тутъ изъ-за толпы нехристей свѣтятся кровавые полумѣсяцы; тамъ слѣдуютъ отряды смѣшавшихся нѣмцевъ; я приказываю укротить бѣгъ коней, отложить въ сторону копыя, врываюсь—и вслѣдъ за мною сверкаетъ молнія польскихъ сабель! Толпы рѣдѣютъ, крики несутся къ небу, градомъ летятъ чалмы и отсѣченныя головы; толпа янычаръ разбѣжалась или втоптана въ песокъ; конница, сбитая съ лошадей, раздавлена копытами. Мы прокладываемъ себѣ дорогу подъ самый валъ. Тамъ она вышла посмотрѣть на игры дѣтей, тамъ, гдѣ я увидѣлъ ее подъ знаменемъ Пророка, вдругъ умерли во мнѣ Готфридъ и Собѣскій. Съ-тѣхъ-поръ она сдѣлалась владычицею всѣхъ моихъ дѣйствій, стремленій и мыслей; съ-тѣхъ-поръ я существую только для нея, мечтаю о ней; всему она виною; всюду я съ нею! О ней до-сихъ-поръ еще напоминаютъ всѣ окрестности. Здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ ея очаровательный образъ; здѣсь она удостоила меня словомъ перваго разговора; тамъ, на холмѣ, мы вмѣстѣ читали Руссео; подъ этой прохладной тѣнью я сплелъ для нея бесѣдку; изъ этихъ лѣсовъ приносилъ цвѣты и ягоды; стоя подлѣ меня, изъ

этих потоковъ она сманивала на удочку серебристаго карпа, форель съ красными крапинами, а теперь?..»

Нельзя не замѣтить, сколько наивности въ этихъ нѣжныхъ и юношескихъ воспоминаніяхъ, исполненныхъ какой-то свѣтлой и простодушной поэзіи. Эту наивность Мицкевичъ сохранилъ и въ то время, когда гений его возмужалъ, послѣ созданія «Валленрода» и «Фариса». Мы это увидимъ, въ-особенности при обзорѣнн его эпопеи: *Панъ Тадеушъ*.

Уже находясь въ Вильнѣ, въ 1822 году, Мицкевичъ напечаталъ свое посланіе къ Лелевелю, по случаю начатія имъ курса всеобщей исторіи въ виленскомъ университетѣ (6-го января 1822 г.). Въ немъ превосходными стихами изображена судьба Европы и высказаны многія свѣтлыя мысли, чуждыя народной исключительности. Поэтъ, между прочимъ, говоритъ:

«Солнце правды не знаетъ ни востока, ни запада; равно-привѣтливо вѣснмъ племенамъ; любить распространять день въ каждомъ отечествѣ; всѣ земли и народы считаетъ близкими себѣ.»

Въ томъ же году, Мицкевичъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, въ двухъ небольшихъ книжкахъ, и Польша тогда же увидѣла въ немъ великаго поэта, съ необыкновенной силою владѣющаго звучнымъ и могучимъ стихомъ, которому до того времени ничего не было равнаго въ польской поэзіи. Въ собраніи стихотвореній 1822 года уже помѣщена была повѣсть: *Гражина*, о которой мы скажемъ ниже; двѣ части (II и IV) *Поминокъ усопшихъ* (*Dziady*), также баллады и романсы.

Издавая въ свѣтъ первое собраніе своихъ стихотвореній, Мицкевичъ прямо объявилъ себя поборникомъ *романтизма*, тогда еще новаго въ польской литературѣ. Въмѣсто предисловія, онъ помѣстилъ свое разсужденіе о *романтической поэзіи*, написанное съ многостороннимъ взглядомъ на предметъ и, въ свое время, надѣлавшее много шума въ рядахъ отсталыхъ польскихъ ученыхъ и литераторовъ. Сюда же должно отнести его стихотвореніе; *Romantyczność* (мечтательность), которое направлено противъ виленскихъ матеріалистовъ, жаркихъ защитниковъ такъ-названной, классической школы. Слѣдующій эпиграфъ къ этому стихотворенію взятъ изъ Шекспира:

Me thinks I see... where?
— In my Mind's Eyes.

Дѣвушка оплакиваетъ смерть своего милаго; ей представляется его призракъ:

«То, какъ мертвая скала, неподвижно смотритъ въ одну сторону, то

бросаетъ вокругъ себя взгляды, то зальется слезами, какъ-будто что-то схватываетъ, что-то держитъ, расплачется и засмѣется...

Дѣвушка, убитая горемъ, падаетъ; на крикъ ея сбѣжалась толпа. Простые люди творятъ молитву и вѣрятъ, что здѣсь должна присутствовать душа того, кого дѣвушка любила. Какой-то старикъ хочетъ вразумить толпу, чтобъ она не вѣрила въ бредни молодой дѣвушки.

Мицкевичъ такъ оканчиваетъ свое стихотвореніе :

«Дѣвушка чувствуетъ, скромно отвѣчала я, а чернь вѣритъ глубоко; чувство и вѣра сильнѣе убѣждаютъ меня, нежели зрительное стеклышко и глазъ мудреца.

«Ты знаешь мертвыя истины, неизвѣстныя народу, видишь міръ въ пылинкѣ, въ каждой искрѣ звѣздъ; но не знаешь живыхъ истинъ, не уаришь чуда! Игъй сердце и смотри въ сердце!»

Съ появленіемъ Мицкевича завязался жаркій споръ между польскими литераторами, иногда доходившій до смѣшныхъ крайностей. Кромѣ профессоровъ польской литературы, Боровскаго и Гродека, все прочіе профессора виленскаго университета возстали на Мицкевича. Во главѣ ихъ были оба Снядецкіе. Поддержанные авторитетомъ варшавскихъ литераторовъ: Дмоховскаго, Осинскаго и др., они начали глумиться надъ молодымъ поэтомъ. Дошло даже до того, что Мицкевича обвиняли въ искаженіи чистоты роднаго языка, замѣчали, что онъ вводитъ площадныя и непоэтическія выраженія и грозитъ упадкомъ польской литературы. Мицкевичъ едва не принужденъ былъ оставить университетъ; онъ удержался только тѣмъ, что изъ физико-математическаго факультета перешелъ въ филологическій, на казенное содержаніе.

Мицкевичъ блистательно торжествовалъ надъ всеми нападами и извѣтельными насмѣшками. Онъ смѣло выступалъ съ новыми произведеніями, которымъ горячо сочувствовала публика, наперекоръ близорукимъ старовѣрамъ.

Не желая отвлекаться отъ главнаго предмета нашей статьи, кстати мимоходомъ указываемъ только на появленіе Пушкина въ нашей литературѣ, которое отчасти сходно съ положеніемъ Мицкевича.

Векоръ для польскаго поэта настала новая эпоха жизни. Въ 1824 году онъ уже находился въ Петербургѣ, гдѣ оставался недолго и отправился въ Одессу, въ 1825 году. Онъ тамъ получилъ мѣсто въ канцеляріи князя Воронцова, который принялъ его чрезвычайно-радушно.

Сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя подробности о пребываніи Мицкевича въ Одессѣ, заимствованныя нами изъ «Записокъ г. Франциска Ковальскаго», помѣщенныхъ въ ноябрьской книжкѣ польскаго журнала за 1857 годъ: *Варшавская Библиотека*. Онъ интересны для насъ также потому,

что отчасти касаются и Пушкина, который былъ въ Одессѣ въ одно время съ Мицкевичемъ.

Г. Ковальскій пріѣхалъ въ Одессу въ 1825 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими помѣщиками, своими товарищами; всѣ они остановились въ Hotel du Nord и въ тотъ же вечеръ, когда пріѣхали, пошли въ общую залу.

«За нѣсколькими большими столами (говоритъ г. Ковальскій) сидѣло множество незнакомыхъ намъ собесѣдниковъ, и только за однимъ, который былъ поменьше, сидѣло двое. Они очень заняли насъ своею физиономіею и наружностью. Намъ не у кого было спросить о нихъ, и мы во время ужина почти безпрестанно обращали на нихъ глаза. Они разговаривали пофранцузски. Оба молодые и, какъ кажется, одинакихъ лѣтъ: одинъ, худощавый, одѣтъ былъ щегольски и изысканно, въ черномъ фракѣ, въ черномъ галстухѣ и жилетѣ; лицо его было нѣсколько-продолговато, необыкновенной бѣлизны, подернуто легкимъ румянцемъ; глаза темно-голубые; губы румяныя; зубы бѣлые какъ жемчугъ; лобъ высокій; волосы на головѣ густые, черные; руки бѣлыя, нѣжныя, а выраженіе лица меланхолическое и привлекательное, словомъ—это былъ красивый молодой человѣкъ. Другой былъ нѣсколько-полнѣе, крѣпкаго сложенія, должно-быть, съ геркулесовскою силою, потому-что подлѣ него стояла толстая желѣзная палка, которою, вѣроятно, онъ размахивалъ, какъ перышкомъ. Онъ былъ одѣтъ просто, въ зеленомъ сюртукѣ, застегнутомъ вверху такъ, что нельзя было видѣть платка на шеѣ, потому-что шея у него была короткая; лицо, если не ошибаюсь, круглое и румяное, безъ бакенбардовъ; глаза голубые; лобъ выпуклый; волосы на головѣ короткіе; темнорусые; руки широкія, крѣпкія, съ длинными на пальцахъ ногтями, которые никогда не обрѣзывались, но были чисты, и которыми, какъ мы замѣтили, онъ облупливалъ себѣ скорлупу съ орѣха. Угрюмое выраженіе лица его, въ которомъ можно было замѣтить господство ироніи, составляло совершенную противоположность съ лицомъ его товарища, который болѣе говорилъ, а этотъ болѣе слушалъ, вполголоса разговаривая и, въ подтвержденіе, кивалъ головой, или улыбался. Одинъ изъ нихъ казался намъ свѣтскимъ, по модѣ одѣтымъ и созданнымъ для салоновъ франтомъ; другой — задумчивымъ и незаботящимся о свѣтѣ философомъ. Одинъ нѣсколько разъ упоминалъ въ разговорѣ о Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, Москвѣ; другой — о Вильнѣ, доминиканахъ, Антоколѣ, Ковно; поэтому мы заключили, что одинъ, вѣроятно, былъ воспитанникомъ петербургскаго или московскаго университета, другой—виленскаго, потому-что они говорили о профессорахъ и наукахъ.»

Г. Ковальскій и его товарищи сильно были заинтересованы этими двумя лицами и желали съ ними познакомиться, но, изъ приличія, не

могли сами имъ навязываться. Они продолжали разговаривать между собою попольски. Молодой человекъ въ черномъ фракѣ, услышавъ польскій языкъ, казалось, съ жадностью ловилъ каждое ихъ слово. Наконецъ, разговоръ ихъ коснулся современной литературы, и они начали громко восхвалять Мицкевича.

— Онъ загналъ въ уголь всѣхъ нѣмцевъ и французовъ, замѣтилъ г. Ковальскій: — но Пушкина не сдвинулъ съ мѣста. Что жъ вы на это скажете?

— Безъ-сомнѣнія, сказалъ другой: — Пушкинъ для русскихъ то же, что для насъ Мицкевичъ.

При этихъ словахъ оба незнакомца съ улыбкою взглянули другъ на друга.

Подано было нѣсколько бутылокъ шампанскаго, и одинъ изъ товарищей г. Ковальскаго провозгласилъ тостъ за здоровье Мицкевича, потомъ обратился къ незнакомцамъ и учтиво просилъ ихъ повторить этотъ тостъ.

— Съ охотою исполню ваше желаніе, съ любезностью отвѣчалъ незнакомецъ въ черномъ фракѣ, и принялъ бокаль. — Но позвольте мнѣ, господа, этимъ бакаломъ поблагодарить васъ отъ имени Мицкевича.

Послѣ этого тотъ же собесѣдникъ налилъ другой бокаль и провозгласилъ: «за здоровье Пушкина, русскаго Мицкевича!»

Незнакомецъ въ черномъ фракѣ выпилъ бокаль за здоровье Пушкина, передавая его потомъ своему сотоварищу, который принялъ бокаль и сказалъ пофранцузски: «я сожалею въ эту минуту, что не говорю попольски, но прошу васъ, позвольте мнѣ отъ имени Пушкина поблагодарить васъ».

Все шампанское было выпито, и собесѣдники, оставивъ пустыя бутылки, разошлись. Въ этотъ разъ они, однако, еще не узнали, кто были эти два незнакомца.

Безъ-сомнѣнія, читатели уже догадываются, что молодой человекъ въ черномъ фракѣ — былъ Мицкевичъ; въ зеленомъ сюртукѣ — Пушкинъ.

Г. Ковальскій и его товарищи послѣ познакомились и близко сошлись съ Мицкевичемъ, который жилъ тогда въ рিশельѣвскомъ лицѣѣ.

Такъ-какъ онъ болѣе ничего не упоминаетъ о Пушкинѣ, то мы и обратимъ вниманіе на его разсказъ о Мицкевичѣ.

Въ то время извѣстенъ былъ своимъ гостепримствомъ и радушіемъ домъ Бонавентуры Залескаго, богатаго украинскаго помѣщика, у котораго собиралось много поляковъ; его часто посѣщала также Мицкевичъ.

Г. Ковальскій передаетъ любопытныя подробности объ одномъ вечерѣ, проведенномъ у Залескаго въ большомъ обществѣ, гдѣ находился и знаменитый польскій поэтъ.

«Къ вечеру (говорить онъ) воздухъ сдѣлался свѣжѣе и движеніе въ городѣ начало оживляться. Мы вошли въ залу, гдѣ уже раздавалось фортепяно. Дамы и мужчины отличались своими музыкальными способностями; спутникъ мой, Николай Нововойскій, отличный пьянистъ, заслужилъ рукоплесканія прекраснымъ исполненіемъ какой-то пьесы Бетховена. Похвала и пожатіе руки Мицкевича привели его въ восторгъ. Дамы упрости Мицкевича пѣть; онъ сѣлъ за фортепяно и, по данному знаку, какъ обыкновенно, импровизировалъ. Мы слушали его, какъ-бы очарованные его взглядомъ и голосомъ, и глубокое молчаніе овладѣло всѣми.

«Вдругъ, среди тишины, среди этого безмолвнаго восторга, тихо растворились двери и явился новый гость, который, не желая нарушать эту очаровательную сцену, когда всѣ заняты были слушаніемъ геніальнаго пѣвца, съ нѣмымъ поклономъ вошелъ на цыпочкахъ, сѣлъ подлѣ Залескаго и, молча, слушалъ. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, какой-то греческій князь, въ греческомъ, фантастическомъ костюмѣ, эмигрантъ, жившій въ Одессѣ со времени войны грековъ съ турками за независимость въ 1821—1823 году. Лицо его было нѣсколько-смугло, носъ орлиный, глаза и волосы черные, усы большіе; талія тонкая и стройная. Намъ, жителямъ Волыни, онъ въ-особенности понравился пріятностью взгляда. Вслѣдъ за нимъ вошелъ арабъ, его невольникъ, также въ греческомъ костюмѣ, и неподвижно остановился у дверей, съ печальнымъ и задумчивымъ лицомъ. Послѣ окончанія импровизированной пѣсни, которой содержаніемъ, кажется, была любовь, говоръ оживился; всѣ благодарили поэта и рукоплескали ему; тогда уже греческій князь вслухъ привѣтствовалъ хозяина, хозяйку дома и знакомыхъ. Онъ говорилъ только порусски, довольно-неправильно, какъ начинающій ученикъ; отзывался также и пофранцузски.»

Когда общій разговоръ нѣсколько утихъ, одинъ изъ гостей подошелъ къ Мицкевичу, сидѣвшему подлѣ фортепяно, и сталъ упрашивать его что-нибудь свѣтъ.

— Съ величайшею охотою, если только буду въ состояніи. Гдѣ же тѣма? сказалъ Мицкевичъ.

— Вотъ она! Взгляните на двери, отвѣчалъ гость.

Здѣсь онъ указалъ на стоявшаго у дверей араба. Всѣ обратили къ нему глаза; даже греческій князь понялъ, въ чемъ было дѣло, и вдохновенный поэтъ, обратясь къ сидѣвшей за фортепяномъ дамѣ, просилъ ее акомпанировать.

«Подумавъ нѣсколько минутъ (продолжаетъ г. Ковальскій) и уставивъ глаза въ араба, онъ началъ съ чувствомъ пѣть...

«Невозможно описать того впечатлѣнія, какое произвела на слушателей его чудная импровизація. Впродолженіе пѣнія, и особенно въ концѣ, въ залѣ послышался не одинъ вздохъ; дамы были тронуты до слезъ. Поэтъ, смотря на араба, объ имени котораго онъ спросилъ еще прежде, коснулся всей его жизни. Онъ сперва представилъ его ребенкомъ у груди матери, потомъ мальчикомъ, играющимъ съ своими ровесниками, потомъ бодрымъ юношею, свободнымъ, счастливымъ въ своемъ отечествѣ на берегахъ Африки; далѣе влюбленнымъ въ дѣвушку, съ которою уже долженъ былъ соединиться брачными узами. Яркими красками изобразилъ онъ любовь матери и любовь дѣвушки, наконецъ, его ужасную неволю, когда англичане, или французы, купили его, надѣли ему на шею ярмо и, связаннаго, увезли въ Кубу, гдѣ несчастный изнывалъ въ плантаціяхъ, осужденный на вѣчное рабство. Мицкевичъ заключилъ свою импровизацію слезами араба и отчаяніемъ его матери и невѣсты. Трудно себѣ представить, до какой степени эта пѣснь потрясла слушателей. Конца не было восклицаніямъ; едва не на рукахъ поднимали поэта; дамы благодарили его со слезами на глазахъ; а греческій князь, которому эта импровизація подробно была переведена, не могъ не увлечься всеобщимъ восторгомъ, подошелъ къ поэту, взялъ и пожалъ ему руку; потомъ объявилъ ему, что этотъ арабъ до-сихъ-поръ его невольникъ, но съ этой минуты онъ свободенъ, и что пѣсни поэта онъ обязанъ своею свободою. Здѣсь онъ позвалъ араба и сказалъ ему на своемъ языкѣ нѣсколько словъ: арабъ упалъ къ ногамъ Мицкевича, со слезами и изъявленіями самой живѣйшей радости и благодарности. Всѣ были восхищены и потомъ благодарили Мицкевича за прекрасное исполненіе тѣмъ. Вся эта сцена окончилась блестящимъ вечеромъ съ танцами, который вѣчно будетъ мнѣ памятенъ.»

Эти извлеченія изъ записокъ г. Ковальскаго заставляютъ думать, что Мицкевичъ находился въ самомъ поэтическомъ расположеніи духа, во время пребыванія своего въ Одессѣ. Тамъ онъ написалъ, между прочимъ, нѣсколько стихотвореній, исполненныхъ той нѣжной и страстной любви, которою дышетъ вся его поэзія. Между ними замѣтимъ стихотвореніе «Разговоръ» (Rozmowa). Нашъ знаменитый, покойный композиторъ Глинка положилъ его на музыку для пѣнія, въ 1848 году, во время пребыванія своего въ Варшавѣ. Приводимъ его здѣсь въ прозаическомъ и по возможности близкомъ переводѣ:

«Милая моя! зачѣмъ намъ разговоръ? Желая передать тебѣ чувства, зачѣмъ я не могу перелить душу прямо въ душу? Къ-чему раздроблять ее на слова, которыя, прежде чѣмъ достигнуть твоего слуха и сердца, испаряются въ устахъ и стынутъ въ воздухъ?»

«Люблю, ах! люблю, сто разъ повторяю; а ты печалишься и начинаешь сердиться, что я моею любовью не могу совершенно высказать, выразить, передать въ пѣснѣ, и, какъ-будто въ летаргическомъ снѣ, не вижу возможности обнаружить знакъ жизни, чтобъ избѣжать могилы...

«Я утомилъ уста напрасною рѣчью; теперь хочу я слить ихъ съ твоими устами; хочу разговаривать только трепетомъ сердца, и вздохами, и поцалуями, и такъ разговаривать часы, дни, годы, до скончанія міра и послѣ скончанія міра!...»

Пусть читатели замѣтятъ это страстное стихотвореніе, гдѣ любовь доведена до самой возвышенной идеальности, до какой только можно довести ее въ мірѣ.

228
Въ Одессѣ онъ написалъ также большую часть своихъ сонетовъ, въ которыхъ еще сильнѣе, чѣмъ въ предъидущемъ стихотвореніи, выражена любовь, какъ страсть возвышенная и благородная. Осенью 1825 года Мицкевичъ ѣздилъ въ Крымъ и, по возвращеніи оттуда, написалъ «Крымскіе Сонеты». Далѣе мы будемъ еще говорить о нихъ; теперь же приведемъ только одинъ сонетъ, выражающій тогдашнее состояніе души Мицкевича:

«Я пѣлъ о любви въ толпѣ сверстниковъ; одни меня хвалили, другіе шептали: «Этотъ поэтъ только любить, страдаетъ и ропщетъ, ничего другаго не чувствуетъ, или не умѣетъ пѣть».

«Въ лѣтахъ болѣе мужественныхъ, при зрѣломъ умѣ, зачѣмъ его сердце пылаетъ такимъ дѣтскимъ пламенемъ? Для того ли боги дали ему вѣщій голосъ, чтобъ онъ въ каждой думѣ пѣлъ только о себѣ?»

«Предостереженіе великодушное! Въ мигъ, вмѣстѣ съ горними духами, схватываю лиру Алкея, и только-что я началъ играть строемъ Немцевича, вся толпа разбѣжалась съ пораженнымъ слухомъ; я срываю струны и глухую лиру бросаю въ Лету. Таковъ поэтъ, каковъ слушатель.»

Видно, что Мицкевича посѣщали такія же минуты разочарованія, какъ и нашего Пушкина.

Въ 1826 году Мицкевичъ оставилъ Одессу и уѣхалъ въ Москву, гдѣ и напечаталъ свои сонеты особою книжкою въ 4-ю д. л. Тамъ нѣкоторое время онъ былъ боленъ. Лучшее общество окружало его съ искреннимъ вниманіемъ. Какъ доказательство его особеннаго, поэтическаго настроенія въ то время, привожу въ переводѣ одно изъ самыхъ превосходныхъ его стихотвореній, написанное имъ въ началѣ 1827 года, въ домѣ княгини Зенаиды Волконской. Оно называется: «Къ греческой комнатѣ». Мы постараемся передать его какъ-можно-ближе къ

подлиннику, почти слово-въ-слово, и потому читатели извинять, если нашъ переводъ не будетъ отличаться отдѣлкою поэтической формы :

«Направляя путь въ темнотѣ за ея звѣздистымъ взоромъ и слѣдя ея бѣлую одежду въ углубленіяхъ изъ чернаго дерева, я вошелъ... Не страна ли это за потокомъ Леты? не громадная ли мумія городовъ, бранные останки Геркулана? Нѣтъ! здѣсь цѣлый древній міръ отъ слова красоты возсоздался, хотя вновь не ожилъ. Цѣлый міръ изъ мозаики; каждый его остатокъ — отломокъ произведеній искусства, величія памятниковъ.

«Здѣсь стопа путника не дерзаетъ коснуться камня: изъ камня выступаетъ изваянный ликъ бога. Разгнѣванный, онъ какъ-бы стыдится своего оскверненія, какъ-будто ненавидитъ людей, попирающихъ прежнее вѣру, и снова скрывается въ лонѣ мрамора, откуда вызвали его въ-древности руки ваятеля.

«Вокругъ саркофаги, украшенные кистью и рѣзцомъ, хранившіе царскій прахъ отъ пренебреженія, теперь, сами разсыпаясь въ прахъ, требуютъ гробницы. Кое-гдѣ отсѣченная капитель неизвѣстной колонны, обезображенная, обломанная, поверженная въ пыли, валется, какъ черепъ на могилѣ.

«Тамъ, отъ старости едва держится на ногахъ обелискъ, пришелецъ изъ страны Мизраима: видишь ли ты на немъ эти странныя очертанія, эти письмена затеряннаго языка древнихъ сфинксовъ? — то іероглифъ! Глубокая мысль, лежащая подъ его покровомъ, погружена въ летаргическій сонъ въ продолженіе тысячи лѣтъ. Она, какъ мумія, замкнутая въ бальзамическомъ ложѣ, цѣлая, невредимая, не можетъ воскреснуть!

«Не только твои искусства, о бранный человекъ! но и мертвую грудь стихій сѣдаетъ ржавчина вѣковъ. Взгляни на этотъ драгоценный камень, заброшенный въ песокъ: нѣкогда онъ имѣлъ чудный цвѣтъ и солнечный блескъ; сколько вѣковъ онъ свѣтился, пока, наконецъ, потощивъ всю ясность, не померкъ, какъ погасшая звѣзда.

«Среди развалинъ стоялъ одинъ цѣльный образъ Сатурна; подлѣ него одна урна, изваянная изъ коринфской бронзы. Внутри ея чуть-чуть вспыхиваетъ блѣдный огонекъ: не геній ли это воскресающей Эллады? Онъ поднялъ голову, сверкнулъ глазами и, взлетая на радужныхъ крыльяхъ, еще разъ лучами вѣнчаетъ чело боговъ, дремлющихъ небожительницъ и прелестное чело нимфы-предводительницы.

«О, пусть все эти божества надъ странюю воспоминаній вѣчно сняты мраморнымъ и бронзовымъ сномъ! Лишь бы только тебя, прелестная предводительница, пробудилъ меньшій изъ боговъ, до-сихъ-поръ

чтимый людьми. Проказник! убѣжавъ съ лона Афродиты, ты дремлешь, сося рубиновыя перси винограда.

«Грѣхъ большой, безъ жертвы миновать твое божество! О прелестная нимфа! будемъ набожны оба. Увы! предводительница поражаетъ холоднымъ взглядомъ, какъ жезломъ Меркурія, и мою душу, стремящуюся въ роскошный край наслажденія, безжалостно изгоняетъ за рубежъ надежды!»

«И что жъ расскажу я, возвратясь въ страну смертныхъ? Ахъ, я расскажу, что былъ на половинѣ пути къ раю, съ душою полугрустною, полурадостною; я уже слышалъ этотъ райскій разговоръ полувиатный, и видѣлъ этотъ райскій полусвѣтъ, эту полутьму, и узналъ—увы, только полуспасеніе!..»

Это произведеніе замѣчательно также потому, что показываетъ заветныя мечты Мицкевича о той, которая и нашимъ поэтамъ внушала благозвучные стихи. Они какъ-бы дополняютъ свѣтлый образъ вдохновившей Мицкевича. Вотъ стихи Пушкина, написанные въ 1827 году, слѣдовательно въ одно время съ Мицкевичемъ:

Среди разсыянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣвниаго тобой,
Не отвергай смиренной дани:
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

Переходимъ къ тому времени, когда Мицкевичъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, въ 1827 году. Молодой поэтъ, уже окруженный славою, встрѣтилъ искренній привѣтъ въ нашей сѣверной столицѣ. Произведенія его, если не всеми читались въ подлинникъ, то извѣстны были по переводамъ. Мицкевичъ сблизился съ Пушкинымъ и съ извѣстными тогда нашими литераторами, въ кругу которыхъ находилъ самый радужный пріемъ. Видно, что пламенное вдохновеніе не разлучалось съ нимъ и подъ нашимъ сумрачнымъ небомъ. Тогда онъ уже питалъ въ душѣ созрѣвшую идею своего громаднаго и высоко-поэтическаго созданія: «Конрадъ Валленродъ». Эта поэма написана имъ въ-теченіе одного

года и вышла въ Петербургъ въ 1828 году. Въ то же время Пушкинъ перевелъ ея начало. Мы еще обратимся къ ней въ продолженіе нашей статьи.

Мицкевичъ имѣлъ необыкновенный даръ импровизировать. Въ Петербургъ, въ 1828 году, однажды онъ былъ въ домѣ графа Генриха Ржевускаго, у котораго собрался кружокъ знаменитыхъ литераторовъ и художниковъ, для празднованія именинъ Мицкевича, наканунѣ дня Рождества Христова. Мицкевича просили импровизировать и дали ему тѣму: «Самуилъ Зборовскій» (*). Онъ импровизировалъ на нее цѣлую драму въ шекспировскомъ родѣ. Рассказываютъ, что въ-особенности была поразительна сцена, въ которой Зборовскій падаетъ на колѣни передъ Баторіемъ и благодаритъ его за то, что онъ прощаетъ ему убійство Ваповскаго. Восторженное состояніе поэта такъ сильно тогда подѣйствовало на его нервы, что онъ безъ чувствъ упалъ на полъ.

Импровизаторскій талантъ Мицкевича могли возбуждать только тѣсный, дружескій кружокъ и увлекательность какого-нибудь историческаго происшествія; но въ этомъ случаѣ на него преимущественно дѣйствовала музыка, подъ которую онъ всегда что-нибудь декламировалъ и находился въ поэтическомъ настроеніи. Его любимыми мелодіями, которыя сейчасъ же располагали его къ вдохновенію, были: польская пѣсня о Филонѣ и Лаурѣ и минуэтъ изъ «Дон-Жуана». Онъ могъ слушать эти мелодіи безъ утомленія въ продолженіе многихъ часовъ.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Петербургъ, въ 1829 году, онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній. Въмѣсто предисловія къ этому изданію, помѣщено разсужденіе «О критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ», съ слѣдующимъ замѣчательнымъ эпитаграмомъ изъ одного

(*) Извѣстный мятежникъ въ царствованіе Стефана Баторія. Во время празднованія коронаціи Генриха де-Валуа въ Краковѣ, Самуилъ Зборовскій осмѣлился въ замкѣ и почти въ глазахъ короля убить Ваповскаго, кастеллана перемышльскаго. Вдова Ваповскаго призвала его на судъ самого короля, и онъ приговоренъ былъ на всегданнее изгнаніе изъ края съ тѣмъ, что если когда-нибудь покажется въ Польшѣ, то подвергнется смертной казни. Зборовскій удалился въ Семаградскую Область, ко двору Стефана Баторія, и впоследствии много способствовалъ его избранію на польскій тронъ. Когда Стефанъ Баторій не хотѣлъ заняться уничтоженіемъ приговора, запрещавшаго Зборовскому возвратиться въ отечество, тогда онъ, пылая мщеніемъ, ворвался въ Польшу съ вооруженной толпою и старался возбудить бунтъ противъ государя. Наконецъ, онъ былъ пойманъ въ юрисдикціи Замойскаго въ Краковѣ и за свои преступленія подвергся смертной казни, къ которой былъ приговоренъ.

стариннаго сочиненія: «Закричали: «не позволяю!» и убѣжали на Прагу!» (Krzyknęli: nie pozwalam! uciekli na Pragę).

«Стихотворенія, заключающіяся въ нынѣшнемъ изданіи (говоритъ Мицкевичъ), почти всѣ уже извѣстны, и при первомъ ихъ изданіи обратили на себя вниманіе рецензентовъ, сдѣлавшись предметомъ многихъ порицаній и похвалъ. Я читалъ съ одинаковымъ чувствомъ тѣ и другія и молчалъ. Причину моего молчанія легко отгадаетъ каждый, кто знаетъ нынѣшнее состояніе литературной критики въ Польшѣ и имѣетъ понятіе о людяхъ, добивающихся званія критиковъ.»

Такъ начинается Мицкевичъ свое разсужденіе, въ которомъ онъ безпощадно, но спокойно и съ достоинствомъ поражаетъ своихъ близорукихъ критиковъ. Одни признавали въ немъ *талантъ*, но совѣтовали трудиться, слушаться критики и т. п. «Къ-несчастью (замѣчаетъ Мицкевичъ), художнику трудно пользоваться общими замѣчаніями. Напримѣръ, живописцу, представляющему свою картину на судъ критики, почитатели небольшую окажутъ услугу, если съ видомъ знатоковъ безпрестанно будутъ повторять, что нужно изучать рисунокъ, совершенствовать колоритъ, и т. п.» Обращаясь къ тѣмъ, которые, вооружась словаремъ и грамматикою, осуждаютъ поэта за употребленіе областныхъ выраженій, онъ говоритъ: «Общій приговоръ рецензентовъ касательно областныхъ выраженій есть слѣдствіе методы, принятой старыми французскими газетчиками. Они-то, считая себя блюстителями языка, на каждомъ шагу ссылаются на словарь академіи. И въ-самомъ-дѣлѣ, рецензентамъ и нѣкоторымъ читателямъ пріятно думать, что, купивъ словарь, они носятъ въ карманѣ трибуналъ, готовый разрѣшать самыя тонкіе споры, касающіеся поэтическаго выраженія». Были даже такіе рецензенты, которые прямо объявляли, что Мицкевичъ уничтожаетъ народность въ поэзіи, нарушаетъ законы вкуса, обезображиваетъ слогъ и грозитъ польской литературѣ упадкомъ.

Въ отвѣтъ одному критику, который замѣтилъ, что Байрона, Гёте и Вальтера Скотта никто не обвинялъ въ искаженіи языка, Мицкевичъ говоритъ: «Еслибъ критики потрудились когда-нибудь заглянуть въ прежнія нѣмецкія и новѣйшія англійскія рецензіи, то они убѣдились бы, что всѣ приводимые ими поэты подвергались тѣмъ же самымъ упрекамъ. Упомянутыя рецензіи уже переведены по-французски. Послушаемъ, что говоритъ *Mercur du XIX siècle*: «Les poètes anglais le plus renommés, parmi nous, Walter Scott, Southey, Moore, ne daignent pas corriger leurs vers; ils bravent non seulement les règles de la mesure, mais encore celles de la grammaire; ils font de la langue anglaise une véritable polyglotte, où sont admis les mots

de tous les idiomes parlés. Byron jette au hasard ses inspirations sténographiées sur le papier sans daigner ensuite y rattacher son attention, mettant les négligences au rang des licences, système qui est sans doute celui du vrai poète: car avec ce dédain, que chez nous, M. de Lamartine a modulé ses méditations, que ses amis et M. Tastu son libraire sont obligés de revoir». («Journal de St. Pétersbourg» 1828).

Послѣ этой выписки Мицкевичъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія, по казывающія въ немъ глубокаго и всесторонняго критика: «Подобныя жалобы никого не должны удивлять. Школьные риторы, со временъ Данта и Ламартина, всегда были одинаковы въ характерахъ и мнѣніяхъ. Читая поэтовъ, они съ простодушнымъ вздохомъ всегда роптали, что поэтамъ, имѣющимъ талантъ, не достаётъ ихъ учености. Возгласы риторическихъ крикуновъ періодически усиливаются въ эпоху великихъ литературныхъ переворотовъ. Въ Германіи, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, литература, можетъ-быть, почти столь же была бѣдна, какъ и у насъ».

Замѣтивъ, какъ нѣмецкіе риторы считали Лессинга, Клопштока и Гёте людьми несвѣдущими и нововводителями, Мицкевичъ продолжаетъ: «Исторія всеобщей литературы убѣждаетъ, что упадокъ вкуса и недостатокъ талантовъ всюду происходятъ отъ одной причины: отъ ограниченія себя извѣстнымъ числомъ правилъ мышленія и мнѣній; когда они истощатся, то, за недостаткомъ новой пищи, наступаютъ голодъ и смерть. Такъ упала византійская литература, наслѣдница самыхъ богатыхъ памятниковъ Греціи, потому-что, отгородившись отъ франковъ и аравитянъ, не хотѣла принять новыхъ формъ сообразно съ успѣхами вѣка. Подобное истощеніе постигло французскую литературу въ прошедшемъ вѣкѣ. У насъ, во времена іезуитовъ, испорченный вкусъ распространяли собтвенно люди, превосходно-знавшіе правила реторики, и именно профессоры реторики и проповѣдники. Всеобщее невѣжество происходило не отъ распространенія чужихъ наукъ, но отъ того, что ихъ тщательно остерегались.»

Разсмотрѣвъ мнѣнія своихъ критиковъ, Мицкевичъ говоритъ: «Удаленный отъ сцены литературныхъ волненій и непринадлежащій ни къ какой партіи, я читаю рецензіи черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ выхода и здѣсь привожу ихъ единственно съ цѣлью показать читателямъ, что не такъ-то легко, какъ кажется, исправлять сочиненія по замѣчаніямъ журналистовъ».

Разсужденіе свое Мицкевичъ оканчиваетъ общимъ взглядомъ на состояніе польской литературы вообще. «Странную противоположность

представляетъ наша литература (говоритъ онъ); у насъ были ученые поэты и ораторы; но теоретики наши, отъ грамматиковъ и до эстетиковъ, жилились только лахмотьями правилъ, приобретенныхъ въ школь; впрочемъ, были ограничены и исполнены предразсудковъ, соединенныхъ съ невѣдѣніемъ. Здѣсь исторія нашей литературы имѣетъ нѣкоторое сходство съ политической. Были у насъ хорошіе воины, честные граждане, но особенно въ послѣднее время, въ установленіе законовъ и управление войскомъ вмѣшивались люди вовсе безъ науки и опытности; въ такомъ же бѣдственномъ состояніи находились законовѣдѣніе и литературная критика».

Мы нарочно остановились на этомъ разсужденіи Мицкевича, потому что оно показываетъ его тогдашнее, личное отношеніе къ польской литературѣ. Безспорно, онъ тогда съ одного раза сталъ выше современныхъ ему критиковъ и литераторовъ, и вмѣстѣ съ этимъ выказалъ обширное и основательное знаніе какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ европейскихъ литературъ.

Послѣ изданія своихъ стихотвореній въ Петербургѣ, въ 1829 году, Мицкевичъ получилъ паспортъ и уѣхалъ за границу.

Онъ пробылъ долгое время въ Веймарѣ, гдѣ познакомился съ Гёте, который уже знакомъ былъ съ его произведеніями по многимъ переводамъ. Великій нѣмецкій поэтъ подарилъ тогда Мицкевичу *золотое перо* и сказалъ: «Вы теперь величайшій изъ живущихъ европейскихъ поэтовъ: Гёте ужъ сходить въ могилу!»

Въ Веймарѣ почтилъ Мицкевича также знаменитый ваятель Давидъ д'Анжеръ, который сдѣлалъ медальонъ его, чрезвычайно съ нимъ схожій.

Изъ Веймара Мицкевичъ отправился, черезъ рейнскія провинціи, прямо въ Швейцарію. Тамъ, на высотахъ Альповъ, въ немъ еще ожила мечта юности и свѣтлое воспоминаніе о Мариллѣ.

Вотъ начало его стихотворенія, написаннаго въ то время:

«Никогда, такъ никогда я не могу разстаться съ тобою! Ты плывешь за мною по морю, ты идешь за мною по землѣ; я вижу на льдахъ твои блестящіе слѣды и слышу твой голосъ въ шумѣ альпійскаго водопада, и волосы встаютъ у меня дыбомъ, когда я оглядываюсь, и боюсь и желаю видѣть твой образъ.

«Неблагодарная! теперь, когда, на высокихъ горахъ, повисши надъ пропастями и исчезая въ тучахъ, я останавливаю шаги свои, утомленные вѣчными льдами, и протирая глаза, увлажненные водою, ищу сѣверной звѣзды на туманномъ небѣ, ищу Литву, твой домикъ и тебя—неблагодарная! теперь, можетъ-быть, ты царица общества, распоря-

жаешься танцами веселаго собранія, или, можетъ—быть, занята новой любовью, или, смѣясь, рассказываешь о нашей сердечной связи.»

Далѣ слѣдуютъ горькіе упреки и картина того счастья, которое могло бы выпасть на его долю. Это была послѣдняя, громкая жалоба влюбленнаго поэта на высотахъ Альповъ!..

Послѣ онъ отправился въ Италію и въ Римѣ близко сошелся съ священникомъ Ламеннѣ, который произвелъ важное вліяніе на измѣненіе его внутреннихъ убѣжденій. Христіанскіе памятники вѣчнаго города сильно подѣйствовали на его душу и оставили въ ней глубокія впечатлѣнія, которыя согласовались тогда съ его грустными чувствами. Здѣсь, быть—можетъ, начало его расположенія къ мистицизму.

Въ 1830 году онъ оставилъ Римъ и поѣхалъ сперва въ Швейцарію, потомъ въ Парижъ и въ Дрезденъ. Конецъ лѣта и начало осени 1831 года Мицкевичъ провелъ въ Княжествѣ Познаньскомъ, а потомъ оставался въ Дрезденѣ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ 1832 году онъ снова ужъ былъ въ Парижѣ, гдѣ вскорѣ приступилъ къ печатанію третьей части *Поминокъ Усопшихъ* (*Dziady*) и *Книжъ Пилиризма*. Эти произведенія не подлежатъ нашему особенному рассмотрѣнію, потому—что всего менѣе выражаютъ Мицкевича, какъ истиннаго поэта, и явились вслѣдствіе его временныхъ, личныхъ взглядовъ и отношеній. Замѣчательно, что въ третьей части *Поминокъ* въ первый разъ мѣстами проглядываетъ въ немъ мистическое направленіе, которое впоследствии еще болѣе развилось, когда онъ сошелся съ Товіанскимъ. Что касается *Книжъ Пилиризма*, то католическое духовенство не благоволило къ этому сочиненію и подвергло его формальному осужденію. Когда оно было переведено на французскій языкъ Монталамберомъ, папа Григорій XVI упоминалъ о немъ въ окружномъ посланіи, осуждающемъ Ламеннѣ. Монталамберъ, въ предисловіи къ своему переводу, прямо указываетъ, что Ламеннѣ подражалъ Мицкевичу въ одномъ изъ своихъ сочиненій подобнаго же рода.

Въ 1833 году онъ уже писалъ одну изъ лучшихъ своихъ поэмъ: *Панъ Тадеушъ*, съ которою ниже мы познакомимъ читателей. Она вышла въ Парижѣ въ 1834 году.

Вскорѣ послѣ этого произошла важная перемѣна въ жизни Мицкевича: онъ предался религіозному мистицизму... Его увлекали Бемъ, Сен-Мартенъ и Бадеръ... Кажется, къ этому времени принадлежатъ слѣдующія его стихотворенія: *Разумъ и Вѣра*, *Великій Художникъ*, *Мудрецы* и *Вечерній Разговоръ*. Первое изъ нихъ («Разумъ и Вѣра») начинается стихами:

«Когда разумное, громовластительное чело склонилъ я предъ Госпо-

домъ, какъ тучу передъ солнцемъ, Господь приподнял его къ небу, какъ кругъ радуги, и оцвѣтилъ тысячью лучей.»

Нѣсколько—ниже поэтъ говоритъ :

«Господи! гордыня моя возбуждена духомъ смиренія. Хотя высоко блистаю я въ синевѣ небесъ, но, Господи! я воспламененъ не собственнымъ блескомъ: мой блескъ — слабое отраженіе твоихъ огней!»

Слѣдующее стихотвореніе: *Великій Художникъ*, приводимъ вполнѣ, чтобъ показать тогдашнее направленіе Мицкевича:

«Есть Художникъ, который всѣхъ духовъ соединилъ въ хоръ и настроилъ всѣ сердца, чтобъ вторить ему; всѣ стихіи натянулъ какъ струны, и, прикасаясь къ нимъ вихрями и громами, искони поетъ и играетъ одну пѣснь; но міръ донинѣ не понялъ ея содержанія!

«Художникъ, который расписалъ лазурью небеса и на грунтъ волнъ отпечатлѣлъ живописныя очертанія, изваялъ на вершинахъ горъ образцы колосовъ и отлилъ ихъ изъ металла во глубинѣ земли; но міръ, впродолженіе столькихъ вѣковъ, послѣ столькихъ твореній, не понялъ и одной мысли Создателя!

«Есть краснорѣчивый Художникъ, который въ немногихъ словахъ возвѣстилъ народу могущество Божіе и всю книгу своихъ помысловъ и дѣлъ объяснилъ глаголомъ, подвигомъ и чудомъ; донинѣ Художникъ былъ великимъ для міра, но міръ теперь презираетъ его, узнавъ въ немъ брата.

«Земной художникъ! что значать твои изображенія, твои изваянія и твои слова? И ты жалуешься, что кто-то въ толпѣ братьевъ не понимаетъ ни твоихъ мыслей, ни словъ, ни дѣлъ? Взгляни на Художника и страдай, сынъ Божій, неузнанный, или презрѣнный чернью!

«Когда дѣти міра называютъ меня спокойнымъ, я скрываю отъ ихъ взоровъ взволнованную душу, и холодная гордость, какъ туманная пелена, поглащаетъ облакомъ внутренніе громы, и только ночью, въ тишинѣ, изливаю я на Твое лоно бурю, разлившуюся слезами!..»

Черезъ годъ послѣ изданія *Пана Тадеуша*, въ 1835 году, вышелъ переводъ байронова *Глура*. Невольно изумляешься поэтической дѣятельности Мицкевича, проявившейся въ такое короткое время и съ такимъ блескомъ. Объ этомъ переводѣ мы еще будемъ говорить ниже.

Вскорѣ послѣ изданія *Глура*, въ томъ же 1835 году, Мицкевичъ женился на Целниѣ Шимановской, дочери знаменитой въ свое время пѣвицы Маріи Шимановской. Онъ зналъ свою жену въ дѣтствѣ, въ Петербургѣ. Она пріѣхала въ Парижъ по его приглашенію.

Теперь мы переходимъ къ тѣмъ годамъ жизни Мицкевича, когда онъ сталъ упадать духомъ подъ бременемъ горестныхъ испытаній и внутренней, страдальческой борьбы.

Въ 1836 году выпустилъ онъ VIII-й томъ парижскаго изданія своихъ стихотвореній. Краткія мысли и замѣтки въ стихахъ, заимствованныя изъ сочиненій Якова Бема, Ангела Силезца (*Angelus Silesius*) и Сен-Мартена, и помѣщенные въ этомъ томѣ, свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ мистическомъ направленіи поэта.

Въ слѣдующихъ послѣ этого годахъ Мицкевичъ пытался писать польскую исторію и даже началъ этотъ трудъ. Онъ принялся также писать французскую драму: *Le Château de Cracovie*, которую впоследствии и окончилъ; но домашнія хлопоты, болѣзнь жены, въ которой обнаружилия признаки меланхолическаго, и заботы о дѣтяхъ часто отрывали его отъ работы.

Нужда заставила его искать какой-нибудь должности, и въ 1839 году ему предложили мѣсто профессора латинской литературы въ Лозаннѣ. Тамъ онъ провелъ цѣлый годъ среди пріятнаго общества, встрѣчая уваженіе учениковъ и сочувствіе большей части профессоровъ, между которыми въ то время находился знаменитый Кине. Осенью 1840 года онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ ожидала его кафедра славянской литературы въ *Collège de France*. До конца академическаго года поэтъ постоянно читалъ свой курсъ два раза въ недѣлю. Въ іюлѣ занемогла жена его, такъ-что онъ принужденъ былъ помѣстить ее въ деревнѣ, въ такъ-называемомъ *maison de santé*. Много горя перенесъ Мицкевичъ въ это время тяжкихъ для него испытаній. Онъ не устоялъ и упалъ духомъ подъ ихъ гнетомъ. Какъ видно, несчастіе сильно подействовало на его пламенную и впечатлительную организацію: въ это время мистицизмъ уже овладѣлъ имъ вполне, въ-особенности, когда, въ августъ 1840 года, пріѣхалъ въ Парижъ литовскій шляхтичъ Андрей Товіанскій, впоследствии извѣстный основатель религіозно-мистической секты. Мицкевичъ совершенно покорился его вліянію, когда Товіанскій, въ доказательство своего таинственнаго и высокаго призванія, объявилъ ему, что онъ однимъ словомъ своимъ исцѣлитъ жену его, и дѣйствительно такъ случилось.

Сентября 27, того же года, Товіанскій въ первый разъ явился передъ поляками во время богослуженія въ *Notre-Dame*, на которое Мицкевичъ разослалъ всѣмъ печатные пригласительные билеты. Оба они тогда причащались. По окончаніи священнаго обряда, Товіанскій тихимъ голосомъ произнесъ рѣчь и окончилъ ее слѣдующими словами: «Завѣса розодрана; эпоха возрожденія начинается»...

Съ этого времени начались собранія послѣдователей Товіанскаго, которыхъ число болѣе-и-болѣе увеличивалось. Въ этихъ собраніяхъ совершались странныя, мистическія обряды. Ревностные католики, искренно-

преданные Мицкевичу, сначала были спокойными наблюдателями схода; но когда последователи Товіанскаго стали говорить о переселеніи душъ, предлагать насильственное возношеніе духа и дѣлать различіе между церковью, тогда нѣкоторые изъ нихъ, особенно духовные, начали обнаруживать старыя заблужденія въ новомъ ученіи. Последователей Товіанскаго раздражало каждое противоборство. Между ними произошелъ раздоръ.

Товіанизмъ поглотилъ все мысли и чувства Мицкевича, такъ-что ему уже неприятно было читать лекціи въ Collége de France. Только весной 1842 г. онъ видимо оживился, когда началъ объяснять, что такое польскій «мессіаниззмъ». Слѣдующіе курсы 184²/₃ и 184³/₄ гг., большею-частью были изложеніемъ новаго ученія.

Въ маѣ 1844 г. правительство закрыло каѳедру славянской литературы. Такъ-какъ почти въ одно и то же время закрыты были каѳедры Мишлэ и Кине, то была выбита медаль, на которой портретъ Мицкевича помѣщенъ вмѣстѣ съ портретами этихъ двухъ профессоровъ.

Въ эту эпоху Мицкевичъ чрезвычайно измѣнился. Прежде онъ былъ веселъ, любилъ пѣніе, общество, бесѣды; теперь вдругъ сдѣлался мрачнымъ; искренность замѣнилась въ немъ раздражительностью въ высшей степени. На его выразительномъ лицѣ отпечатлѣлось тяжкое страданіе. Между-тѣмъ время уходило, а событія, предсказанныя Товіанскимъ, не совершались. Впрочемъ, ученики не оставляли его, болѣе-и-болѣе погружаясь въ мистицизмъ, который, какъ выражается одинъ изъ биографовъ Мицкевича, принималъ во Франціи наполеоновскій характеръ.

Когда на папскій престолъ вступилъ Пій IX, Мицкевичъ сталъ обращаться къ церкви. Въ концѣ 1847 г. онъ поѣхалъ въ Римъ съ намѣреніемъ подвергнуть суду церкви ученіе Товіанскаго и свои сочиненія.

Въ Римѣ онъ видѣлся съ папою и снова сблизился съ монахами храма Св. Воскресенія, своими старинными друзьями. Между-тѣмъ въ Парижѣ вспыхнула февральская революція. Мицкевичъ возвратился туда въ 1849 г. Наполеонъ управлялъ Франціею. Это обстоятельство согласовалось съ понятіями и предчувствіями поэта, какъ мы ниже увидимъ при обзорѣни его лекцій. Онъ сблизился съ приверженцами новаго порядка во Франціи и часто бывалъ у дяди президента, Леронима. Вскорѣ получилъ онъ отъ правительства скромное мѣсто хранителя арсенальской бібліотеки.

Въ послѣдніе годы своей жизни онъ совершенно оставилъ последователей Товіанскаго и вполне предался религіозному чувству. Въ Латривѣ онъ долго говѣлъ и каялся въ грѣхахъ своихъ.

Зимой 1853 г. скончалась жена Мицкевича, оставивъ шестерыхъ сиротъ. Огорченный этимъ несчастіемъ, поэтъ провелъ нѣкоторое вре-

мя въ Фонтенблô, у друзей своихъ, Залескихъ. Въ іюнѣ этого же года онъ поѣхалъ въ Константинополь, вмѣстѣ съ ученою экспедиціею. По порученію французскаго правительства, онъ долженъ былъ ученымъ образомъ изслѣдовать славянскія земли въ Турціи.

Мицкевичъ скончался въ Константинополь отъ холеры, 28 декабря 1855 г. Вотъ что писалъ близкій свидѣтель его кончины:

«Нашего великаго Адама Мицкевича не стало... Часа два назадъ, какъ я, вмѣстѣ съ Генрихомъ Служальскимъ, его вѣрнымъ другомъ, положилъ его мертвое тѣло въ гробъ... Со времени пріѣзда сюда Мицкевича, я почти ежедневно бывалъ у него. Когда онъ возвратился изъ Бургаса, то изъ постороннихъ только мнѣ одному позволилъ входить въ свою комнату. Видя, что лихорадка, мучившая его, совершенно перестала и что онъ выздоровѣлъ, я бывалъ у него рѣже. Въ первый разъ, впродолженіе пяти дней, я не видѣлся съ Мицкевичемъ; но когда, третьягодня, я шелъ къ нему, то посланный остановилъ меня на дорогѣ съ ужасною вѣстью... Когда я пришелъ къ нему, Служальскій бросился мнѣ на шею, и мы оба зарыдали отъ горести, смотря на это лицо, на которомъ отражалось какое-то небесное выраженіе спокойствія и важности. Черты покойнаго, немедленно послѣ кончины, приняли поразительное сходство съ лицомъ Наполеона. Горесть нашу векорѣ прервали два медика съ помощникомъ, пришедшіе бальзамировать тѣло. Трое насъ присутствовало: Служальскій, французъ Леви, секретарь покойнаго, и я. Двоимъ изъ насъ не достало присутствія духа; мы не могли смотрѣть на эту операцію, тѣмъ болѣе, что Мицкевичъ запретилъ ее при жизни своей: она исполнена была по приказанію французскаго посланника. Итакъ Леви остался одинъ; мы съ Служальскимъ разговаривали въ другой комнатѣ и плакали, пока достало намъ слезъ. Въ пятомъ часу, подъ-утро, бальзамированіе обончилось и пришла наша очередь заняться одѣваньемъ покойнаго. Мы одѣли его въ любимую имъ шубку, голову накрыли конфедераткою, которую онъ всегда носилъ; на груди же положили портретъ его покойной жены. Послѣ этого мы перенесли его на своихъ рукахъ въ гробъ, передъ которымъ мы стали на колѣни, поцаловали въ послѣдній разъ его руки...

«О послѣднихъ минутахъ его жизни замѣчу, что онъ впродолженіе нѣсколькихъ дней страдалъ діарреею. Третьягодня, въ четыре часа пополудни, съ нимъ сдѣлалось очень-худо и показались первые признаки холеры. По мнѣнію медиковъ, уже послѣ пришедшихъ, находившейся при немъ отъ полудня докторъ Гембицкій не въ-состояніи былъ ему помочь; онъ поджидалъ своихъ товарищей. Хотя Дроздовскій, Шостановскій и Нарсевичъ пришли сейчасъ же, однако ужъ было поздно

Впрочемъ, самъ Мицкевичъ понялъ свое опасное положеніе и приказалъ Служальскому вывѣдать, что думаютъ медики. Когда послѣдній сказалъ ему, что нѣтъ большой надежды, то онъ хотѣлъ что-то диктовать, но у него не достало силъ, потому-что страданія его были ужасны. Только на словахъ онъ передалъ ему нѣкоторыя распоряженія. Мицкевичъ не хотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ. Въ шесть часовъ пришелъ къ нему священникъ Лавриновичъ, родомъ изъ Жмуйдзи, котораго Мицкевичъ очень уважалъ. Въ семь часовъ онъ показывалъ только знаками, что узнаётъ окружающихъ. Наконецъ въ восемь часовъ началась страшная борьба жизни съ смертью и въ сорокъ минутъ десятого угасъ этотъ великій свѣточъ...»

Теперь смертные останки поэта уже покоятся на кладбищѣ въ Монморанси...

III.

Для полнаго очертанія личности Мицкевича сообщаемъ здѣсь любопытныя свѣдѣнія о его портретахъ, заключающіяся въ письмѣ неизвѣстнаго изъ Парижа, которое помѣщено было въ 37 № «Варшавской Газеты» (*Gazeta Warszawska*) за 1838 годъ.

«Какъ въ Польшѣ, такъ и за границею теперь безконечно размножаются портреты Мицкевича. Тѣ, которые ближе знали поэта, не обязаны ли сдѣлать опредѣленные указанія, могущія служить руководствомъ для публики при выборѣ изображенія, въ которомъ вѣрнѣе сохранилась черты обожаемаго поэта?»

«Нелегко случается встрѣтить такое подвижное лицо, какое было у Мицкевича, такъ-открыто выражавшее все мысли, все впечатлѣнія и порывы, все опасенія и сомнѣнія, гнѣвъ и презрѣніе, возвышенность души и простоту поселанина, восхищеніе и истинную нѣжность, а иногда какую-то мертвенность въ минуты утомленія, въ которыя, однако, оставались слѣды всѣхъ этихъ чувствъ, такъ-что на этомъ безмолвномъ, внѣшнемъ орудіи души можно было исчислить и обозначить все струны и клавиши, оставшіяся безъ движенія, мысленно пробѣгать все тоны, которые ежеминутно готовы были снова отозваться. Это былъ обьигранный инструментъ, послушный художнику такъ же, какъ его голосъ и интонація его разговора, какъ этотъ внутренній даръ все передавать свойственнымъ ему словомъ, какъ его вездѣ зрѣлый и совершенный стиль въ прозѣ и стихахъ, все изображающій сильно и мѣтко, непадающій въ какую-то *fausse bonhomie*, подобно его подражателямъ въ размножившихся теперь разказахъ изъ шляхетской жизни. Да и въ его

жизни никогда не было этой *fausse bonhomie*: вот почему каждое его обыкновенное движеніе уничтожало всякую гордыню, приближающуюся къ нему, и озаряло лицо его смиреннымъ благочестіемъ пилигрима. Однакожь, его лицо далеко не походило на тѣ лица, которыя вообще мы привыкли называть необыкновенными. Лобъ невысокій, съ морщиною, надъ которою загибались спереди длинные, густые и назадъ-зачесанные волосы. Велѣдствіе предрасудка, или по предчувствію, онъ неохотно давалъ ихъ стричь, утверждая, что это было вредно для глазъ. Носъ у него былъ правильный, но нѣсколько-наклоненный внизъ, какъ изображено, можетъ-быть, слишкомъ-рѣзко на портретѣ Тени, гдѣ онъ странно тѣнью раздѣляетъ пополамъ лицо, слишкомъ-перпендикулярно представленное. Я говорю о картинѣ, которая была на выставкѣ, потому-что берлинскихъ гравюръ съ нея я вовсе не видалъ. Части лба, по обѣимъ сторонамъ надъ бровями, были бы самымъ любопытнымъ предметомъ для френолога. Прекрасно можно разсмотрѣть ихъ на превосходномъ бюстѣ Олещинскаго, которымъ я восхищался въ изящномъ и уменьшенномъ слѣикѣ изъ гипса. Отдаю полную справедливость лично мнѣ незнакомому ваятелю и отъ души желаю, чтобъ этотъ слѣнокъ у насъ былъ распространенъ. Взглядъ Мицкевича былъ продолжителенъ; въ немъ болѣе замѣчалось размысленіе, чѣмъ пронизательность, если поэтъ кого-нибудь слушалъ; но этотъ взглядъ вдругъ сверкалъ чудною искрою, когда Мицкевичъ собирался отвѣчать. Казалось, все, что онъ тогда видѣлъ или слышалъ, сосредоточивалось въ одинъ фокусъ, и каждый разъ, какъ только въ разговорѣ съ кѣмъ-либо изъ постороннихъ его поражала какая-нибудь мысль, онъ вдругъ какъ-бы замыкался въ самомъ себѣ, поднималъ голову; глаза какъ-бы заволакивались мглою и, нѣкоторое время оставаясь неподвижными, черезъ минуту оживлялись, какъ-будто весь ихъ огонь и жизнь сосредоточивались внутри его собственнаго духа. На устахъ его, еще съ юности, замѣтно выражалась байроновская горечь, и потому-то, въ минуты нерасположенія, протянутыя губы чудно выражали недовольство или пренебреженіе; подбородокъ, выдающійся впередъ и приподнятый кверху, ярко очерчивалъ эти губы снизу, а двѣ боковыя морщины, отдѣляющія ихъ отъ щекъ, съ теченіемъ времени, придавали его устамъ еще болѣе вышуклости. Въ минуты задумчивости, лобъ его, казалось, сжимался и подавался къ задней части головы. При выдающихся впередъ устахъ и приподнятомъ подбородкѣ, это придавало всему лицу его орлиный видъ. Но кто въ состояніи описать это лицо, когда оно оживлялось искреннимъ радушіемъ, когда, во время смиренной молитвы въ церкви, на немъ отражалось глубокое благоговѣніе, или когда высокая мысль воспламеняла его

на кафедрѣ, заставляла его приподнимать брови, придавала чертамъ его лица какую-то силу и могущество, выражалась громкимъ и звучнымъ органомъ голоса и, какъ солнце, разливала вокругъ благодатную теплоту! На одну изъ его лекцій въ Collége de France я привелъ молодого датскаго офицера, находившагося тогда въ Парижѣ. Онъ ни слова не зналъ по-французски; но, нѣкогда слышавъ, какъ Эленслегеръ съ величайшимъ восторгомъ отзывался о Мицкевичѣ, хотѣлъ увидѣть польскаго поэта по-крайней-мѣрѣ на кафедрѣ, не осмѣливаясь у него дома навязываться ему съ своимъ знакомствомъ. Меня очень изумило его напряженное вниманіе, съ какимъ, казалось, онъ слушалъ профессора въ продолженіе почти полутора часа; и когда я разсказалъ ему въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе лекціи, то онъ чрезвычайно-вѣрно развилъ передо мною многія идеи, въ-особенности же объяснилъ всѣ чувства, которыя, по его собственному признанію, прочиталъ на краснорѣчивомъ лицѣ поэта.

«Портреты Мицкевича, нѣкогда сдѣланные въ Польшѣ и за границею, во время его молодости, ничего не говорятъ ни моему сердцу, ни моей памяти, несмотря на то, что я довольно-часто встрѣчался съ нимъ и потому былъ съ нимъ неразлученъ въ продолженіе четверти столѣтія слишкомъ. Здѣсь я не исключаю даже мраморнаго бюста и медальюна работы безсмертнаго Давида д'Анжера. Всего болѣе возбуждаетъ во мнѣ какую-то мысль и чувство литографія Тульёна (Toullon), сдѣланная въ 1844 году. Не берусь рѣшить, прежніе ли художники вовсе не схватывали того, что всегда остается въ человѣческомъ лицѣ, что обозначается въ немъ только съ теченіемъ времени, или эта жизнь, столь дѣятельная, проведенная въ непрерывныхъ трудахъ и страданіяхъ, изгладилла и преобразила эти черты, лишеныя сходства? Портретъ, сдѣланный г. Тульёномъ, принадлежитъ теперь къ величайшимъ рѣдкостямъ. У кого онъ есть, совѣтую тому старательно хранить его. Онъ не безъ недостатковъ, хотя и отличается большими достоинствами и совершеннымъ сходствомъ въ одну изъ самыхъ блистательныхъ эпохъ жизни Мицкевича, когда онъ, какъ профессоръ, пользовался громкою славою во Франціи. Изображеніе его, съ чертами старости, сдѣланное въ каменной овальной нишѣ, изъ разсѣлинь которой повидимому плющъ выпускаетъ мелкія вѣтки, по моему мнѣнію, не довольно-правдоподобно. Это возстановленіе моды конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, которая, не знаю почему, въ-особенности распространилась и сохранилась въ Германіи. На лицѣ отражается вдохновеніе, какъ у челоуѣка, который какъ-будто не сошелъ еще на землю; одинъ глазъ полузакрываетъ, какъ-бы ослѣпленный солнцемъ. Была ли здѣсь у худож-

ника какая-нибудь мысль? Къ-сожалѣнію, нѣтъ! это только случай. Съ этого времени мнѣ неизвѣстно, дѣлалъ ли кто-нибудь при жизни поэта новый бюстъ, или гравировалъ его портретъ на стали, рисовалъ ли на камнѣ, или писалъ на полотнѣ? Однакожь, кажется, что за самый вѣрный и схожій портретъ Мицкевича мы обязаны фотографіямъ Михаѣла Швайцара. Знаменитый Надаръ довольно-неудачно передѣлалъ его и приложилъ къ одному изъ выпусковъ своего сборника *Les Contemporains*, издаваемого въ Парижѣ.

«Сколько намъ извѣстно, фотографіи Швайцара служили главнымъ образцомъ для всѣхъ портретовъ Мицкевича, сдѣланныхъ послѣ его смерти. Всего-лучше умѣлъ воспользоваться этими фотографіями г. Владиславъ Олещинскій въ бюстѣ, о которомъ упомянуто выше. Литографія Юліана Мицкевича, годъ назадъ оттиснутая въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, теперь уже очень-рѣдка. Она имѣетъ необыкновенную цѣнность; ее старательно и напрасно отыскиваютъ въ Парижѣ. Не знаю, по какому образцу сдѣланъ портретъ, приложенный къ новому изданію сочиненій Мицкевича, выходящему въ Варшавѣ, потому-что я еще не видалъ его; но рекомендую недавно-вышедшій здѣсь портретъ: это одна изъ фотографій, гелиографически перенесенная на металлическую доску и сдѣланная *à l'eau forte*. Эта гравюра г. Риффо (Riffaut) живо и пріятно напоминаетъ мнѣ нашего поэта. Выраженіе лица передано старательно и съ большимъ одушевленіемъ; оно исполнено непринужденности и привлекательности; однакожь взглядъ поэта серьезенъ; кажется, будто онъ кого-то слушаетъ, или на что-то внимательно смотритъ; но онъ съ нами, онъ на землѣ и въ жизни! Въ рукѣ онъ держитъ трость, не опираясь на нее. Съ-виду, это человѣкъ, сидящій непринужденно и просто, исполненный движенія и жизни. Признаюсь, однакожь, что, несмотря на всѣ эти достоинства, самая фотографія имѣетъ для меня болѣе очарованія. Есть въ ней что-то безконечное и неисчерпаемое для мысли и для глазъ, чего рука человѣческая никогда не въ-состояніи передать».

IV.

Приступая къ общему разсмотрѣнію поэтической дѣятельности Мицкевича, мы должны сперва привести полный перечень всѣхъ изданій его сочиненій.

I. Польскія изданія по порядку ихъ выхода въ свѣтъ.

Изданіе первое: Стихотворенія Адама Мицкевича (Poezye Adama Mickiewicza). Вильно, 1822. 2 части, въ 32.

Издание второе: Парижъ, 1828. 2 части, въ 18. Часть третья вышла въ 1829 году.

Издание третье: Познань, 1828. 5 частей, въ 32.

— *четвертое:* Санктпетербургъ, 1829. 2 части, въ 16.

Издание пятое: Познань, 1832. Въ in 8, въ два столбца (въ собраніи: *Nowy Parnas Polski*, то-есть *Новый Польскій Парнасъ*).

Издание шестое: Варшава, 1833. 3 части, въ 8.

— *седьмое:* Сочиненія Адама Мицкевича, вновь пересмотрѣнныя, дополненныя и съ его согласія изданныя (*Pisma Adama Mickiewicza, napowow przejrzone, dopełnione i za zezwoleniem jego w tem siódmem z kolei wydaniu do druku podane*). Парижъ, 1844. 4 тома, въ 16. (Съ предисловіемъ А. Ходзько).

— *восьмое:* Сочиненія Адама Мицкевича. Новое, значительно-умноженное изданіе. Съ портретомъ автора (*Pisma Adama Mickiewicza. Wydanie nowe, znacznie powiększone. Z portretem autora*). Варшава 1858. 8 томовъ. Въ 12-ю д. л. (*).

Отдѣльно были изданы:

1822 года, въ 8. Вильно. *Посланіе къ Іоахиму Лелевелю.*

1826, въ 4. Москва. *Сонеты.*

1827, въ 16. Львовъ. *Сонеты.*

1828, въ 8. Санктпетербургъ. *Конрадъ Валленродъ.*

1832, въ 18. Парижъ. *Книги Пиллиримства*, вторично изданы въ 1833 году; въ третій разъ въ Германіи; четвертое изданіе вышло въ 1834 году.

1834, въ 18. Парижъ. *Панъ Тадеушъ, или послѣдній запѣдъ въ Литвѣ.* 2 части.

1835, въ 18. Парижъ. *Глуръ*, переводъ изъ Байрона, вмѣстѣ съ *Корсаромъ*, перев. А. Э. Одынца.

1836, въ 18. Парижъ. *Стихотворенія.* Томъ 8-й.

1838, въ 18 Парижъ. *Стихотворенія.* Томъ 1-й, 2-й и 3-й, къ которымъ прибавлены: томъ 4-й (заключаетъ въ себѣ: *Поминки усопшихъ ч. III*), 5-й и 6-й (*Панъ Тадеушъ*), 7-й (*Глуръ*) и 8-й (стихотворенія, напечатанныя въ 1826 году). Всѣ эти томы прежде составляли какъ-бы одно полное изданіе.

II. ПЕРЕВОДЫ.

1) Французскіе:

Konrad Wallenrod, le Faris et les Sonets de Crimée, trad. par Miaskowski et Fulgence. Paris 1830 in 8.

Konrad Wallenrod, par un anonyme nouvelle traduction. Paris, in 32.

(*). Это изданіе вскорѣ будетъ окончено. Мы поговоримъ о немъ въ особой статьѣ, когда выйдетъ послѣдній томъ его.

Dyphrambe à la jeunesse, trad. par Boyer-Nioche. Paris. 1831, in 8.
Livre des pèlerins etc., trad. par le C-te Charle de Montalambert. Paris. 1833, in 18. (Два раза перепечатано въ Брюсселѣ).

Idem, par Louis Lemaitre. Paris. 1833, in 8.

Les Ayeux, trad. par Burgaud de Marets. Paris. 1834, in 12.

Konrad Wallenrod, trad. par Loison. Paris. 1836, in 8. — Въ Собраніи стихотвореній Хр. Островскаго: *Nuit d'Éxil* (1836), помѣщенъ переводъ *Гражины* Мицкевича и вновь напечатанъ во второмъ изданіи тѣхъ же стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Semaine d'Éxil* (1827), съ прибавленіемъ перевода *Фаруса*, *Гудошника* (Dudarz) и др.

Oevres d'Adam Mickiewicz, traduction nouvelle, par le C-te Ostrowski. Paris. 1842. T. 1-er, in 12.

2) Нѣмецкіе :

Bücher der Pilgerschaft etc., übersetzt v. J. P. B. G. G. Deutschland. (Парижъ, у Гейделоффа). 1833, in 8.

Nordlichter-Farys, Conrad Wallenrod, Grażyna — von Ludwig Nabelak und J. B. Werner, mit Bildern von F. Fellner. Stuttgart, 1834.

Der Polnische Parnass. A. Mickiewicz, von Julius Mendelson.—Heidelberg, 1834 in 32.

Konrad Wallenrod, geschichtliche Erzählung aus Lithauens und Preussens Vorzeit; übersetzt v. K. L. Kannegisser. Leipzig. 1843 in 12.

Mickiewicz Adam, Kurze Gedichte. Leipzig, 1835 in 12.

— Sämmlische Werke I. Theil. Gedichte aus dem poln. übertragen v. Karl von Blankensée. Berlin, 1836 in 12 (составляетъ первый выпускъ собранія: *Der Polnische Parnass*).

Herr Thaddeus oder der letzte Sajasd in Lithauen, übersetzt v. R. O. Spazier, 2 B-de. Leipzig. 1836, in 8.

Russland, eine Schilderung v. A. Mickiewicz; v. P. L. et F. N. Paris. 1833.

Сонеты на нѣмецкій языкъ переведены Швабомъ.

3) Англійскіе :

Books and the pilgrimage, etc. London. 1833, in 18.

Conrad Wallenrod, an historical poem., translated from the polich, by Leon Jabloſky. Edinburgh. 1841, in 8.

Катлей перевелъ стихами всего «Валленрода» и издалъ его въ Лондонѣ въ 1842 г.—Г. Ривъ (Rive), между своими стихотвореніями помѣстилъ переводъ *Фаруса*, въ 1842 г. Полакъ Тохманъ, въ одномъ изъ бостонскихъ журналовъ (въ Америкѣ), помѣстилъ переводъ баллады: *Пани Твардовская*.

4) Чешскіе :

Konrad Wallenrod, powěst degepisna z deguw litewskych a pruskich, přeložena od Swatopolka Stulze. W Praze. 1837.

Прим. Отрывки изъ «Книги Пилигримства» переведены на сербо-иллирійскій языкъ и помѣщены въ журналъ: «Danica Hirska» (Илирская Денница), 1838 года.

Въ 1826 году, Мирза Джеаферъ Топчи Баши перевелъ на персидскій языкъ сонетъ: *Чатырдагъ*.

5) Русскіе:

Стихотворенія Адама Мицкевича. Перевелъ съ польскаго В. Р. Санкт-петербургъ 1829, въ 8 (*Сонеты; Вилія и Пѣснь Вайделоты*).

Крымскіе сонеты А. Мицкевича. Переводы и подражанія Ивана Козлова. Спб. 1829, въ in 8 (съ предисловіемъ князя П. А. Вяземскаго).

Конрадъ Валленродъ. Историческая повѣсть изъ литовскихъ и прусскихъ событій А. Мицкевича. Перевелъ съ польскаго Афанасій Шпигоцкій. Спб. 1832, въ 8.

О другихъ переводахъ, большею частью напечатанныхъ въ журналахъ, мы будемъ говорить ниже.

Кстати указываемъ на критическія статьи о Мицкевичѣ и его произведеніяхъ, писанныя за границею:

Notice sur la vie et les poésies d'Adam Mickiewicz. Revue Encyclopédique. Paris, mai. 1830, in 8.

Examen des Oeuvres de Mickiewicz. Bibliothèque Universelle. Genève. Octobre 1830.

Biographie Universelle et portative des contemporains. Paris. 1826 — 1833, in 8. Также: Biographie des Contemporains par un homme de rien. Paris. 1841, in 32.

Revue de Deux Mondes, 1839. *Essai sur le drame fantastique.* Göthe, Byron, Mickiewicz, par G. Sand.

Revue de Deux Mondes, 1843, novembre, статья г. Лебра (Lebre), о курсѣ славянской литературы и нѣсколько статей его же въ журналъ: *Semeur*.

Подробная критика *Пана Тадеуша* была помѣщена въ лейпцигскомъ журналъ: Litterarische Unterhaltungs Blätter, 1836, v. Alexis Wilbald. О Книгахъ Пилигримства вышла отдѣльная брошюра: Zur Beurtheilung des Büchers v. F. W. Carove, 1834, и мнѣніе о ней въ Litteratur Blatt, 1835, № 30.

Ограничиваясь этимъ библиографическимъ указателемъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію внутренняго смысла и достоинства главнѣйшихъ произведеній Мицкевича.

Кажется, еще не настало время для всесторонняго опредѣленія его поэтической дѣятельности. Вопросъ о немъ тѣсно связанъ со многими еще неполнѣ-раскрытыми явленіями современной жизни, и окончательный судъ о немъ принадлежитъ будущему. Мы слишкомъ близки сто-

имъ къ нему и боимся затронуть тѣ чувствительныя струны, къ которымъ прикасался поэтъ, иногда увлекавшійся личными симпатіями. Какъ бы то ни было, не можемъ не признать его однимъ изъ гениальныхъ поэтовъ нашей эпохи и не можемъ не откликнуться на его величавый голосъ, раздающійся изъ среды соплеменной намъ народности; но будемъ смотрѣть на него съ общечеловѣческой точки зрѣнія, какъ на поэта европейскаго, въ такое время, когда поэзія какъ-будто замолкла...

Не напрасно избрали мы эпиграфомъ нашей статьи о Мицкевичѣ слѣдующій стихъ Данта :

Oncorate l'altissimo poeta!

Александръ Ходзько, въ предисловіи своемъ къ 7-му изданію сочиненій Мицкевича (Парижъ, 1844), писалъ :

«Поэзія, какъ ее до-сихъ-поръ понимали, теперь уже закрыта. Источники древнѣйшихъ и новѣйшихъ поэтовъ исчерпаны. Не потому это происходитъ, чтобъ нынѣ былъ недостатокъ въ истинныхъ поэтахъ, напротивъ, теперь, можетъ-быть, ихъ гораздо-болѣе и съ болѣе значеніемъ, нежели когда-либо; но поэзія, эта главная часть существованія народовъ, вмѣстѣ съ своими спутниками—взятіемъ, живописью, домашнею жизнью, политикою, законодательствомъ и т. д.—необходимо должна послѣдовать за естественнымъ теченіемъ всего человѣческаго. Она должна, или согрѣть новаго феникса въ своемъ пеплѣ, или, подобно отломкамъ мифологическихъ боговъ, выкапываемыхъ изъ-подъ развалинъ разрушенныхъ храмовъ, ожидать дальнѣйшей судьбы своей у преддверія новаго зданія.»

Когда Мицкевичъ въ первый разъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній (въ 1822 году), ему былъ только двадцать-четвертый годъ; но въ этомъ собраніи уже напечатаны были : повѣсть *Гражина*, баллады и двѣ части поэмы : *Поминки усопшихъ* (*Dziady*), произведенія, которыя вдругъ обнаружили въ немъ поэта необыкновеннаго, какого никогда еще не бывало въ польской литературѣ.

Извѣстный польскій писатель и критикъ, г. М. Грабовскій, сказалъ: «Еслибъ у насъ были только *Марія* (повѣсть Мальчевскаго) и *Гражина*, то мы уже имѣли бы оригинальную литературу». Въ-самомъ-дѣлѣ *Гражина* Мицкевича могла бы украсить каждую, даже зрѣлую литературу. Не говоримъ уже о совершенствѣ звучнаго и гармоническаго стиха, который на польскомъ языкѣ впервые созданъ Мицкевичемъ; но обратимъ вниманіе на красоты той поэзіи, которою проникнута повѣсть *Гражина*, отличающаяся какой-то дикостью литовской

природы и народности. Въ этомъ созданіи мы уже видимъ будущаго творца *Валленрода*. Въ немъ являются и коварные крестоносцы, и языческая литва, и ея герои, и вайделоты (народные пѣвцы-жрецы).

Эта повѣсть вовсе неизвѣстна въ русской литературѣ, и потому мы ближе познакомимъ съ нею читателей.

Она начинается слѣдующимъ поэтическимъ описаніемъ ночи :

« Темнѣе и темнѣе ; сѣверный вѣтеръ свѣжѣетъ ; внизу туманъ , а мѣсяцъ въ вышинѣ , среди передвигающейся громады черныхъ тучъ , сквозь мглу выказывалъ не весь свой кругъ ; и міръ подобенъ былъ зданію со сводами , и небо — какъ — будто подвижной сводъ , и мѣсяцъ — какъ окно , сквозь которое проникалъ дневной свѣтъ .

« Замокъ , на высотахъ Новоградской Горы , озарялся золотистымъ блескомъ мѣсяца ; по дерновымъ валамъ и по синему песку , извивалась черная тѣнь исполинскимъ столбомъ и спадала въ ровъ , гдѣ , посреди вѣчныхъ тѣсенинъ , дышала вода изъ — подъ зеленой тины .

« Городъ уже спалъ ; въ замкѣ погасли огни ; только стражи на валахъ и на башняхъ нарушаютъ безмолвіе , повторяя свои обликы ; какъ вдругъ на полѣ , вдали , что — то показалось ; какіе — то люди бѣгутъ по долинамъ ; за каждымъ чернѣетъ длинная тѣнь ; они бѣгутъ шибко — должно быть на коняхъ ! Они ярко блестятъ — должно быть въ панцыряхъ !

« Заржали кони , зазвучала подкова — это три рыцаря ѣдутъ вдоль рва ; вотъ они пріѣхали , остановились , и первый изъ рыцарей крикнулъ и затрубилъ въ мѣдную трубу ; потомъ онъ затрубилъ въ другой и въ третій разъ ; сторожъ съ башни отвѣчаетъ ему звукомъ рога ; зазвучали цѣпи , зажегся факель , и подъемный мостъ упадаетъ съ громомъ .

« Все стражи сбѣжались и узнали въ этихъ рыцаряхъ нѣмцевъ ; они спрашивали о князѣ Литаворѣ и велѣли донести о себѣ , какъ о послахъ . Никто не смѣлъ идти въ княжескіе покои , кромѣ его вѣрнаго слуги и товарища въ битвахъ , Риввида , который во всякое время имѣлъ къ нему доступъ » .

Поэтъ рассказываетъ далѣе :

« Въ комнатѣ темно , и только ночникъ на столѣ вспыхивалъ погасяющимъ блескомъ . Литаворъ ходилъ взадъ и впередъ , потомъ остановился и задумался . Онъ слушаетъ , что рассказываетъ ему Риввидъ о нѣмцахъ , но ничего не отвѣчаетъ .

« Видно было , что какая — то забота тяготила его . Поправляя лампу , онъ какъ — будто нарочно погасилъ ее » .

Здѣсь Мицкевичъ изображаетъ истинно — рембрантовскую картину :

« Замѣтно , что онъ не могъ заглушить въ себѣ внутреннюю тревогу

и придать своему лицу свѣтлое выраженіе ; однако, не хотѣлъ, чтобъ слуга по наружности отгадалъ тайны сердца своего господина. Онъ снова взадъ и впередъ ходилъ по комнатамъ ; но когда проходилъ мимо рѣшетчатыхъ оконъ, при блескѣ мѣсячныхъ лучей, можно было замѣтить мрачность нахмуреннаго чела, сжатые уста, молнію глазъ и суровое, загорѣлое лицо.»

Князь долго не хотѣлъ высказать Римвиду своихъ намѣреній и наконецъ признался, что вступилъ въ тайный союзъ съ магистромъ прусскаго ордена для нападенія вмѣстѣ съ нимъ на литовскаго князя Витолда. Напрасно вѣрный слуга уговаривалъ его, чтобъ онъ оставилъ свое намѣреніе и не возбуждалъ домашней ссоры. Литаворъ былъ непреклоненъ и приказалъ, чтобъ войско было готово выступить въ походъ на другой день, на зарѣ.

«О Боже! (говорилъ онъ) развѣ не довольно, что надменность Витолда вѣчно держитъ на конѣ всю Литву? Грудь наша вѣчно закована въ броню ; шлемы уже приросли къ нашимъ челамъ ; какъ ни великъ міръ, мы повсюду избѣгали его, отъ добычи за добычею и съ битвы на битву — то на крестоносцевъ, то черезъ Карпаты на села Польши, прекрасно-застроенной ; оттуда, несясь черезъ степи вмѣстѣ съ вѣтрами, мы гнались за полчищами бродячаго могола. И всѣ сокровища, похищенные изъ замковъ, и чего заживо не добъетъ сабля, не догрызетъ голодъ, не дождетъ огонь, все мы приносимъ ему и радушно предлагаемъ. Трудями нашими онъ усиливаетъ свое могущество ; отъ финскихъ водъ до Хазарскаго Моря онъ уже захватилъ подъ свою власть всѣ города. Самъ онъ въ какомъ городѣ ! Живетъ въ какомъ дворѣ ! Я видѣлъ укрѣпленные замки надменныхъ крестоносцевъ, на которые пруссакъ не взглянетъ безъ страха ; но они все-таки меньше витолдова дворца, что въ Вильнѣ, или на Троцкомъ Озерѣ ! Я видѣлъ прекрасную долину близъ Ковна, гдѣ русалки весною и лѣтомъ разстилаютъ мураву и убираютъ ее красивыми цвѣтами : это прелестнѣйшая долина въ свѣтѣ ! И кто бы повѣрилъ ? Во дворцѣ у кейстутова сына мурава и цвѣты свѣжѣе ! Что за ковры разостланы по полу, что за драгоценныя ткани развѣшены по стѣнамъ, съ себраными листьями и золотыми цвѣтами ! Не столь чудесенъ разноцвѣтный лугъ, убранный богинями, сколь чудесна эта работа ляшскихъ плѣнницъ. Въ его рѣшетчатыхъ окнахъ стекла, привезенныя откуда-то съ конца земли, блестятъ, какъ доспѣхи польскихъ рыцарей, или какъ Цѣманъ, когда онъ передъ лучами солнца раскрываетъ свое холодное лоно изъ-подъ снѣговъ !

Римвидъ, собравъ рыцарей, исполнилъ приказаніе князя и потомъ возвратился въ замокъ, но пошелъ прямо въ покои княгини.

«Въ то время (говоритъ поэтъ) замужемъ за княземъ была дочь могущественнаго владѣльца Ляды, первая красавица между надвѣманскими дѣвицами; она называлась *Гражиною*, или прекрасною княгинею.»

Нѣсколько ниже, вслѣдъ за этими стихами, Мицкевичъ прибавляетъ:

«Похожая лицомъ и поступью на мужа, она и сердцемъ была подобна ему; пренебрегая иглою, веретеномъ и женскими забавами, она брала твердое оружіе; часто на жмуйдскомъ конѣ, въ косматомъ шпакѣ изъ медвѣжьей шкуры, связавъ на лбу бѣлые, рысьи когти, она мчалась, окруженная толпою охотниковъ. На радость мужу, не разъ въ этомъ убранствѣ возвращаясь съ поля, она приводила въ заблужденіе простой народъ, не разъ отъ обманувшихся, дворовыхъ слугителей, принимала почести, принадлежащія князю.»

Гражина чрезвычайно была изумлена вѣстью, сообщенной ей Римвидомъ, и рѣшилась сама идти къ князю. «Я не хочу, чтобъ въ Литвѣ толковали, что братъ посягаетъ на жизнь брата!» говорила она.

Но мужъ ея былъ неумолимъ; она отважилась на смѣлый шагъ: приказала отъ имени князя отправить назадъ пословъ съ отказомъ. Это возбудило гнѣвъ нѣмцевъ.

Вскорѣ дошла вѣсть, что крестоносцы уже выступили съ войскомъ и хотятъ штурмовать городъ. Гражина идетъ разбудить мужа, который, только-что возвратившись изъ дальней дороги, все еще спалъ. Между тѣмъ она приказываетъ осѣлать коня и приготовить оружіе князя.

Гражина удалилась; вслѣдъ за нею пошелъ и Римвидъ, но остановился.

«Напрасно я жду здѣсь» говорилъ онъ: «уже близко утро; вскорѣ вся загадка разрѣшится. Спать, или не спать князь, но я долженъ говорить съ нимъ!»

Онъ пошелъ прямо на крыльцо дворца; въ это время тихо растворились обѣ половинки дверей. Литаворъ одинъ вышелъ въ сѣни; на немъ была одежда, въ какую онъ обыкновенно наряжался, собираясь въ битву— вся блиставшая яркимъ пурпуромъ; на головѣ шлемъ; грудь, вмѣсто латы, прикрывалъ панцырь изъ желѣзныхъ колець; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ щитъ небольшого объема, а на правой несъ опояску отъ меча.

«Казалось, онъ былъ волнуемъ гнѣвомъ или заботою, выступалъ неровнымъ и невѣрнымъ шагомъ, и когда приблизились къ нему рыцари и господа, онъ не удостоилъ ихъ милостивымъ взглядомъ. Дрожа, взявъ онъ изъ рукъ оруженосца лукъ и колчанъ; даже мечъ повѣсилъ на

правомъ боку, и хотя все видѣли ошибку, но никто не осмѣливался предостеречь господина.

«Онъ уже сошелъ съ крыльца; уже золотое знамя, поднятое вверхъ, предвѣщало кровавый день; онъ уже сѣлъ на коня; уже ближняя дружина готова была привѣтствовать его криками и трубами; но онъ далъ знакъ рукою, чтобъ запереть ворота, ѣхать въ молчаніи и ни о чемъ не спрашивать; челядь же и придворныхъ слугъ отвелъ онъ за мостъ, на другой дворъ.»

Все поскакали по большой дорогѣ и наконецъ исчезли между курганами и кустарниками. Далѣе Мицкевичъ описываетъ встрѣчу литовцевъ съ крестоносцами:

«Тамъ, куда устремились литовскія дружины, онѣ увидѣли на срединѣ горы, при мѣсячномъ блескѣ, панцири, знамена, шлемы и конья. Сверкнуло... по данному знаку загремѣли пищали; толпами бросаются воины, сдвигаются дружины, стѣною стоитъ конница крестоносцевъ.

«Такой блистательный видъ принимаютъ на себя въ мѣсячную ночь разросшіеся лѣса на вершинѣ Понарь, когда вихрь срываетъ съ нихъ лѣтніе покровы, и роса, развѣшивая свѣтлыя ткани, вдругъ отъ мороза превратится въ перловый иней; заблудившимся путникамъ при входѣ кажется, что лѣса серебряные, а листья хрустальные.

«Этотъ видъ возбуждаетъ въ князѣ гнѣвъ; онъ помчался съ поднятымъ надъ головою мечомъ; велѣдъ за нимъ бросается вооруженная толпа; но вожди дивятся, что въ этотъ разъ онъ оставляетъ войско въ бездѣйствіи, не предупреждаетъ ихъ обычнымъ приказомъ, гдѣ самъ онъ думаетъ ударить впереди всехъ, и какіе отряды отдастъ въ ихъ распоряженіе.»

Битва продолжается; уже крестоносцы начинаютъ побѣждать, какъ вдругъ загремѣлъ страшный голосъ какого-то рыцаря, который явился неожиданно на черномъ конѣ, въ широкомъ черномъ плащѣ и въ черномъ шлемѣ.

«Онъ настигаетъ нѣмцевъ, исчезаетъ въ толпѣ; битвы не видно, но по крикамъ и стонамъ можно догадываться, въ какой сторонѣ она происходитъ и какъ ужасны удары его руки. Здѣсь исчезаетъ шлемъ, тамъ упадаетъ знамя; ряды войска бѣгутъ и смѣшиваются въ безпорядкѣ.»

Послѣ этого слѣдуетъ прекрасное сравненіе битвы:

«Такъ, когда лѣсники въ густомъ лѣсу рубятъ сосны или дубы, въ отдаленіи слышенъ стукъ, звучатъ топоры, скрипятъ зубцы пилъ; иногда только сваливается вершина; наконецъ между срубленными стволами увидишь и людей, и сверканіе стали. Незвѣстный рыцарь, та-

кимь—образомъ врубившись въ средину нѣмцевъ, пробирался къ литовцамъ.»

Литовцевъ уже ожидало совершенное поражение; но вотъ командиръ ищетъ Литавора; онъ встрѣтился съ нимъ и нанесъ ему смертельный ударъ въ отчаянномъ поединкѣ. Является черный рыцарь и поражаетъ командира, потомъ подбѣгаетъ къ раненому князю и осторожно приподнимаетъ окровавленный панцирь, чтобъ осмотрѣть рану. Боль приводитъ въ чувство князя; онъ открываетъ глаза, осматривается и снова опускаетъ на глаза забрало. «Уже все кончено!» тихо говоритъ онъ, обращаясь къ Римвиду: «прочь отъ груди моей, не нарушай тайны.»

«Римвидъ остановилъ на немъ изумленные глаза (продолжаетъ поэтъ), едва смѣетъ вѣрить, теряетъ присутствіе духа, опускаетъ руку, которую обливалъ слезами; дрожь пробѣгаетъ по его костямъ; на лбу выступаетъ холодный потъ; теперь онъ узнаетъ голосъ, вчера ему неизвѣстный—увы! то не былъ голосъ Литавора!»

Тѣло князя перенесли на щитахъ въ замокъ. Народъ печально встрѣтилъ его, но не сопровождалъ тѣми обрядами, какіе обыкновенно соблюдаются при погребеніи литовскихъ князей. Между—тѣмъ подѣхалъ первый рыцарь.

«Кто жъ онъ? всѣ спрашиваютъ, кто онъ такой? Войско узнало его: вчера на полѣ битвы, когда литовскія дружины потерпѣли поражение, онъ примчался, воспламенилъ остывшую отвагу, изрубилъ нѣмцевъ и поразилъ командира.

«Вотъ все, что извѣстно было о черномъ рыцарѣ. Сегодня онъ въ томъ же плащѣ и на томъ же конѣ; но зачѣмъ онъ явился? какого онъ рода? какое у него имя? Стойте и смотрите! Онъ снимаетъ шлемъ, открываетъ лицо: это онъ — Литаворъ! князь! Внезапное изумленіе поражаетъ всѣхъ и отнимаетъ языкъ; наконецъ радость вызываетъ онѣмѣвшій голосъ, при видѣ оплаканнаго героя. Всѣ кричатъ и ликуютъ; крики доходятъ звѣздъ: «Литаворъ живъ! князь, государь нашъ живъ!»

Князь взглянулъ на толпу и за радостные крики благодарилъ ее какою—то печальною улыбкою.

«Зажгите костеръ!» — зажигаютъ; пламя вспыхиваетъ. «Знаете ли вы, продолжаетъ князь, чье мертвое тѣло погибаетъ на кострѣ?» Вокругъ глухое молчаніе. «Это женщина, хотя и скрываетъ ее мужеская броня, женщина по своимъ прелестямъ и герой по духу. Я отомстилъ; но ея уже нѣтъ на свѣтѣ!» Сказавъ, бѣжитъ на костеръ, падаетъ на трупъ, исчезаетъ въ пламени и облакахъ дыма.»

Изъ эпилога къ этой повѣсти мы узнаемъ, что Гражина долго упрашивала мужа, чтобъ онъ не насылалъ на Литву непріателей, но не могла уговорить его. Она прибѣжала къ нему въ другой разъ. Утомленный князь крѣпко спалъ. Она остановилась подлѣ его ложа, но не смѣла его будить, или, можетъ-быть, не хотѣла напрасно просить его. Гражина взяла саблю, лежавшую у изголовья князя, надѣла панцырь, накинула на себя мужнинъ плащъ и тихонько вышла. Мы уже ее видѣли на полѣ битвы.

Эпилогъ оканчивается слѣдующими стихами :

«Теперь между новгородскими жителями не найдешь никого, кто бы не запѣлъ пѣсни о Гражинѣ. Ее поютъ кобзари, повторяютъ дѣвицы, а поле битвы до-сихъ-поръ называется «Полею Литвинки».

Эта повѣсть совершенно переноситъ насъ въ тотъ вѣкъ, въ которомъ происходитъ ея дѣйствіе. Мицкевичъ придалъ ей строгій и мрачный колоритъ; самый стихъ его отличается твердостью и рѣзкостью; въ немъ даже часто возстановляются старинные обороты рѣчи, придающіе столько прелести его поэтическимъ формамъ.

Считаемъ необходимымъ привести здѣсь слѣдующее примѣчаніе, присоединенное Мицкевичемъ къ этой повѣсти:

«Характеръ и дѣйствія Гражины могутъ показаться слишкомъ-романическими и несходными съ тогдашними нравами, потому-что историки изображаютъ нелестными красками состояніе женщинъ въ древней Литвѣ. Эти несчастныя жертвы насилія и угнетенія жили въ презрѣніи, будучи обречены исполнять почти рабскія обязанности. Но, съ другой стороны, у тѣхъ же историковъ находимъ совершенно-противоположныя преданія. Такъ, на прусскихъ знаменахъ и на древнихъ монетахъ, по свидѣтельству Шютца (Kotzebue, Belege und Erläuterungen. T. I, p. 291), видѣли женщину въ коронѣ, изъ чего можно бы заключить, что когда-то женщина царствовала въ этой странѣ. Болѣе-вѣрны относящіяся къ позднѣйшимъ временамъ повѣсти о славныхъ, обоготворенныхъ жрицахъ, о Гезанѣ и Кадинѣ, которыхъ одежда долго еще хранилась въ католическихъ церквахъ. Отъ знатока исторіи, г. Опацевича, я слышалъ, что въ рукописной волинской лѣтописи упоминается о славномъ подвигѣ женщинъ какого-то литовскаго города, которыя сами защищали стѣны, когда мужа ихъ пошли на войну и, не будучи въ состояніи противиться непріателямъ, предпочли добровольную смерть рабству. Нѣчто подобное рассказываетъ Кромель о замкѣ Пуллець (Polonia sive etc. p. 206). Эти противорѣчія можно согласить, если вспомнимъ, что литовскій народъ состоялъ изъ двухъ поколѣній, издавна вмѣстѣ жившихъ, но всегда нѣсколько-различавшихся между собою, то-есть

изъ коренныхъ жителей и пришельцевъ, какъ кажется, норманновъ. Эти послѣдніе, безъ-сомнѣнія, сохранили врожденныя чувства уваженія и привязанности къ женскому полу. И дѣйствительно, по древнимъ законамъ, или обычаямъ литовскимъ, женамъ изъ этого чуждаго поколѣнія мужа оказывали особенное предпочтеніе. Сверхъ-того, презрѣніе къ женщинамъ и ихъ униженіе, кажется, принадлежать только временамъ древнѣйшимъ и совершенно-варварскимъ. Впоследствии, именно въ вѣкъ, въ которомъ мы допускаемъ дѣйствіе нашей повѣсти, рыцарскій и почти-романическій духъ замѣтенъ болѣе-и-болѣе. Извѣстно; какъ мужественный и суровый воинъ Кейстутъ нѣжно любилъ свою Бируту, которая была посвящена богамъ, но которую онъ похитилъ, подвергая себя опасности, и изъ простаго званія сдѣлалъ княгиней. Извѣстно также, какъ жена Витолда искусно и смѣло освободила своего мужа изъ заключенія и спасла отъ близкой смерти».

Къ произведеніямъ, написаннымъ въ первоначальные годы молодости Мицкевича, принадлежатъ также его баллады. Замѣчательно, что *Людмила* Жуковскаго, переделанная изъ баллады Бюргера, подала первую мысль о балладѣ Мицкевичу и другимъ поэтамъ, близкимъ къ нему, и что основа ея равно принадлежитъ не только германскому, но и славянскому племени. Объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный польскій писатель А. Э. Ходзько въ сочиненіи своемъ: «Двѣ бесѣды изъ прошедшаго» (см. подробности въ моей статьѣ о польской литературѣ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 г., № 19).

Баллады Мицкевича совершенно-оригинальны и основаны большею частью на народныхъ преданіяхъ Литвы и Польши. Поэтъ переноситъ насъ на берега чудснаго озера Свитези, близъ Новогрудка. Ночью, изъ глубины его водъ то раздается будто городской шумъ, то вспыхиваетъ пламень и выходитъ дымъ, то слышатся крики сражающихся и вопли женщинъ, то звонъ колоколовъ и стукъ оружія. Иногда, при свѣтѣ мѣсяца, на берегахъ этого страшнаго озера показывается чудной красоты дѣвушка: то *Свитезянка*, Ундина, созданная воображеніемъ народа. Она своими волшебными прелестями заманиваетъ и губитъ очарованныхъ ею юношей. Въ другой балладѣ, исполненной оригинальнаго юмора, Мицкевичъ представляетъ знаменитаго «Пана Твардовскаго», неистово-пирующаго въ корчмѣ. Допивая чарку съ виномъ, вдругъ онъ видитъ на днѣ ея чорта, который мало-по-малу растетъ и наконецъ является въ своемъ настоящемъ видѣ. Твардовскій, по договору съ нимъ, долженъ былъ отдать ему свою душу, но имѣлъ еще право требовать отъ него трехъ услугъ. Одной изъ нихъ онъ не въ-состояніи былъ исполнить: прожить цѣлый годъ съ женою Твардовскаго. Чортъ хотѣлъ бѣжать, но, не имѣя

возможности выскочить ни через двери, ни через окна, потому-что его не пускали, онъ проскользнулъ сквозь замочную скважину, и такимъ образомъ Твардовскій избавился отъ него.

Баллада, подъ названіемъ *Блѣство* (*Ucieczka*) также основана на народномъ преданіи. «Это преданіе (говоритъ Мицкевичъ въ примѣчаніи) извѣстно народамъ всѣхъ христіанскихъ странъ. Поэты различно перелъбывали его. Бюргеръ основалъ на немъ свою знаменитую *Элеонору*. Не зная народной нѣмецкой пѣсни, мы не можемъ опредѣлить, на сколько Бюргеръ измѣнилъ ея содержаніе. Настоящую балладу я написалъ, основываясь на пѣснѣ, которую нѣкогда пѣли мнѣ въ Литвѣ попольски. Я вѣрно сохранилъ ея содержаніе и форму, но у меня въ памяти едва сохранилось нѣсколько народныхъ стиховъ, которые и послужили мнѣ за образецъ».

Теперь переходимъ къ знаменитой драматической поэмѣ Мицкевича: «Поминки усопшихъ» (*Dziady*). До-сихъ-поръ напечатаны не всѣ ея части и притомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: часть II, IV и III (заключаетъ въ себѣ только прологъ и актъ 1-й). Первая часть этой поэмы была написана еще во время пребыванія Мицкевича въ Ковнѣ и оставалась у него въ рукописи. Неизвѣстно, сохранилась ли она. Тогда порядокъ частей, безъ сомнѣнія, могъ бы измѣниться и составить одно цѣлое.

Содержаніе этой поэмы Мицкевичъ соединилъ съ обрядами, которые остались послѣ языческихъ временъ и тайно совершались народомъ во многихъ околоткахъ Литвы, Пруссіи и Курляндіи, на поминкахъ усопшихъ, или, какъ говорится въ Россіи, въ «родительскую субботу», на пустыряхъ, въ часовняхъ и въ разрушенныхъ церквахъ. Этимъ обрядомъ именно открывается вторая часть поэмы Мицкевича. Гусларь (*Guślarz, Geślarz*), вмѣстѣ жрецъ и поэтъ, представляетъ въ лицѣ своемъ волхва. Онъ велитъ запереть двери и окна и потомъ произноситъ заклятіе, послѣ котораго являются привидѣнія, терзаемыя муками, духи, блуждающіе между небомъ и землею. Нѣкоторые изъ нихъ обречены на вѣчныя страданія за свои грѣхи; но ни молитва, ни жертвенныя яства не приносятъ имъ облегченія, и волхвъ отгоняетъ ихъ знаменіемъ креста, во имя Отца и Сына и Духа Св. — Четвертая часть поэмы происходитъ въ деревенской глуши, въ скромномъ, тихомъ домикѣ. Вампиръ, священникъ и дѣти—вотъ главные дѣйствующія лица. Въ день поминковъ по усопшимъ является въ домъ священника несчастный юноша, который нѣкогда самъ себя лишилъ жизни и который свыше осужденъ былъ ежегодно вставать изъ могилы и возобновлять на себѣ самомъ совершенное имъ преступленіе. Это былъ чувствительный и страстный

юноша, съ живымъ и пламеннымъ воображеніемъ; онъ любилъ прекрасную, но пустую и вѣтренную женщину, которая отдала свою руку другому, ослѣпленная суетнымъ блескомъ свѣта и богатствомъ. Нельзя не замѣтить, что въ основу этой поэмы глубоко легла первоначальная любовь самого поэта. Здѣсь мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе извѣстнаго польскаго критика Мохнацкаго, высказанное имъ въ его сочиненіи «О польской литературѣ XIX вѣка».

«Со времяя шекспировской *Юліи* (говорить онъ) никто еще не создалъ болѣе-поэтической картины; никто изъ современниковъ Мицкевича не говорилъ болѣе-страстнымъ и пламеннымъ языкомъ любви; никто болѣе его силою поэтического вѣрованія не очаровалъ и не увлекъ ума и воображенія своихъ читателей. Четвертая часть *Поминокъ* собственно составляетъ часть вторую, и ее можно назвать окончаніемъ гѣтева *Вертера*. Въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ вампиръ, съ растерзанною грудью, этотъ безумный пустынный въ домѣ священника, нѣкогда своего наставника, съ этимъ отчаяніемъ въ душѣ, съ этимъ страданіемъ въ сердцѣ, съ этимъ меланхолическимъ, мрачнымъ, фантастическимъ взглядомъ на прошедшее и на природу, могъ бы быть не иной кто, какъ только обожатель *Шарлотты*, вызванный изъ могилы, если только, представивъ рядъ страданій этого энтузіаста, мы въ состояніи будемъ вообразить себя, какъ бы онъ говорилъ, чувствовалъ и размышлялъ о смерти».

Третья часть *Поминокъ* осталась неоконченою; она состоитъ только изъ пролога и перваго акта. Къ-сожалѣнію, Мицкевичъ увлекся въ ней своими личными симпатіями, и потому мы не можемъ подробно разсматривать ее. Она написана въ позднѣйшее время и почти не имѣетъ ничего общаго съ первоначальнымъ планомъ широко-здуманной поэмы. Въ ходѣ самой драмы много преувеличеннаго и неестественнаго, такъ-что, читая ее, замѣчаешь, что она болѣею частію написана не по внушенію чисто-поэтическому... Въ третьей части есть одно только мѣсто, въ которомъ высказался великій талантъ Мицкевича. Это во второй сценѣ монологъ молодого человѣка, *Конрада*, который въ какомъ-то безумномъ и страшномъ изступленіи выражаетъ страдальческую борьбу души своей, растерзанной отчаяніемъ и сомнѣніями. Можетъ-быть, на землѣ въ первый разъ еще слышались такія страшныя рѣчи изъ устъ человѣка... Мы не въ состояніи повторить ихъ вполнѣ, но постараемся, по-крайней-мѣрѣ отчасти, познакомить читателей съ этимъ монологомъ, хотя намъ и трудно будетъ сохранить его изящныя формы.

Приводимъ прозаическій и, по возможности, близкій къ подлиннику переводъ этого монолога или «импровизаціи», какъ самъ поэтъ называлъ его:

«Я одинъ... И что мнѣ до людей? Пѣвецъ ли я для толпы? Гдѣ человѣкъ, который въ моей пѣснѣ подслушаетъ всю мысль, обвинитъ взоромъ всѣ лучи ея духа? Несчастливъ тотъ, кто для толпы утруждаетъ и голосъ и языкъ: языкъ измѣняетъ голосу, а голосъ—мыслямъ; мысль быстро стремится изъ души, прежде чѣмъ раздробится въ словахъ; слова же поглощаютъ мысль и такъ дрожатъ надъ мыслью, какъ земля надъ сокрытою въ нѣдрахъ ея невидимую рѣкою. Изслѣдуютъ ли люди быстроту водъ по дрожанію земли? Разгадаютъ ли, куда онѣ стремятся?»

«Чувство въ душѣ круговращается, воспламеняется, горитъ, какъ кровь въ своихъ глубокихъ и невидимыхъ тайникахъ. На сколько люди видятъ крови на моемъ лицѣ, на столько они замѣтятъ чувства въ моихъ пѣсняхъ.

«Пѣснь моя, ты звѣзда за предѣлами міра! И земной взоръ, пущенный вслѣдъ за тобою, хотя и возьметъ стекляныя крылья, не долетаетъ къ тебѣ и только ударяется о твой млечный путь. Онъ догадывается, что это солнечныя свѣтила, но ихъ не сочтешь и не измѣришь.

«Вамъ, мои пѣсни, не нужны людскія очи и уши; плывите во глубинѣ моей души, сіяйте на ея высотахъ какъ подземные потоки, какъ горнія звѣзды!

«Ты, Боже! и ты, природа! выслушайте меня... Это музыка и пѣсни, достойныя васъ. Я художникъ! Я, художникъ, простираю къ вамъ руки, простираю ихъ до самыхъ небесъ и налагаю мои руки на звѣзды, какъ на стеклянные круги гармоникки. То быстрымъ, то медленнымъ движениемъ обращаю я звѣзды моимъ духомъ! Несется миллионъ тоновъ; каждый тонъ въ миллионѣ тоновъ извлеченъ мною; я знаю каждый тонъ, настроиваю ихъ, раздѣляю и соединяю; влетаю ихъ и въ радугу, и въ аккорды, и въ строфы; переливаю въ звукахъ и струяхъ молній!

«Я отнял руки; простеръ ихъ за предѣлы міра—и круги гармоникки вдругъ остановились! Пою одинъ, слышу мое пѣніе—продолжительное, протяжное, какъ дыханіе вихря; оно проносится по всему пространству міра, жалобно стонетъ, бушуетъ какъ буря, и вѣка глухо вторятъ ему. Каждый звукъ и играетъ и пламенѣетъ; я его слышу, я его вижу; слышу полетъ его по свисту, какъ слышу вѣтеръ, колышущій волны; вижу его въ одѣяннѣ облака.

«Такая пѣснь достойна Бога и природы! То пѣснь—великая, пѣснь-создательница; такая пѣснь — сила, могущество; такая пѣснь — бессмертіе! Я чувствую бессмертіе, я творю бессмертіе. И что жъ болѣе этого могъ Ты сдѣлать, Боже? Смотри, какъ эти мысли я извлекаю изъ себя-самого, воплощаю ихъ въ слово. Онѣ мчатся, разсы-

паются по небу, кружатся, играют и сверкают. Вотъ онѣ уже далеко, но я ихъ еще чувствую, люблюсь ихъ прелестями, осизаю ихъ округлость, отгадываю ихъ движеніе. Люблю васъ, мои вѣщія дѣти! мысли мои! звѣзды мои! чувства мои! вихри мои! Стою посреди васъ, какъ отецъ посреди семейства — вы все мои!

«Помираю васъ ногами, васъ всехъ поэтовъ, мудрецовъ и прорицателей, которые были идолами свѣта! Еслибъ они до-сихъ-поръ ходили посреди своихъ духовныхъ дѣтей; еслибъ все похвалы и все рукоплесканія слышали они, чувствовали и признавали справедливыми; еслибъ они окружили свое чело всеми блистательными лучами ежедневной славы, съ хвалебными гимнами и украшеніями вѣнцовъ, собранными отъ столькихъ вѣковъ и столькихъ поколѣній, то и тогда они не чувствовали бы собственнаго счастья, собственной силы такъ, какъ я чувствую въ эту уединенную ночь: когда я пою, углубляясь въ собственный духъ, пою самому себѣ. Такъ! во мнѣ есть чувство, есть сила, есть разумъ. Никогда болѣе не чувствовалъ я, какъ въ эту минуту. Нынче достигъ я своей высоты; нынче сила моя вступитъ въ свой апогей; нынче узнаю, выше ли я, или я только гордъ? Нынче настала роковая минута; нынче я навягу все силы моего духа — это минута Самсона, когда онъ, въ оковахъ, слѣпой, размышлялъ у колонны. Сброшу тѣло и уже какъ духъ, возьму крылья — я хочу летѣть! Я вырвусь изъ круговращенія планетъ и звѣздъ, достигну туда, гдѣ граничатъ Творецъ и природа!..

«И вотъ они, вотъ они, вотъ эти два крыла; они мнѣ будутъ достаточны: я расправлю ихъ отъ запада къ востоку, лѣвымъ ударю въ прошедшее, правымъ — въ будущее, и на лучахъ чувства вознесусь къ Тебѣ и загляну въ Твои чувства! О Ты, о которомъ говорятъ, что Ты чувствуешь на небесахъ! Я здѣсь, я пришелъ... видишь ли, какая сила! Даже сюда вознесли меня мои крылья! Но я человекъ, и тамъ, на землѣ, мое тѣло; а тамъ любилъ — на родинѣ осталось мое сердце.»

Здѣсь мы прерываемъ монологъ Конрада, оканчивающійся дерзновенными рѣчами, какія только могло внушить самое отчаянное и безумное изступленіе... Конрадъ еще обращается къ Богу и проситъ дать ему власть надъ душами, чтобъ сдѣлать счастливымъ весь родъ человѣческій...

Онъ задаетъ себѣ страшные вопросы... Въ это время Конрадъ слышитъ голосъ сатаны, на минуту останавливается, шатается и падаетъ... Сцена продолжается слѣдующимъ образомъ:

Духи съ лѣвой стороны.

Первый. — Нападай, хватай!

Второй. — Онъ еще дышетъ.

Первый. — Онъ безъ чувствъ; но прежде чѣмъ онъ проснется, задушимъ его.

Духъ съ правой стороны.

Прочь! О немъ молятся...

Духъ съ лѣвой.

Видишь, насъ прогоняють.

Первый съ лѣвой.

Глупая ты бестія! не помогъ ему изрыгнуть последнее слово; хоть сколько-нибудь увеличилась бы его гордость! Минута гордости—и эта голова обратилась бы въ черепъ трупа. Имѣть почти въ рукахъ этотъ черепъ и не попать его! Видѣть кровь въ его устахъ и не имѣть возможности испить ее! Глупѣйшій изъ дьяволовъ, ты упустилъ его на половинѣ дороги.»

Между-тѣмъ, какъ духи спорять, входитъ бернардинъ. Онъ застаётъ Конрада въ припадкахъ бѣшенства, начинаетъ молиться и изгонять нечистаго духа; онъ ужъ произноситъ «Exorciso...», но нечистый духъ говоритъ ему:

«Подожди, не заклинай; отойди отъ порога, я выйду...»

Бернардинъ. — Не выйдешь, пока не угодно будетъ Богу. Левъ изъ колѣна іудина, здѣсь Господь — онъ побораеъ! Ты разставилъ лѣву съѣти и самъ попался въ собственную западню, Богъ изловилъ тебя въ этомъ грѣшникѣ. Его устами я хочу нанести тебѣ жесточайшій ударъ. Лжецъ, я тебѣ приказываю; ты долженъ говорить правду.

Духъ.

Parle-moi donc français, mon pauvre capucin,
J'ai pu dans le grand monde oublier mon latin.
Mais étant saint, tu dois avoir le don des langues.
Villeicht sprechen sie deutsch? Was murmeln sie so bang?
What it is, —Cavalleros, rispondero Io.

Бернардинъ. — Во имя Отца и Сына и Духа Святаго...

Духъ. — Да постой же, постой, будетъ съ тебя этого! Только ты меня не мучь напрасно. Развѣ ты сатана, чтобъ такъ мучить!

Бернардинъ. — Кто жъ ты?

Духъ. — Лукрецій, Левіаганъ, Вольтеръ, alter Fritz, Legio sum...»

Бернардинъ продолжаетъ молиться и не отвѣчаетъ на саркастическія замѣчанія злаго духа, которому Мицкевичъ влагаеъ въ уста слѣдующія лукавыя слова:

«Ахъ! (*вздыхаетъ*) какъ худо быть чувствительнымъ! Ахъ! у меня надрывается сердце! Вѣрь мнѣ, когда я облираю когтями грѣшника, то не разъ хвостомъ—ахъ! ахъ! утираю себѣ слезы...»

Сцена оканчивается изгваніемъ злаго духа и хоромъ ангеловъ, молящихъ о вѣчномъ спасеніи грѣшника.

Приведемъ еще отрывокъ изъ четвертой сцены, проникнутой самою свѣтлою и возвышенною поэзіей.

Дѣйствіе происходитъ въ сельскомъ домѣ, подъ Львовомъ, въ Галиціи. Въ спальню вбѣгаетъ молодая дѣвушка Ева, поправляетъ цвѣты у образа Пресвятой Богородицы, становится на колѣни, молится и наконецъ засыпаетъ. Слышенъ хоръ ангеловъ, которые посылаютъ Евѣ радостныя сновидѣнія и окружаютъ ее вѣнками изъ цвѣтовъ.

«Ева (*во снѣ*).—Дождичекъ такой свѣжій, пріятный и тихій, какъ роса; и откуда такой дождичекъ? Небо такое чистое... Ясное небо! Капли зеленыя, красныя, меня кругомъ обвиваютъ травки, пучки цвѣтовъ, розы, лиліи, вѣнки. Ахъ, какой благоуханный сонъ, сладостный, легкій сонъ! пусть бы онъ продолжался до конца жизни... Роза, блестящая какъ солнце... Чистая, бѣлая лилія! Ты не съ земли, ты выросла тамъ, надъ бѣлымъ облакомъ. Какъ же ты смотришь на меня, бѣлоснѣжный нарцисъ! А эти голубыя незабудки, какъ глазки невинныхъ созданій... я узнала ихъ, мои цвѣточки, я сама ихъ поливала; вчера нарвала ихъ въ моемъ садикѣ, убрала ими вѣнецъ Божіей Матери, тамъ, на образѣ, надъ моею кроваткою. Вижу—то Матерь Божія, что за чудный блескъ! Она на меня взглядываетъ, беретъ въ руки вѣнокъ, подаетъ Иисусу, и Младенецъ Иисусъ съ улыбкою бросаетъ на меня цвѣты... Какъ похорошѣли цвѣточки, какъ ихъ много, безъ счета! И всѣ налету встрѣчаются между собою въ воздухѣ, мои милые! И сами сплетаются въ вѣнки. Какъ мнѣ здѣсь радостно, будто въ небѣ! Какъ здѣсь хорошо мнѣ, мой Боже! Пусть этотъ вѣнокъ навсегда окружитъ меня; пусть я засну, умру, всматриваясь въ эту розу, въ эти бѣлыя очи нарциса! Это роза живая! Она одушевилась, слегка шевелить головкою... Какимъ огнемъ пышетъ отъ нея! То живой румянецъ, какъ восходъ зари. Она улыбается... и съ улыбкою распускаетъ листья, и между листьями раскрываетъ коралловыя уста; она говоритъ, она что-то говоритъ, но какъ тихо, какъ скромно! Что жъ ты нашептываешь мнѣ, роза? Какъ—то очень тихо, печально; ужъ это не голосъ ли скорби? Ты жалуешься, что тебя отняли отъ родимой травки? Я не взяла тебя для моей забавы; я тобою увѣнчала чело Пресвятой Богородицы; я вчера послѣ исповѣди обливалась слезами. Изъ твоихъ коралловыхъ

устъ лучами вылетаютъ искорки за искорками ; такое сіяніе ужъ не пѣснь ли твоя? Чего ты хочешь, милая роза?

Роза.—Положи меня на сердце.

Ангелы.—Развяжемъ, расплетемъ ангельскій вѣнокъ !

Роза.—Я опускаю свои крылья, расплетаю чело.

Ангелы.—Мы весело въ небо домой полетимъ!

Роза.—Я буду утѣшать ее, пока не зайсѣтъ утро; я приклонюсь къ ея заснувшему сердцу, какъ святой апостолъ, возлюбленный Господа, опочивалъ на божественномъ лонѣ Христа».

Здѣсь мы оканчиваемъ извлеченія изъ III-й части *Поминокъ* и рѣшаемся сказать, что это ея лучшія мѣста, на которыхъ легла печать гениальнаго поэта, одареннаго такимъ пламеннымъ и творческимъ воображеніемъ.

Не можемъ не упомянуть о замѣчательной статьѣ Жоржа Занда, помѣщенной въ «*Revue des deux Mondes*» 1839 года (въ отдѣлѣ IV), подъ заглавіемъ: «*Essai sur le drame fantastique*» (Goethe, Byron, Mickiewicz). Ея взглядъ на поэму Мицкевича намъ показался довольно-вѣренъ.

«Тѣмъ особеннымъ и смѣлымъ произведеніямъ (говоритъ Жоржъ Зандъ), которыя явились въ эпоху философскаго изслѣдованія и съ которыми ничто не можетъ сравниться въ прошедшемъ, всего приличнѣе было бы дать названіе *метафизической драмы*». Къ этому роду она относитъ *Фауста* Гёте, *Манфреда* Байрона и *Поминокъ усопшихъ* Мицкевича. *Фаустъ*, по ея замѣчанію, служилъ образцомъ Байрону и Мицкевицу въ драматическомъ рисункѣ, какъ Эхиль Софоклу и Эврипиду, какъ Чимабуэ въ живописи Рафаэлю и Корреджіо. Метафизическая драма есть только форма. *Фаустъ* (дальше говоритъ Жоржъ Зандъ) болѣе принадлежитъ дѣйствительности; *Манфредъ*, можетъ-быть, болѣе міру мечтательному. Она отдаетъ преимущество Мицкевичу. Онъ, по ея словамъ, не смѣшиваетъ плана съ идеею, какъ Гёте сдѣлалъ въ *Фаустѣ*, не отдѣляетъ также плана отъ идеи, какъ Байронъ въ *Манфредѣ*. Дѣйствительная жизнь, сама-по-себѣ, есть картина поразительная, ужасная, и идея составляетъ въ ней средину. Фантастическій міръ у Мицкевича лежитъ въ основаніи всего; онъ душа всего дѣйствительнаго. Каждое дѣйствующее лицо; каждая группа носитъ его въ себѣ и выражаетъ по-своему.

Жоржъ Зандъ въ концѣ своей статьи приходитъ къ слѣдующему заключенію: она видитъ въ *Фаустѣ* «потребность опозитизировать *обоготворенную природу* Спинозы; въ *Манфредѣ* —желаніе заставить человека на лонѣ этой обоготворенной природы играть роль, достойную

его способностей и стремлений; въ *Конрадъ* Мицкевича—попытку нравственно возвысить дѣло творенія въ идеѣ человѣка, возвышая вмѣстѣ судьбу человѣка на землѣ. Ни одна изъ этихъ поэмъ не достигла вполне своей цѣли».

Мы приводимъ отзывъ Жоржа Занда о Мицкевичѣ въ—особенности потому, что онъ принадлежитъ одному изъ самыхъ увлекательныхъ талантовъ на Западѣ и, слѣдовательно, какъ-бы служить отголоскомъ европейскаго мнѣнія, которое, сверхъ того, появилось въ журналѣ, распространенномъ во всемъ образованномъ мирѣ.

Теперь обратимся къ другому произведенію Мицкевича, къ его поэмѣ: *Конрадъ Валленродъ*, съ которой собственно началась его громкая и, даже можно сказать, европейская слава. Дѣйствительно, это произведеніе такъ и блещетъ неисчерпаемымъ богатствомъ художественной красоты и глубиной мыслей. Все въ ней свѣжо и ново; непрерывно переходя отъ одного поэтическаго образа къ другому, и не знаешь, которому изъ нихъ отдать первенство; потокъ поэзіи какою-то неодолимою силою все увлекаетъ васъ далѣе—и—далѣе. Передъ вами оживаетъ прошедшее... Но пусть говоритъ самъ поэтъ.

«Какъ въ день судный труба архангела вызоветъ мертвыхъ изъ гробовъ, такъ, при звукахъ пѣсни, кости изъ—подъ моей стопы сбѣжались и срослись исполненскими образами. Изъ развалинъ встаютъ колонны и своды; пустынные озера шумятъ множествомъ весель; видны растворенныя двери замковъ, короны князей, доспѣхи воиновъ; поютъ вѣщія цѣвцы... Чудны были мечты мои — и какъ ужасно пробужденіе!»

Какую чарующую силу придавалъ Мицкевичъ поэтической пѣснѣ, мы видимъ также въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ «Валленрода»:

«О народная пѣсня! ты стоишь на стражѣ народнаго храма воспоминаній, съ крыльями и голосомъ архангела; ты иногда держишь и мечъ архангела.

«Пламень изгрызаетъ разукрашенные памятники исторіи, сокровища разграбятъ воинственные хищники, но пѣснь скроется невредимо; она обойдетъ толпы людей; и если низкія души не умѣютъ питать ее горестью и поить надеждою, она убѣгаетъ въ горы, прячется въ развалинахъ и отсюда повѣстуетъ бывшее. Такъ вылетаетъ соловей вмѣстѣ съ огнемъ загорѣвшагося зданія и на минуту опустится на кровлю; когда же кровля рухнетъ, онъ улетаетъ въ лѣса и голосистою грудью надъ пепелищами и гробами напѣваетъ путникамъ жалобную пѣсню.»

Дѣйствіе «Валленрода» происходитъ въ концѣ XIV столѣтія. Главная идея поэмы заключается въ самоотверженіи вождя прусскихъ крестовосцевъ, Конрада Валленрода, литовца, который, лицемерно служа нѣм-

цамъ, втайнѣ готовить имъ пораженіе при столкновеніи съ своими соотечественниками, и такимъ образомъ метить за свою родину. Расположеніе частей поэмы и самая форма не напоминаютъ ни одного произведенія въ европейской поэзіи, и это также отчасти составляетъ ея оригинальность. Мы видимъ здѣсь чудное соединеніе въ одной картинѣ высокаго лиризма, драматическаго эффекта и эпической красоты. То поражаетъ насъ возвышенный гимнъ Святому Духу, который поютъ монахи ордена крестоносцевъ, при звукахъ колокола, раздающагося съ мариенбургской башни, то слышится сладостно-печальная пѣсня о родной рѣкѣ поэта, о Вилии, которая протекаетъ въ Ковенской Долинѣ, среди тюльпановъ и нарциссовъ, то печальная пѣсня когда-то прекрасной затворницы, заживо-похоронившей себя въ башнѣ. Перейдемъ ли къ разсказу Вайделоты (*) о первыхъ дняхъ молодости Валленрода, о его любви и рыцарскомъ подвигѣ? Какая строгая эпическая простота и какое спокойствіе поэтическаго вдохновенія—плодъ уже созрѣвшей и просвѣтлѣнной мысли! Въ этомъ разсказѣ поэтъ въ первый разъ усвоиваетъ польскому языку гекзаметръ, на сколько допускаетъ его просодія.

Послушайте, какъ Вайделота разсказываетъ о любви Альдоны къ Вальтеру или Валленроду: «Откуда (подумалъ Кейстутъ) такая внезапная перемена въ моей дочери? Гдѣ ея прежняя веселость? гдѣ дѣтскія игры? Въ праздникъ всѣ дѣвушки идутъ повеселиться танцами, а она сидитъ одна-одинѣшенька, или разговариваетъ съ Вальтеромъ. Въ будни дѣвицы занимаются шитьемъ или паяльцами, а у нея игла выпадаетъ изъ рукъ, нитки путаются въ паяльцахъ; сама не знаетъ, что дѣлаетъ. Ужъ всѣ мнѣ говорятъ объ этомъ. Вчера я замѣтилъ, что она вышила розу зеленымъ шелкомъ, а листочки краснымъ. И какъ ей видѣть, если ея глаза и мысли ищутъ глазъ Вальтера, разговоры Вальтера? Какъ ни спрошу я, куда она пошла?—въ долину. Откуда она возвращается?—изъ долины. Что жъ въ этой долинѣ?.. Юноша развелъ для нея садъ. Да развѣ этотъ садъ красивѣе моихъ садовъ вокругъ замка? (чудные были сады у Кейстута; много было въ нихъ и яблокъ и грушъ—приманки ковенскихъ дѣвицъ). Не садъ привлекалъ ее; зимою я видѣлъ ея окна; стекла этихъ оконъ, обращенныхъ къ Неману, были чисты, какъ въ маѣ; ледъ не застилалъ ихъ кристалла. Тамъ проходитъ Вальтеръ.

(*) Вайделотами, сиговатами, лингустонами назывались у литовцевъ жрецы, которые были обязаны разсказывать, или воспѣвать народу дѣянія предковъ, при совершеніи обрядовъ и, въ-особенности, во время осеннихъ праздниковъ *козла*.

Вѣрно, она сидѣла у окна и горячимъ дыханіемъ растопила ледъ на стеклахъ.»

Когда жь Альдона сдѣлалась женою Вальтера и когда нѣмцы стали тѣснить Литву, то она говорила своему мужу: «Дорогой Вальтеръ, уѣдемъ въ глушь Литвы; скроемся отъ нѣмцевъ въ лѣса и горы». — «Мы уѣдемъ, а прочихъ матерей и дѣтей оставимъ? Такъ убѣгали пруссаки, но нѣмецъ нагналъ ихъ въ Литвѣ. А если насъ откроютъ въ горахъ?» — «Тогда мы уѣдемъ еще далѣе.» — «Далѣе? далѣе, несчастная? Далѣе уѣдемъ въ Литву? попадемъ въ руки татаръ, или Русей?» При этомъ Альдона смутилась и молчала. Ей до-сихъ-поръ казалось, что отчизна, какъ мѣръ, длинная и широкая безъ конца... Она въ первый разъ слышитъ, что во всей Литвѣ нельзя было найти убѣжища.»

Когда Вайделота окончилъ свою повѣсть, которую онъ рассказывалъ на шумномъ пирѣ крестоносцевъ, Валленродъ сидѣлъ молча, съ поникшею головою и сильно былъ встревоженъ. Онъ безпрестанно схватывалъ чашу съ виномъ и выпивалъ ее до дна. Чело его грозно хмурится; губы посинѣли; блуждающіе глаза, по выраженію поэта, «летаютъ какъ ласточки въ бурю». Но вотъ онъ сбросилъ плащъ, брасается въ средину собесѣдниковъ и спрашиваетъ, обращаясь къ Вайделотѣ: «гдѣ конецъ пѣсни? Сейчасъ же пой мнѣ конецъ, или дай мнѣ лютню.. Чтѣ жь ты дрожишь, старикъ? Подай мнѣ лютню; наливай бокалы; я прошю конецъ, если ты боишься.»

Но онъ вскорѣ останавливается, какъ-бы измѣнивъ намѣреніе, и прибавляетъ, что запоетъ другую пѣсню, которой онъ выучился отъ мавровъ, когда сражался въ горахъ Кастиліи.

«Между-тѣмъ свѣчи гасли на столѣ; рыцари усыплены продолжительною бесѣдою; но Конрадъ поетъ; рыцари пробуждаются, всаютъ и, столпившись въ тѣсный кружокъ, внимательно прислушиваются къ каждому слову.»

Онъ пѣлъ слѣдующую балладу, подъ названіемъ: *Альпухара*, которую мы приводимъ въ довольно-удачномъ переводѣ г. Миллера, помѣщенномъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1837 г. (январь, кн. 1-я):

Въ развалинахъ крѣпости мавровъ лежать,
Узнала неволю ихъ сила;
Однѣ лишь твердыни Гранады стоятъ,
Но городъ чума заразила.

Въ стѣнахъ Альпухары немного бойцовъ,
Засѣло съ *царемъ* (?) Альманзоромъ;
На утро испанецъ на приступъ готовъ
И двинется дружнымъ напоромъ.

Съ разсвѣтомъ орудья твердыню громятъ,
И стѣны и валъ сокрушились ;
И вотъ минареты крестами горять ,
И въ замокъ испанцы вломились.

Своихъ Альманзоръ озираетъ людей:
Всѣ пали; одинъ онъ остался ;
Онъ мощной рукою сквозь тучи мечей
Пробилъ себѣ путь и умчался.

И шумно въ чертогахъ, разбитыхъ войной,
Ватага побѣдой надменныхъ ,
Межъ труповъ пируетъ, льетъ вина рѣкой ,
И дѣлитъ добычу и плѣнныхъ.

Но вдругъ отъ воротъ, гдѣ кончается валъ,
Къ начальнику стражъ прибѣгаетъ :
Невѣдомый витязъ въ ихъ станъ прискакалъ
И тайну открыть имъ желаетъ.

И вотъ онъ явился— то самъ Альманзоръ,
Властитель арабовъ надменный:
Презрѣлъ онъ постыднаго плѣна позоръ,
Лишь молить о жизни смиренно :

«Испанцы! смотрите, склоняюсь челомъ
Предъ вами во прахъ порога ;
Хочу быть рабомъ, лишь молю объ одномъ :
Да вѣдаю вашего Бога!

«Монархъ побѣжденный, геройство цѣня,
Быть вашимъ вассаломъ желаетъ.
Испанцы! примите, какъ друга, меня —
И мѣръ вашу славу узнаетъ.

Почтили испанцы врага своего ;
За доблесть онъ чести достоинъ,
И всѣ обнимаютъ, лобзаютъ его,
Какъ друга, начальникъ и воинъ.

И лаской на ласки привѣтныя ихъ
Съ любовью арабъ отвѣчаетъ,
Лобзаетъ ихъ вѣжно; но крѣпче другихъ
Начальника онъ обнимаетъ.

Но вдругъ, какъ безумный, потрясъ головою
И рухнулъ на землю съ проклятьемъ ;
Колѣни вождя онъ опуталъ чалмой
И сжалъ ихъ могучимъ объятьемъ.

И всё на него съ изумленьемъ глядятъ;
Глаза его кровью налились,
И вздулись, и пламенемъ страшнымъ горятъ;
Уста, посинѣвъ, искривились.

«Смотрите, гауры, на дѣло мое —
Я васъ награждаю чумою;
Въ Гранадѣ я былъ и оттуда ее
Принесъ вамъ въ подарокъ съ собою» (*),

«И знайте, заразу я въ сердце вонзилъ
Своимъ ядовитымъ лобзаньемъ:
Какъ я здѣсь умру, такъ, лишенные силъ,
Умрете вы съ адскимъ страданьемъ».

Онъ съ хохотомъ дикимъ бросается къ нимъ,
Хватаетъ ихъ ноги и руки,
Порой выражая стѣнаньемъ глухимъ
Предсмертныя, страшныя муки (**).

И умеръ предъ ними съ проклятьемъ въ устахъ
И съ хохотомъ злобы змѣиной;
Но радость осталась въ отверстыхъ глазахъ,
Въ чертахъ, искаженныхъ кончиной.

(*) Эта строфа гораздо-слабѣе подлинника:

Patrzcie, o gjaury! jam siný, blady,
Zgadnijcie, czyim ja poslem?
Jam was oszukał, wracam z Grenady,
Ja wam zarazę przyniosłem.

То-есть:

Смотрите, гауры! я посинѣлъ, я блѣденъ;
Отгадайте, чей я посолъ?
Я обманулъ васъ, я возвращаюсь изъ Гранадъ:
Я вамъ принесъ заразу!

(**) Въ подлинникѣ не такъ:

RzUCA się, krzyczy, ściga ramiona,
Chciałby uściśnieniem wiecznym
Wszystkich Hiszpanów przykuć do łona;
Śmieje się — śmiechem serdecznym.

То-есть:

Бросается, кричитъ, сжимаетъ плечи,
Онъ хотѣлъ бы вѣчнымъ объятіемъ
Всѣхъ испанцевъ прижать къ груди,
Смѣется — смѣхомъ сердечнымъ.

Смутясь, изъ развалинь испанцы ушли,
Спасаясь отъ гибельной кары;
Но смерть ихъ настигла, и все полегли,
Не вышедъ изъ горъ Альпухары.

Странно, что польскіе критики, при самомъ появленіи *Конрада Валленрода*, не оцѣнили его по достоинству. Такъ одинъ изъ нихъ, М. Мохнацкій, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О польской литературѣ въ XIV вѣкѣ», (*) совершенно-ложно понялъ это произведеніе—перлъ новѣйшей европейской поэзіи. Мохнацкій утверждаетъ, что расположеніе и развитіе этой поэмы не соответствуетъ ея главной идеѣ, въ основаніи своемъ глубокой, смѣлой и въ высшей степени поэтической. Ему кажется, что нѣтъ соразмѣрности между тою частью поэмы, гдѣ дѣйствіе, такъ-сказать, происходитъ передъ нашими глазами, и частью описательною, *повѣствовательною*. Мы не соглашаемся съ мнѣніемъ Мохнацкаго; напротивъ, намъ кажется, что отъ этого эффектъ поэмы еще болѣе выигрышаетъ. Колоссальная фигура Валленрода является передъ нами въ самый интересный моментъ событія и обрисована такими характеристическими чертами, что послѣдующій разсказъ Вайделоты о предъидущей войнѣ ордена крестоносцевъ съ Литвою нисколько не ослабляетъ дѣйствія поэмы. Онъ входитъ какъ эпизодъ и вмѣстѣ съ этимъ находится въ неразрывной связи съ планомъ цѣлаго произведенія; онъ какъ-то внезапно озаряетъ всю картину и передъ нами еще ярче встаетъ величавый и угрюмый образъ предателя крестоносцевъ, пожертвовавшаго собою для блага Литвы.

Мохнацкому также не нравится выраженіе пылкой любви Валленрода къ Альдонѣ. Онъ не понялъ художественной идеи Мицкевича, придающей всей поэмѣ свѣтлый, особый колоритъ, смягчающій суровыя черты Валленрода. Притомъ эта любовь является въ поэмѣ въ видѣ воспоминанія навсегда-утраченной юности. Въ ней какъ-будто слышится голосъ съ того свѣта. Та, которую любилъ Валленродъ когда-то въ молодости, теперь уже затворница, замкнувшаяся въ башнѣ. Онъ уже не видалъ ее, и только въ воспоминаніи оживаетъ передъ нимъ очаровательный образъ. Въ этой башнѣ, какъ въ каменномъ гробѣ, похоронено для него невозвратное прошедшее. Оттуда доходить до него только голосъ затворницы; часто стоитъ онъ тамъ всю ночь до самой зари, прислонясь къ стѣнѣ, какъ мраморная статуя, закутанный въ плащъ и съ опущеннымъ забраломъ. Онъ слышитъ рыданія Альдоны; онъ вмѣстѣ съ нею вспо-

(*) O Literature Polskiej w wieku dziewiętnastym przez Maurycego Moch-nackiego. Мнѣ извѣстно варшавское изданіе 1830 года.

минает родной край и ясные дни юности; потомъ прощается съ нею и исчезаетъ (говоритъ Мицкевичъ) «какъ адскій духъ у вратъ пустыни при звукахъ утренняго колокола».

Когда Валленродъ умиралъ, выпивъ ядъ, «въ ту же минуту (такъ Мицкевичъ оканчиваетъ свою поэму) сквозь стѣны башни проникъ внезапный, сильный, протяжный и оторванный крикъ; но вы догадываетесь, изъ чьей груди онъ вырвался. Еслибъ кто-нибудь слышалъ его, то легко отгадалъ бы, что грудь, изъ которой вырвался такой стонъ, ужъ никогда болѣе не издастъ голоса: въ этомъ голосѣ отозвалась цѣлая жизнь».

«Такъ струны лютни отъ сильнаго удара загремятъ и лопнутъ; кажется, будто ихъ смѣшанные звуки возвѣщаютъ начало пѣсни, но конца ея никто не дожидается».

«Вотъ моя пѣснь о судьбѣ Альдоны! Пусть ангелъ гармоніи допоетъ ее на небесахъ, а чувствительный слушатель—въ душѣ своей.»

Не понимаемъ, какъ Мохнацкій отважился сравнить Мицкевича съ посредственнымъ польскимъ поэтомъ, Богданомъ Залескимъ, и сказать, что фантазія и художественный смыслъ, пѣснь и ея форма у него соглашаются между собою гораздо-болѣе, чѣмъ у Мицкевича! Залескій человѣкъ не безъ дарованія и написалъ нѣсколько звучныхъ стиховъ; но мы не видимъ въ нихъ ничего оригинальнаго. Онъ (позволяемъ себѣ такъ выразиться) перефразируетъ украинскія думы и пѣсни, стараясь придать превратно-поэтическій блескъ той народности, въ исторіи которой имя «ляхъ» записано кровавыми буквами. Странно видѣть польскаго поэта, привидывающагося украинцемъ. Притомъ всѣ стихотворенія Залескаго отличаются однообразиемъ и бѣдностью содержанія. Къ-удивленію, онъ пользуется болѣею извѣстностью у поляковъ и чуть-ли не считается выше самаго Мицкевича (*).

(*) Нельзя не указать здѣсь на невыносимо-сладенькую и плачевную монотонность стиховъ его, которые непрерывно сопровождаются восклицаніями: *oż! oń! o!* Возьмемъ наудачу нѣсколько стиховъ, которые мы приводимъ здѣсь для знающихъ польскій языкъ:

J tyle, o! tyle
Przekwita rok rocznie dziewczątek!

Черезъ четыре строки опять:

Księżycu o! wieszczy mój bracie.

Въ другомъ стихотвореніи мы читаемъ:

Siostrzyca — strażnica, stepowa gdzieś Wieża,
Stepowa oń! Wieża — Mogiła.

Мы нѣсколько отвлеклись отъ нашего главнаго предмета, считая необходимымъ отчасти показать, какъ въ самой Польшѣ оцѣнили Мицкевича.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Валленродѣ.

Пишущій эти строки имѣлъ случай видѣть черновую рукопись этой поэмы въ Москвѣ, еще въ 1833 году, у покойнаго Ежовскаго, сотоварища Мицкевича и преподавателя греческаго языка въ московскомъ университетѣ въ 1826 — 1827 г. (*). Чтobъ понимать Мицкевича, я тогда же началъ учиться польски, и мнѣ памятно то благоговѣйное чувство, съ какимъ не одинъ разъ я разсматривалъ рукопись знаменитаго польскаго поэта. Оно мнѣ памятно тѣмъ болѣе, что у меня сохранилась полчетвертка изъ этой рукописи, подаренная мнѣ покойнымъ Ежовскимъ и содержащая въ себѣ первыя четыре строфы, 2-й, 3-й и 4-й стихи 9-й строфы, и 10-я, 11-я и 12-я строфы.

Эта рукопись изумляла тѣмъ, что показывала, съ какой легкостью создавался *Валленродъ*. Видно было, что Мицкевичъ такъ свободно и скоро писалъ его, что даже не имѣлъ времени ставить знаки препинанія, которые замѣтны только кое-гдѣ, и все поправки, изрѣдка встрѣчавшіяся, сдѣланы были во время самой работы. Одно выраженіе было зачеркнуто и тутъ же, въ строку, замѣщено другимъ, или вновь вписывалось то же самое. Иногда цѣлыя страницы шли безъ малѣйшихъ поправокъ. Почеркъ неровный и нетвердый, хотя довольно-выразительный.

Черезъ нѣсколько строкъ :

Och woli Siostrzyca czas mroczny i głuchy.

Въ иныхъ стихахъ встрѣчаемъ :

Ukraina oj nasza, jak dziewa.

Тамъ же :

Straszny sąd był — oj sądneć to lata.

Тамъ же :

A nie widać Anioła oj stróża!

Мы уже не имѣемъ терпѣнія выписывать еще примѣры, которыхъ найдется множество.

(*) Онъ извѣстенъ слѣдующими учеными трудами: 1) Сочиненіе, написанное на польскомъ языкѣ по поводу перевода разговора Платона о законахъ В. И. Оболенскимъ, подъ заглавіемъ: *O postępie badań filologicznych we względzie pism Platona*. Москва. 1829. 2) Изданіе первыхъ шести книгъ Одиссеи съ латинскими примѣчаніями. Москва. 1830 г. Во время пребыванія своего въ Вильнѣ онъ издалъ оды Горация (въ 1821 г.) съ учеными примѣчаніями.

Изъ уваженія къ памяти великаго поэта, считаю долгомъ, хотя поверхностно, познакомить читателей, въ-особенности польскихъ, съ драгоценнымъ автографомъ, сохранившимся у меня (*). По-крайней-мѣрѣ приведу здѣсь его стихи въ томъ порядкѣ, въ какомъ они въ немъ слѣдуютъ, сохраняя всѣ поправки и правописание подлинника. Замѣчу, что мѣста, напечатанныя здѣсь курсивомъ и помѣщенные въ скобкахъ, въ подлинникѣ зачеркнуты.

ALPUNARA (**).

Ballada.

(*W gruzach*) Już w gruzach leżą maurow posady
Narod ich dzwiga żelaza,
Bronią się jeszcze twierdze grenady
Ale w grenadzie zaraza.

Broni się jeszcze z wież alpuhary
Almanzor z garstką rycerzy
Hiszpan pod miastem zatknął sztandary
Jutro do szturm uderzy.

O wschodzie słońca, ryknęły spize
Rwą się okopy, mur wali
J (***) z minaretów błysnęły krzyże

Hiszpanie (zamku miasta) (****) dostali.

Jeden almonzor widząc swe roty
Zbite w upornej obronie
Przerznął między szable i groty
Uciekł i zmylił pogonie.

Сохраненная мною полчетвертка въ этомъ мѣстѣ перерѣзана, и потомъ продолжается слѣдующимъ образомъ:

.....
Ze arab że krol zwalczony,
Swoich zwycięzców chce zostać bratem
Wassalem obcej krainy, ..

(*) Онъ уже принесенъ мною въ даръ императорской публичной библиотеки.

(**) Начальная буква этого слова А, написана какъ Л.

(***) После этого союза поставлены знаки въ родѣ слѣдующихъ: —

(****) Въ печатномъ подлинникѣ также вездѣ: *zamki*.

Hiszpanie męstwo cenić umieją
Gdy almanzora poznali,
Wodz do uscisnął inni koleją
Iak towarzysza witali.
Almanzor wszystkich wzajemnie wi tał (sic)
Wodz nacyzulej uscisną (sic)
Objął za szyję, za ręce chwycił
Na ustach jego zawisnął,

A w tem osłabiał (sic), padł na kolana,
Ale rękami drżącemi
(*Wiązał swój zawoy do nóg Hiszpana*
Cią) *Wiązac* (sic) swój zawoy do nóg Hiszpana
Ciągnął się za nim po ziemi
Spojrzał do kola (sic), wszystkich...
Zbladł.

Здѣсь автографъ прерывается. Кромѣ-того, что Мицкевичъ начиналъ собственныя имена съ малой буквы, знающіе польскій языкъ замѣтятъ еще слѣдующія особенности правописанія: обыкновенно употребляемая въ польскомъ языкѣ буква *k* вездѣ написана въ слѣдующемъ видѣ: *κ*. Въ одномъ мѣстѣ *j* употреблено правильно, въ другомъ, вмѣсто нея, стоитъ *i* и *y*; даже въ одномъ и томъ же словѣ различно: *zawoy* и *zawoj*; также *nacyzulej*.

Теперь мы должны еще упомянуть о другихъ произведеніяхъ Мицкевича.

Многимъ русскимъ читателямъ, безъ-сомнѣнія, извѣстны по прежнимъ, впрочемъ, слабымъ переводамъ — *Фарисъ* и *Сонеты*. О нихъ-то мы хотимъ напомнить имъ. Эти произведенія показываютъ, какъ Мицкевичъ, подобно нашему Пушкину, въ высшей степени способенъ былъ иногда переноситься въ среду чуждой народности, проникаться совершенно-чуждою ему природою и подъ ея живыми впечатлѣніями создавать художественныя и высокія картины. Оба они черпали силу вдохновенія въ южныхъ и роскошныхъ краяхъ русскаго царства.

Фарисъ названъ Мицкевичемъ *кассидою*, то-есть пѣснью въ честь эмира Тадж-Уль-Фехра (*), и посвященъ нашему покойному поэту

(*) Подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ на Востокѣ графъ Вячеславъ Ржевускій (*таджъ*—вѣнецъ, *фехръ*—слава), жившій во времена Августа II и III. Онъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей въ Польшѣ, много путешествовалъ и первый изъ поляковъ рѣшился написать двѣ оригинальныя трагедіи, отличающіяся вкусомъ и чистотою языка: *Жолковскій* и *Владиславъ подъ Варною*. Умеръ въ 1779 года.

Козлову. Не одинъ разъ онъ былъ переведенъ на русскій языкъ, и всегда неудачно. *Фарисъ* — не переводъ съ арабскаго: это цѣлая, самобытная поэма, написанная въ восточномъ родѣ. Мы напомнимъ ее читателямъ въ нашемъ, хотя слабомъ, переводѣ, но, по возможности, близкомъ къ подлиннику:

«Какъ рѣзвый чолнъ, когда, сорвавшись съ земли, снова извивается по синему кристаллу, и страстными веслами обнавши грудь моря, возноситъ надъ волнами лебединую шею: такъ мчится арабъ, когда со скалы устремляетъ коня въ пространство пустыни; когда копыта съ глухимъ шумомъ погружаются въ песчаные потоки, какъ горячая сталь въ безднахъ водъ.

«Конь мой уже плыветъ въ сухомъ морѣ и грудью дельфина разсѣкаетъ сыпучія волны. Все быстрѣе и быстрѣе; онъ уже сверху замечаетъ песокъ; все выше и выше — уже несется надъ клубомъ пыли. Мой черный конь — какъ бурная туча; звѣзда на лбу его блеститъ какъ денница; онъ распустилъ по волѣ вѣтровъ перья страусовой гривы и полетомъ бѣлыхъ ногъ разбрасываетъ молніи.

«Мчись, летунъ бѣлоногій! горы, прочь съ дороги! лѣса, прочь съ дороги!

«Напрасно зеленая пальма ждетъ съ тѣнью и плодами: я вырываюсь изъ ея объятій; пальма убѣгаетъ со стыдомъ, скрывается въ глубинѣ оазиса и шорохомъ листьевъ осмѣиваетъ мою гордость.

«Тамъ скалы, сторожація границу пустыни, съ дикимъ видомъ смотрятъ на бедуина и, повторяя послѣднее эхо конскихъ копытъ, вслѣдъ за мною посылаютъ такую угрозу:

«О, безумецъ! куда онъ мчится? Тамъ отъ жгучихъ лучей солнца не защитить его головы его ни зеленоволосая пальма, ни бѣлое лоно шатровъ; тамъ одинъ шатеръ — небо; только скалы ночуютъ тамъ, только звѣзды тамъ кочуютъ!»

«Напрасно грозить они, напрасно? Я мчусь и удвоиваю удары. Смотрю: гордые утесы вдали остались за мною; убѣгаютъ длиннымъ рядомъ, скрываются одинъ за другимъ. Коршунъ услышалъ ихъ угрозу и слѣпо повѣрилъ, что онъ возьметъ въ плѣнъ бедуина въ пустынѣ, и, устремась за мною, взмахнулъ крыльями, три раза окружилъ мою голову чернымъ вѣнцомъ.

«Чую запахъ трупа» закаркалъ онъ: «глуный ѣздокъ, глуный конь! ѣздокъ въ пескахъ отыскиваетъ дорогу; бѣлоногій ищетъ пажити. Для ѣздока и коня это трудъ напрасный. Кто зашелъ сюда, тотъ не возвратится. По этимъ дорогамъ блуждаетъ вѣтеръ, унося съ собою свои

слѣды; не для коней этотъ лугъ; на немъ пасутся только гадины, только трупы ночуютъ здѣсь, только коршуны здѣсь кочуютъ».

«Каркая, онъ насмѣшливо грозилъ мнѣ въ глаза сверкающими когтями, и мы три раза взглянули другъ другу въ глаза. Кто же испугался? Коршунъ испугался и улетѣлъ высоко. Когда я хотѣлъ наказать его и натянулъ лукъ, и когда я позади себя слѣдилъ глазами коршуна, онъ уже висѣлъ въ воздухѣ, какъ стрѣное пятнышко, величиною съ воробья, мотылька, комара. потомъ совершенно исчезъ въ синевѣ.

«Мчись, летунъ бѣлоногій! скалы, прочь съ дороги! коршуны, прочь съ дороги!

«Въ это время западное облако вырвалось изъ-подъ солнца; оно настигало меня бѣлымъ крыломъ на голубомъ сводѣ; оно хотѣло сдѣлаться такимъ же наѣздникомъ въ небѣ, какимъ я былъ въ степи. Оно повисло надъ моею головою и послало мнѣ велѣдъ такую угрозу:

«О, безумецъ! куда онъ мчится? Тамъ жажда растопить грудь; облако не ороситъ дождемъ чела, покрытаго пылью; ручей на безплодной долинѣ не отзовется серебрянымъ голосомъ; прежде, чѣмъ роса упадетъ на землю, алчный вѣтеръ разметаетъ ее на-лету».

«Напрасныя угрозы! Я мчусь и удваиваю удары. Утомленное облако начало склоняться по небу; ниже и ниже склонять голову, потомъ оперлось на скалы. И когда разъ еще, съ презрѣніемъ, обратилъ я взоры, то оно уже далеко, на разстояніи цѣлаго неба, оставалось позади меня. Я видѣлъ, что оно таяло въ сердцѣ, побагровѣло отъ злости, подернулось желчью зависти, наконецъ почернѣло, какъ трупъ, и скрылось въ горахъ.

«Мчись, летунъ бѣлоногій! коршуны, прочь съ дороги! тучи, прочь съ дороги!

«Теперь я обвелъ вокругъ себя глазами по теченію солнца — и на землѣ, и на небѣ уже никто не гнался за мною! Здѣсь природа, обьятая сномъ, никогда не слышитъ человѣческихъ шаговъ; здѣсь стихіи дремлютъ въ тишинѣ, какъ испуганные звѣри, которыхъ стадо не убѣгаетъ при видѣ перваго лица человѣка.

«О, Боже! я здѣсь не первый! Посреди песчаной насыпи свѣтятся ряды воиновъ, укрѣпленные валомъ: сблизись ли они съ пути, или изъ засады подстерегаютъ добычу? Всадники въ бѣломъ и кони удивительной бѣлизны! Подбѣгаю — стоятъ! зову — молчатъ... Это трупы! То давнишній караванъ, выкопанный изъ песку вѣтромъ! На скелетахъ верблюдовъ сидятъ кости всадниковъ. Сквозь впадины, гдѣ были глаза, сквозь обнаженные скулы, струится песокъ и издаетъ зловѣщіе стоны: «Безумный бедуинъ! куда ты несешься? Тамъ ураганы!..»

«Я мчусь, я не знаю страха. Мчись, летуиь бѣлоногий! трупы, ураганы, прочь съ дороги!

«Ураганъ, первый изъ африканскихъ возмутителей, уединенно прохаживался по песчанымъ топямъ. Онъ издали увидѣлъ меня и остановился въ изумленіи и, вертась на одномъ мѣстѣ, такъ шумѣлъ про-себя: «Кто это изъ вихрей, моихъ младшихъ братьевъ, столь низкаго полета, столь ничтожный съ виду, осмѣливается попирать ногами страны, которыми я владѣю по наслѣдству?» Онъ заревѣлъ и устремился на меня въ видѣ пирамиды. Видя, что я смертенъ и неустрашимъ, онъ, со злости, ударилъ ногою въ землю, возмутилъ всю Аравію и схватилъ меня своими когтями, какъ грифъ птицу.

«Онъ жегъ меня огнистымъ дыханіемъ, крыльями взбивалъ пыль, подбрасывалъ вверхъ, билъ о землю, насыпалъ кучи песку. Я порываюсь, смѣло борюсь, терзаю его члены, четвертую песчаное тѣло, грызу его бѣшенными зубами.

«Ураганъ хотѣлъ изъ моихъ объятій столбомъ улетѣть въ небо—не вырвался, приподнялся на половину тѣла и рухнулъ, посыпалъ сверху песчанымъ дождемъ и легъ у моихъ ногъ длиннымъ, какъ городской валъ, трупомъ.

«Я свободно вздохнулъ! Гордо смотрѣлъ я на звѣзды, и всѣ звѣзды золотыми очами, всѣ смотрѣли на меня, потому—что, кромѣ меня, на землѣ не было никого. Какъ отраднo дышать здѣсь всею грудью! Я дышу полно, широко! Всего воздуха въ Аравістанѣ едва достанетъ мнѣ для дыханія. Какъ здѣсь отраднo дать волю глазамъ! Взоръ мой на-прягается въ такую даль, въ такое пространство, что обнимаетъ большую часть свѣта, внѣ предѣловъ видимаго небосклона. Какъ отраднo простирать широкія объятія! Я радушно протянулъ руки къ міру; мнѣ кажется, что я обниму его отъ востока къ западу. Мысль моя, какъ стрѣла, летитъ въ лазурныя пространства, выше, выше и выше, до самой вершины небесъ. Какъ пчела, вонзая жало, съ нимъ вмѣстѣ губитъ и сердце, такъ и я вслѣдъ за мыслию утопилъ душу въ небѣ!..»

Въ сонетахъ, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ, также видно пылкое воображеніе и необыкновенная способность Мицкевича, глубоко сочувствуя красотамъ природы, воссоздавать ихъ въ художественныхъ образахъ.

Вообще сонетъ Мицкевича, какъ поэтическая форма, изященъ въ высшей степени и, при всей сжатости, отличается полнотою содержания.

Пушкинъ, говоря о сонетѣ, сказалъ :

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы, въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключать.

Всѣхъ сонетовъ Мицкевичъ написалъ тридцать-девять. Половину ихъ онъ посвятилъ выраженію пламенной и нѣжной любви, на которую у него былъ самый поэтический и возвышенный взглядъ. Велушайтесь, какъ поэтъ рассказываетъ о своихъ душевныхъ страданіяхъ, какъ онъ готовъ за-глаза осмыслить идеалъ своей любви горькими упреками за ея жестокость, и потомъ вдругъ обращается къ ней съ слѣдующими словами: «Но когда тебя увижу, то не понимаю, отчего снова я спокоенъ и холоденъ болѣе, чѣмъ скалы; вмѣсто-того, чтобъ снова воспламеняться, я молчаливъ попрежнему!» Въ сонетѣ «Утро и вечеръ» поэтъ выражаетъ свою любовь болѣе-яркими и живыми красками:

«Солнце блеститъ на востокѣ въ вѣнцѣ огнистыхъ облаковъ, а на западѣ тускнѣетъ блѣдное лицо мѣсяца; роза на солнцѣ колышетъ распутившіяся почки; фіалка наклоняется подъ тяжестью утренней росы.

«Лаура блеснула въ окнѣ; я склонилъ колѣни на крыльцѣ. Свивая локоны своихъ золотистыхъ косъ, она сказала: «отчего такъ рано вы печально смотрите, и мѣсяцъ, и фіалка, и ты, мой милый?»

«Вечеромъ пришелъ я восхищаться новымъ зрѣлищемъ. Мѣсяцъ возвращается: лицо его полно и румяно; фіалка подняла листья, освѣженные сумерками.

«Снова въ окнѣ показалась моя милая, въ болѣе-преlestномъ нарядѣ и съ болѣе-веселымъ взглядомъ; снова я у ногъ ея, такъ же печаленъ, какъ утромъ.»

Какая поэтическая, свѣтлая картина, и, вмѣстѣ, какъ полно выражено въ ней глубокое, хотя и недосказанное чувство!

Въ другомъ сонетѣ поэтъ, называя самымъ несчастнымъ изъ людей того, кто не можетъ позабыть, что когда-то любилъ, говорить: «И сердце у него подобно древнему храму, опустошенному непогодами и временемъ, гдѣ божество не хочетъ обитать, а люди не смѣютъ...»

Въ прочихъ сонетахъ уже выражается горькое разочарованіе. Такъ въ одномъ изъ нихъ Мицкевичъ говоритъ: «Данаиды! я бросалъ въ бездну вашихъ желаній дары пѣсни и въ слезахъ залившуюся душу; теперь на щедрость я скупъ, а нѣжности мѣя смѣшны. И хотя еще до-сихъ-поръ плѣняетъ меня прелестное лицо, хотя еще я долженъ васъ воспѣвать и приносить вамъ дары; но прежде я отдалъ бы все, теперь также все, кромѣ сердца!»

Крымскіе сонеты болѣе отличаются глубиной мысли и величавыми картинами природы, изображенными смѣлою и широкою кистью истиннаго

художника и — чему нельзя не изумляться — сжатыми въ тѣсныхъ рамахъ.

Въ аккерманскихъ степяхъ поражаетъ поэта мертвенная тишина; онъ останавливается и съ такимъ вниманіемъ напрягаетъ слухъ, что услышалъ бы голосъ изъ своей родной Литвы; но «ѣдемъ!» говорить онъ: «никто не зоветъ!..»

Вотъ морская тишина; корабль чуть-чуть колыхнется, паруса опустились... «О, море!» восклицаетъ поэтъ: «между твоими веселыми тварями есть полинь, который поконится на днѣ, когда небо покрывается тучами, и во время тишины выдвигаетъ свои длинные члены. О, мысль! въ твоей глубинѣ есть гидра воспоминаній, которая погружена въ сонъ во время бѣдствій и бури страстей, и когда сердце спокойно, то оно вонзаетъ въ него когти...»

Но вотъ море векипѣло; корабль срывается съ якоря и мчится по волнамъ; поэтъ протягиваетъ руки и припадаетъ къ кораблю. «Кажется, что грудь моя» говорить онъ «ускоряетъ его бѣгъ. Легко мнѣ! привольно! люблю! Знаю, что значить быть птицей!»

Мицкевичъ посѣтилъ развалины Бахчисарая и такъ же, какъ Пушкинъ, описалъ звучными стихами завѣтный *Фонтанъ слезъ*.

Журчить во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Послушаемъ Мицкевича :

«Посрединѣ залы изъ мрамора изсѣчена чаша — то фонтанъ гарема; онъ еще уцѣлѣлъ и, роняя жемчужныя слезы, такъ отзывается среди заустьнѣя :

«Гдѣ же вы, о, любовь, могущество и слава! Вамъ бы существовать на вѣки; источникъ течетъ быстро... О, позоръ! вы прошли, а источникъ остался!»

Мицкевичъ, между могилами гарема, нашелъ могилу своей соотечественницы, той Маріи, которую Пушкинъ воспѣлъ въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ». Памяти ея посвященъ сонетъ: «Могила Потоцкой», въ которомъ, оплакивая ее, онъ говоритъ: «Тамъ, на сѣверѣ, къ Польшѣ, свѣтятся безчисленныя звѣзды; зачѣмъ же на этомъ пути столько блестить ихъ?»

Поэтъ, вспоминая о Потоцкой, отвѣчаетъ на вопросъ вопросомъ :

«Или твой взоръ, исполненный огня, прежде чѣмъ погасъ въ могилѣ, вѣчно уносился въ тотъ край, выжегъ тамъ яркіе слѣды?»

Потомъ мы видимъ поэта надъ моремъ. «Земля спитъ» говорить онъ: «мнѣ сна нѣтъ; бросаюсь на лоно моря; черный, вздувшійся валъ съ

шумомъ стремится на меня; я наклоняю къ нему чело, протягиваю руки; надо мною распадается волна; хаосъ меня окружаетъ; я жду, пока мысль, какъ челнокъ, бросаемый вихрями, собьется съ пути и на мигъ погрузится въ забвеніе».

Особенное впечатлѣніе произвелъ на Мицкевича Чатырдагъ. Онъ сравниваетъ его съ архангеломъ, стоящимъ на стражѣ у эдема; темный дѣсъ покрываетъ его, какъ плащъ, а струи молній бороздятъ его чалму въ тучъ. Поэтъ заставляетъ мирзу обратиться къ Чатырдагу съ слѣдующими словами: «Между свѣтомъ и небомъ, какъ драгоманъ творенія, подостлавъ подъ себя земли, людей и громы, ты только внимаешь, что Богъ говоритъ природѣ».

Вполнѣ передать на другой языкъ всю свѣжесть поэтическихъ красокъ, которыя Мицкевичъ такъ щедро набрасываетъ въ своихъ крымскихъ сонетахъ, возможно не иначе, какъ въ художественномъ переводѣ, и потому мы ограничиваемся здѣсь только указаніемъ на нихъ.

Въ-заключеніе нашего обзора произведеній Мицкевича, необходимо еще упомянуть о его переводахъ, которые дополняютъ характеристику поэта. Они занимаютъ половину 4-ой части собранія его сочиненій (Парижъ, 1844), и въ нихъ виднѣтъ его могучій талантъ. Данте, Петрарка, Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Гёте, Жанъ-Поль-Рихтеръ, Пушкинъ — вотъ поэты, которыхъ онъ переводилъ.

Первое мѣсто принадлежитъ переводу байронова *Гяура*, на который Мицкевичъ наложилъ печать своего творческаго таланта. Художественное совершенство стиховъ его заставляетъ забывать, что читаешь переводъ. Въ нихъ слышится не одинъ затаенный звукъ, вырвавшійся прямо изъ глубины души поэта-переводчика. Здѣсь Байронъ досказывается Мицкевичемъ, и оба поэта какъ-будто соединяются въ одно цѣлое, каждый сохраняя свою особенность.

Любопытенъ взглядъ Мицкевича на Байрона, высказанный имъ въ предисловіи къ этому переводу:

«Байронъ былъ дитя прошлаго вѣка; онъ вступилъ въ свѣтъ въ самую несчастную эпоху для человѣка, для поэта: тогда только-что опускался занавѣсъ послѣ перваго акта революціи; ужасная борьба на письмѣ и словахъ была прервана гильотинами и заглушена громомъ европейской войны; партіи, обезсиленные междоусобіями, сошли съ поля битвы; остатки воевавшихъ Наполеонъ обзоружилъ и наложилъ на нихъ узду. Все утихло. То было время страннаго онемѣнія. О тѣхъ великихъ вопросахъ, которые волновали міръ, уже боялись говорить, перестали думать. Все тогдашнія литературныя произведенія носятъ на себѣ печать умственной тревоги и нравственнаго упадка. Это какъ-будто разговоры

преступниковъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ, которые стыдятся вспоминать прошедшее, потому-что оно опозорено, боятся подумать о будущемъ, потому-что оно ужасно, и занимаются болтовнею о погодѣ и дождѣ.

«Душѣ Байрона было тѣсно посреди такой литературы, и она силилась вырваться изъ ея сферы. Молодой писатель, преслѣдуемый критиками, взаимно ихъ преслѣдовалъ и, судя по критикамъ о читателяхъ, сталъ пренебрегать всею публикою. Послѣ такой авторской распри съ литераторами, насталъ нравственный разрывъ съ людьми, котораго подробности уже принадлежать биографіи поэта.

«Ослѣпленный гнѣвомъ, проклинаящій коварство, хотя онъ и зналъ, но позабылъ, что есть лучшіе люди» (*Корсаръ*).

«Съ-тѣхъ-поръ Байрону казалось, что человѣкъ съ сердцемъ не можетъ жить въ обществѣ, что онъ долженъ бѣжать отъ свѣта или мстить ему. Съ-тѣхъ-поръ своихъ героевъ, дѣтей своей души, онъ воспитывалъ въ пустынѣ или въ вертепахъ разбойниковъ.

«Но дѣти Байрона — не обыкновенные злодѣи, не холодные эгоисты или безумные фанатики, закоснѣлые въ своемъ развратѣ и глупости. Поэтъ, по-крайней-мѣрѣ, оставляетъ имъ одно доброе качество, которое неволью связываетъ ихъ съ человѣческимъ родомъ, которое не дозволяетъ имъ погрузиться въ глубокой, нравственный мракъ и, аснѣя на двѣ совѣсти, даетъ имъ возможность видѣть все ея недостатки и пятна. Люди Байрона имѣютъ *совѣсть*. Здѣсь-то главное различіе между нашимъ авторомъ и писателями прошлаго вѣка.»

Мицкевичъ передалъ прекрасными стихами нѣкоторыя небольшія арабскія произведенія (*Шапфари*, *кассида*, и *Альмотенабби*) по переводамъ де-Саси и Лагранжа, также при пособіи О. И. Сенковского, котораго примѣчаніями онъ даже воспользовался въ *каssidѣ Шапфари*.

Мицкевичъ, какъ и нашъ Пушкинъ, также увлекся известнымъ сборникомъ Мериме, заключающимъ въ себѣ подѣльные славянскія пѣсни; Мицкевичъ перевелъ изъ нихъ только одну: *Морлакъ въ Венеціи* (у Пушкина: *Влакъ въ Венеціи*); но и онъ, подобно Пушкину, наложилъ на эту пѣсню печать славянской народности, впрочемъ, съ большими украшеніями.

Изъ Пушкина переведено только *Воспоминаніе* («Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день»), которое мы приводимъ здѣсь для сравненія. Знающіе польскій и русскій языки увидятъ, что Мицкевичъ не отсталъ отъ подлинника:

Kiedy dla śmiertelników ucichną dnia gwary,
I noc w pół-przejrzystą szatę

Rozciągając nad głuchej stolicy obszary,
Spuszcza sen, trudów zapłatę:

Wtenczas mnie samotnemu, rozmyślań godziny
W ciszy leniwo się wleką,
Wtenczas mnie ukąszenia serdecznej godziny
Bezczynnemu srożej pieką.

Mary wrą w myśli, którą tęsknota przytłacza,
I trosk oblegają roje;
Wtenczas i przypomnienie w milczeniu roztacza
Przedemną swe długie zwoje.

Ze wstrętem i z przestraczem czytam własne dzieje,
Sam na siebie pomsty wzywam,
I serdecznie żałuję i gorzkie lzy leję,
Lecz smutnych rysów nie zmywam.

V.

Обращаемся къ русскимъ переводамъ нѣкоторыхъ произведеній Мицкевича и, къ-сожалѣнію, должны сознаться, что соплеменный намъ поэтъ не нашелъ ни одного достойнаго себя переводчика, съ весьма-малыми исключеніями. Сюда можно отнести небольшое число переводовъ, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ, и въ-особенности переводы Пушкина, которые, впрочемъ, отчасти можно назвать передѣлками, какъ мы увидимъ.

Первый познакомилъ русскихъ съ Мицкевичемъ, кажется, князь П. А. Вяземскій, который помѣстилъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. (ч. XIV, стр. 191) переводъ сонетовъ въ прозѣ. Впоследствии начали являться въ періодическихъ изданіяхъ и альманахахъ другіе переводы. Между ними нельзя не отличить помѣщеннаго въ «Невскомъ Альманахѣ» 1829 г., перевода Вронченко второй части «Праотцевъ» (Dziady), или, лучше сказать, «Поминокъ усопшихъ». Этотъ переводъ во многихъ мѣстахъ вѣренъ съ подлинникомъ, хотя иногда и отличается нѣсколькотяжелыми стихами.

Выше мы привели заглавія отдѣльно-изданныхъ переводовъ Мицкевича; всѣ они очень-слабы и, главное, неизщны. Хотя Козловъ перевелъ «Крымскіе сонеты» довольно-звучными и гладкими стихами, все-таки переводъ его слѣдуетъ назвать произвольною и во многихъ мѣстахъ неудачною передѣлкою. Напримѣръ, въ сонетѣ «Видъ горъ изъ Степей Козловскихъ» Мицкевичъ говоритъ:

Na szczycie jaka *łuna!* pożar Carogrodu!

То-есть: Какое *заревое* на вершинѣ! пожаръ Царьграда!

Козловъ перевелъ:

Что за *луна!* взгляни: громада
Пылаеть, какъ пожаръ Царьграда!

Въ этомъ же сонетѣ Мицкевичъ заставляетъ миру говорить: «И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою была только звѣзда — то Чатырдагъ!» При этомъ словѣ у пилигрима вырывается только восклицаніе: «Аа!!» и этимъ оканчивается сонетъ.

Козловъ передалъ это мѣсто въ слѣдующихъ стихахъ, вложенныхъ въ уста мирзы:

И надъ чалмой моей горѣла въ небесахъ
Одна уже звѣзда — и былъ то...

Пилирмизъ.

Чатырдагъ!

Такимъ-образомъ весь поэтическій эффектъ сонета потерянъ.

Пушкинъ, если не вполне совладалъ съ подлинникомъ, то по-крайней-мѣрѣ поступилъ съ нимъ въ своемъ переводѣ какъ художникъ. Многія мѣста переданы имъ прекрасно, хотя и видно, что нѣкоторыя изъ нихъ онъ сокращалъ или совершенно пропускалъ.

Начало «Валленрода» переведено мастерски, и мы не можемъ воздержаться, чтобъ не привести его здѣсь:

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже пруссакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся — и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковья,
Духовъ пристанища святыхъ ().*

(*) У Мицкевича:

Po jednej stronie błyszczą świątyni szczyty
I szumią lasy, pomieszkania bogów.

То-есть: На одной сторонѣ блестятъ верхи храмовъ
И шумять лѣса, обиталища боговъ.

Символь германца на другомъ ,
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи ;
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона ,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлечь.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ ,
Въ косматой рысей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ ,
Литовцы юные, въ толпахъ ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ ,
На стражѣ нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами ,
Пищаль съ молитвой заряжалъ (*).
Всякъ переправу охранялъ :
Токъ Нѣмана гостепрѣимной ,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной ,
Сталь прагомъ вѣчности для нихъ ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ ,
И всякъ , переступившій воды ,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль литовскихъ береговъ ,
Нѣмецкой тополью плѣненный (**),
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ ,
Переправлялся дерзновенный ,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга вѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали ,

(*) У Мицкевича :

Po drugiej stronie w szyszaku i zbroi,
Niemiec na koniu nieruchomy stoi ;
Oczy utkwwszy w nieprzyjaciół szaniec,
Nabija strzelbę i liczy różaniec.

То—есть : На другой сторонѣ, въ шишакъ и бронѣ ,
Нѣмецъ неподвижно сидитъ на конѣ ,
Уставивъ глаза въ неприятельскіе окопы ,
Заряжаетъ ружье и перебираетъ четни.

(**) Въ подлинникѣ : *прусская* тополь, то же, что литовская. Это измѣняетъ смыслъ.

И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

Пушкинъ перевелъ еще изъ Мицкевича, или, лучше сказать, переделалъ по-своему двѣ баллады: «Воевода» (*Czaty*, дозоръ) и «Будрысь и его сыновья». Мы должны сознаться, что первая изъ нихъ въ передѣлкѣ Пушкина совершенно потеряла прелесть и наивность подлинника, написаннаго въ духѣ польской народности.

У Мицкевича мы читаемъ:

Wzięli bronie, wypadli, do ogrodu się wkradli,
Kędy szpaler altanę obrasta.
Na darniowem siedzeniu coś bieleje się w cieniu,
To siedziała w bieliznie niewiasta.

Jedną ręką swe oczy kryła w puklach warkoczy,
I pierś kryła pod rąbek bielizny;
Drugą ręką od łona odrychała ramiona
Kłęczącego u kolan mężczyzny.

То-есть: Они взяли ружья, выбѣжали, прокрались въ садъ,
Къ бесѣдкѣ, заросшей шпалерникомъ.
На дерновой скамейкѣ что-то въ тѣни бѣлѣется—
То сидѣла женщина въ бѣломъ платьѣ.

Одной рукою она прикрывала свои глаза прядями волосъ
И прикрывала грудь краемъ бѣлой одежды;
Другой рукою она отталкивала отъ груди руки
Стоявшаго на колѣняхъ у ея колѣнь мужчины.

Двѣ эти строфы Пушкинъ соединилъ въ одну. Едва остался слѣдъ подлинника, отличающагося такою прелестью:

Panъ i хлопецъ подъ дозоромъ,
Tихимъ крадутся заборомъ.
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видать, панна —
И мужчина передъ ней.

Пушкинъ пропустилъ также слѣдующую строфу и, какъ видно, не совладалъ съ нею:

Co wieczora on będzie, tonąc w puchy łabędzie,
Stary łeb na twem łonie kolysał,
I z twych ustek różanych, i z twych liców rumianych,
Mnie wzbronione słodycze wysysał.

Мы едва осмѣливаемся присоединить нашъ прозаическій переводъ:

Каждый вечеръ, утоная въ лебяжьемъ пуху,
Онъ будетъ качать старый лобъ на твоей груди,
Изъ твоихъ розовыхъ губокъ, изъ твоихъ румяныхъ щечекъ,
Будетъ высасывать запрещенную для меня сладость.

Баллада «Будрысь и его сыновья» переведена довольно-удачно, исключая одну строфу.

Будрысь у Мицкевича говоритъ о полькахъ :

Wesolutkie jak mlode koteczki,
Lice bielsze od mleka, z czarna rzesą powieka,
Oczy błyszczą się jak dwie gwiazdeczki.

То-есть : Веселенькія, какъ молодые котята,
Лицо бѣлѣе молока, вѣжди съ черною рѣсницею,
Глаза блестятъ, какъ двѣ звѣздочки.

Пушкинъ перевелъ :

Весела—что котенокъ у печки—
И какъ роза румяна, а бѣла, что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Въ недавнее время начали появляться на русскомъ языкѣ новые переводы изъ Мицкевича, но, къ-сожалѣнію, всѣ они слабы и не даютъ яснаго понятія о подлинникѣ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1858 годъ. (Февраль, кн. II., мартъ, кн. I) помѣщены четыре отрывка изъ поэмы Мицкевича «Панъ Тадеушъ», переведенные, или, лучше сказать, неудачно-передѣланные г. Бергомъ. Приводимъ, для примѣра, слѣдующее мѣсто (см. «Рус. Вѣстникъ» 1858 г. февраль, кн. II, стр. 735) :

Вотъ солнце изъ-за горъ *намъ (?)* очи показало,
Лучами яркими по небу заиграло,
Взглянуло на сады, на желтое гумно,
И будить сонную красавицу давно:
На темной муравѣ лежитъ она; ланиты
Пылаютъ розами; уста полуоткрыты.
И грудь высокая вздымается слегка,
И бѣлоснѣжная откинута рука.
Проснись! уже пора: чу, хлопнувши крылами,
Ужъ лебедь началъ пѣть надъ сонными водами
Свой гимнъ торжественный, привѣтствіе зарѣ, и проч.

Мы не нашли у Мицкевича ни сонной красавицы, лежащей на темной муравѣ, ни лебедя, поющаго торжественный гимнъ. Въмѣсто всего этого у Мицкевича читаемъ (*):

(*) Просимъ читателей, для полнаго уразумѣнія этого мѣста, сравнить его съ излагаемымъ ниже въ нашей статьѣ содержаніемъ «Пана Тадеуша», вмѣстѣ съ отрывками изъ него. (См. начало книги 2-й, *Замокъ*).

Nad Soplicowem słońce weszło, i już padło
Na strzechy i przez szpary w stodołę się wkradło;
I po ciemnozieloném, świeżém, wonnem sianie,
Z którego młodzież sobie zrobiła postanie,
Rozpływały się złote, migające pręgi
Z otworu czarnej strzechy, jak z warkocza wstęgi;
I słońce usta sennych promykiem poranka
Drażni, jak dziewcze kłosem budzące kochanka.
Już trzykroć gęgnął gęsior, a za nim jak echo,
Już wróble skacząc, świerkać zaczęły pod strzechą,
Odezwały się chórem kaczki i indyki,
I słychać była w pole idącego ryki.

То-есть:

Надъ Соплицовомъ взошло солнце и уже отразилось
На соломенныхъ кровляхъ и сквозь щели прокралось въ сарай.
По темнозеленому, свѣжему, благовонному сѣну,
Изъ котораго молодежь устроила себѣ постель,
Расходились золотыя, мелькающія полосы
Изъ отверстія черной кровли, какъ ленты изъ косы.
И солнце, утренняя лучомъ, уста заснувшихъ
Затрогиваетъ, какъ дѣвушка, будящая колосомъ своего милаго.
Уже три раза загоготалъ гусь, и вслѣдъ за нимъ, какъ эхо,
Скачущіе воробьи начали щебетать подъ кровлею;
Хоромъ отозвались утки и индѣйки,
И слышно мычаніе стада, идущаго въ поле.

Кстати замѣтимъ, что переводы г. Берга изъ «Пана Тадеуша» подверглись справедливому осужденію и въ польскихъ журналахъ. Такъ «Варшавская Газета» (Gazeta Warszawska), въ № 113 за 1858 г. сознается, что эти переводы не отличаются художественнымъ достоинствомъ и прибавляетъ: «Мы совѣтовали бы переводчику переводить отрывки бѣльшаго объема; а для пользы публики, для которой онъ пишетъ, представить содержаніе «Пана Тадеуша», хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, въ которыхъ можно замкнуть его. Откровенно сознаёмся, что изъ напечатанныхъ до-сихъ-поръ отрывковъ не только нельзя вѣрно судить, но даже и получить понятіе объ этомъ великомъ и знаменитомъ произведеніи безсмертнаго поэта».

Столь же неудачно передѣланъ г. Бергомъ отрывокъ изъ «Конрада Валленрода», помѣщенный во 2-й кн. «Русской Бесѣды» за 1858 годъ. Для доказательства, выпишемъ слѣдующіе стихи Мицкевича:

Gdybym był zdolny własne ognie przelać
W piersi słuchaczów, i wskrzesić postaci
Zmarłej przeszłości; gdybym umiał strzelać
Brzmiącemi słowy do serca spółbraci;

Możeby jeszcze w tej jedynej chwili,
Kiedy ich piosnka ojczyzna poruszy,
Uczuli w sobie dawne serca bicie,
Uczuli w sobie dawną wielkość duszy,
I chwilę jedną tak górnie przeżyli,
Jak ich przodkowie niegdyś całe życie.

То-есть:

Если бы я былъ способенъ перелить собственный пламень
Въ груди слушателей и воскресить образы
Умершаго былаго; если бы я умѣлъ попадать
Гремящими словами въ сердца собратій,
Можетъ-быть, еще въ эту единственную минуту,
Когда родная пѣснь ихъ тронетъ,
Они почувствовали бы въ себѣ прежнее бѣненіе сердца,
Почувствовали бы въ себѣ прежнее величіе души,
И одну минуту такъ возвышенно прожили бы,
Какъ ихъ предки нѣкогда прожили всю жизнь!

Г. Бергъ перевелъ это слѣдующими стихами:

О, еслибъ въ васъ пролѣтъ я могъ
Огонь, что насъ палилъ и жегъ!
Тогда бы, можетъ, ваши силы
Воскресли снова изъ могилы,
И славы громъ изъ далека
Почуя духомъ, всякій ожилъ,
И хоть одну бь минуту прожилъ,
Какъ дѣды прожили вѣка!

Намъ остается еще упомянуть о полномъ переводѣ «Конрада Валленрода», недавно-напечатанномъ въ «Современникѣ» (іюнь 1858 г.) и принадлежащемъ г. І. Шершеневичу. Этотъ переводъ невѣренъ и большею частью отличается слабыми стихами, многословно и блѣдно передающими то, что у Мицкевича выражено въ двухъ, трехъ сильныхъ и сжатыхъ стихахъ. Такъ, напримѣръ, Мицкевичъ говоритъ:

Konrad światowej nie lubił pustoty,
Konrad pijanej nie dzielił biesiady;
Wszakże zamknięty w samotnym pokoju,
Gdy go dręczyły nudy lub zgryzoty,
Szukał pociechy w gorącym napoju.

То-есть: Конрадъ не любилъ свѣтской суеты,
Конрадъ не участвовалъ въ пьяной бесѣдѣ;
Однакожь, запершись въ уединенной комнатѣ,
Когда его терзала скука или горестъ,
Онъ искалъ утѣшенія въ горячемъ напитокѣ.

Теперь, для сравненія, прочтемъ переводъ г. Шершеневича:

Конрадъ суеть мірскихъ чуждался,
Бесѣды шумной не любилъ,
Сидѣлъ въ свѣтлицѣ одинокой,
О чемъ-то думалъ и мечталъ,
Иль, грустью мучимый глубокой,
Искалъ въ стаканъ утѣшенья,
И всю тоску на дно забвенья
Въ напитокъ пьяномъ погружалъ.

Вотъ еще строфа изъ баллады «Альпухара», переведенная г. Шершеневичемъ :

Смотрите, гауры, какъ Мавръ умираетъ !
Смотрите, *дивитесь* ему.
Откуда я прибылъ? *Ну (!) кто отгадаетъ?*
Гауры! *Я далъ вамъ чуму!*

Въ этихъ до крайности слабыхъ стихахъ совершенно искаженъ подлинникъ, въ которомъ Альманзоръ, обращаясь къ гаурамъ, чтобъ они отгадали, чей онъ посоль, наконецъ говорить :

Ja was oszukał, wracam z Grenady,
Ja wam zarazę przyniosłem !

То-есть: Я обманулъ васъ, я возвращаюсь изъ Гренады,
Я принесъ вамъ заразу !

Подобныхъ мѣстъ въ переводѣ г. Шершеневича довольно-много, исключая только «Повѣсть Вайделоты», которая — съ удовольствіемъ замѣтимъ — отличается прекрасно-переведенными мѣстами.

Итакъ, послѣ всѣхъ указанныхъ нами переводовъ, намъ остается сожалѣть, что Мицкевичъ до-сихъ-поръ еще не нашелъ достойнаго себя переводчика на русскомъ языкѣ, отчасти исключая только Пушкина !

VI.

Переходимъ къ обзорнiю одного изъ самыхъ замѣчательныхъ и написанныхъ уже въ позднѣйшее время произведенiй Мицкевича. Вотъ его заглавіе: «Панъ Тадеушъ, или послѣдній заѣздъ въ Литвѣ, шляхетская исторiя 1811 и 1812 годовъ», въ стихахъ, въ двухъ частяхъ и двѣнадцати книгахъ (Pan Tadeusz, czyli ostatni zajazd na Litwie. Historya szlachecka z г. 1811 i 1812).

Въ этомъ произведенiи, изображающемъ старинный бытъ польской шляхты, Мицкевичъ является истинно-народнымъ поэтомъ. Оно вполне-самобытно какъ по идеѣ, такъ и по исполненiю своему, и не напоми-

наетъ ни одного произведенія другихъ европейскихъ литературъ. Поэтъ со всею правдивостью представляетъ живую картину сварливой и гордой шляхты, которая рѣзко выражала въ себѣ типъ и характеръ поляковъ, считаясь равною не только другъ другу, но королю и каждому въ свѣтѣ. Мицкевичъ, преданный родному міру, не скрывалъ, однако, и недостатковъ своего народа. Дѣйствующія лица его эпопеи (такъ можно назвать «Пана Тадеуша») храбры, набожны, гостепріимны, привязаны къ родной землѣ, но вмѣстѣ съ этимъ шумливы, любятъ споры и драку, всегда готовы взяться за саблю и дѣлать нападенія. Здѣсь представлены всѣ старинныя польскія обряды, обычаи и предрасудки въ хозяйствѣ, на охотѣ, въ битвѣ, за трапезою—словомъ, «Панъ Тадеушъ» навсегда останется вѣрнымъ изображеніемъ домашняго и политическаго быта старинныхъ поляковъ.

Для характеристики дѣйствующаго лица въ этой поэмѣ, именемъ котораго она названа, мы оставили безъ перевода это имя въ польской формѣ: *Tadeusz* (то—есть *Таддей*). Необходимо еще объяснить слово *zajazd* (zajazd), употребленное въ заглавіи. Встарину оно извѣстно было также въ Россіи и означало дѣйствіе отдѣльнаго отряда виѣ расположенія глазнаго войска, малую войну, партизанство. По замѣчанію Мицкевича (присоединенному къ третьей книгѣ его поэмы), во времена польской Рѣчи-Посполитой, исполненіе судебныхъ приговоровъ было чрезвычайно—трудно, особенно въ такой странѣ, гдѣ исполнительная власть не могла распорядиться почти никакою полиціею, между—тѣмъ какъ сильныя помѣщики содержали надворные полки, а нѣкоторые, какъ князя Радзивиллы, даже войска, состоявшія изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Итакъ, истецъ, получившій судебный приговоръ, чтобъ привести его въ исполненіе, принужденъ былъ обращаться къ рыцарскому сословію, то—есть къ шляхтѣ, которой также принадлежала власть исполнительная. Родственники, друзья и уѣздные помѣщики, вооруженные, съ судебнымъ приговоромъ въ рукѣ и въ сопровожденіи вознаго, захватывали, часто не безъ кровопролитія, имѣніе, присужденное истцу. Возный занималъ его судебнымъ порядкомъ, или отдавалъ во владѣніе. Такое исполненіе приговора, съ оружіемъ въ рукахъ, называлось *zajazd*. Въ древнія времена, пока уважались законы, магнаты не осмѣливались противиться приговорамъ; нападенія съ оружіемъ случались рѣдко, а насиліе почти никогда не проходило безнаказанно. Въ исторіи извѣстна печальная кончина князя Василія Саиушки и Стадницкаго, прозваннаго Дьяволомъ. Испорченность общественныхъ нравовъ Рѣчи-Посполитой умножила заѣзды, которые безпрестанно нарушали спокойствіе Литвы. Впослѣдствіи также случались заѣзды, хотя и

не столь знаменитые, однакожь, довольно-шумные и кровопролитные. Около 1817 года помещикъ У*, въ новогрудскомъ воеводствѣ, разбилъ на заѣздѣ весь новогрудскій гарнизонъ и взялъ въ плѣнъ его командировъ.

Одинъ изъ подобныхъ заѣздовъ послужилъ основою для поэмы *Панъ Тадеушъ*. Перейдемъ по порядку все ея отдѣлы, передавая въ сокращеніи ея содержаніе и приводя отрывки изъ нея въ близкомъ переводѣ на русскій языкъ. Мы пропустимъ тѣ мѣста, которыя написалъ Мицкевичъ, увлекаясь личными симпатіями: ихъ пропускъ нисколько не помѣшаетъ читателю вполне обнять все произведеніе и замѣтить его красоты. Въ этихъ же мѣстахъ, какъ намъ кажется, поэтъ оставляла сила его гения: въ нихъ онъ уже не тотъ, какимъ является во всѣхъ другихъ своихъ произведеніяхъ, какъ-будто поэтъ писалъ ихъ не вслѣдствіе искренняго внушенія. Такъ, нѣкоторыя мѣста четвертой книги «Пана Тадеуша» написаны извѣстнымъ польскимъ поэтомъ Витвицкимъ, о чемъ упоминаетъ самъ Мицкевичъ въ примѣчаніи.

Часть первая. Книга I. Хозяйство. Первую книгу своей поэмы Мицкевичъ начинаетъ обращеніемъ къ Литвѣ: «Литва! отчизна моя! ты, какъ здоровье; сколько нужно цѣнить тебя, узнаетъ только тотъ, кто тебя потерялъ. Красу твою, во всей ея полнотѣ, вижу и описываю, потому-что тоскую по тебѣ». Послѣ этого онъ взываетъ къ Божіей Матери, которая нѣкогда, еще въ дѣтствѣ, исцѣлила его отъ недуга. Онъ питаетъ надежду, что современемъ Она возвратитъ его на лоно роднаго края и говоритъ: «Между-тѣмъ перенося мою тоскующую душу на эти лѣсные холмы, на эти зеленые луга, широко-разстилающіеся надъ глубокимъ Нѣманомъ; на эти поля, украшенныя разнаго рода хлѣбными растеніями, позлащенныя пшеницею, посеребрѣнныя житомъ, гдѣ растеть янтарная свирѣпка и бѣлая, какъ снѣгъ, гречиха, гдѣ дятлина пылаетъ дѣвичьимъ румянцемъ, и все это опоясано, какъ лентою, зеленою межою и на ней кое-гдѣ усѣлись смиренныя груши».

Посреди такихъ полей, много лѣтъ назадъ, на небольшомъ холмѣ въ березовой рощѣ, стоялъ шляхетскій дворъ. Къ нему только-что подъѣхалъ молодой человекъ; вездѣ было пусто; двери на крыльцѣ приперты; пріѣзжій отворилъ ихъ. Давно ужъ онъ не былъ дома, потому-что въ далекомъ городѣ оканчивалъ науки и наконецъ возвращался теперь подъ родной кровъ. Онъ съ жадностью осматриваетъ старинныя комнаты и припоминаетъ прежніе дѣтскіе годы. Входя въ одну изъ нихъ, онъ изумился, судя по примѣтамъ, что она принадлежала женщинѣ. «Кто же здѣсь живетъ? Старый дядя не былъ женатъ, а тѣтка давно уже жила въ Петербургѣ. Не ключница же поселилась въ этой комнатѣ!

Вотъ и фортепяно; на немъ ноты и книги, все небрежно и какъ-ни-попало разбросано. Чтó за милый беспорядокъ! Не старыя ручки такъ все поразбросали! Вотъ и бѣлое платье, только-что снятое съ вѣшалки, чтобъ надѣть его, и повѣшенное на ручки кресель. На окнахъ стоятъ горшки съ пахучими растеніями: геранія, левкой, астры и фіялки. Пріѣзжіи остановились у одного окна — новое чудо! Въ фруктовомъ саду, на краю, нѣкогда поросшемъ крапивою, видѣнь былъ небольшой налсадникъ, пересѣкаемый дорожками, заросшіи кустами англійской травы и мяты. Древесная загородка, сплетенная узорами, блестяла лентами яркаго цвѣта маргаритокъ. Видно было, что грядки только-что политы; тутъ же стояла лейка, наполненная водою, но садовницы нигдѣ не было видно: она только-что вышла; еще качаются дверцы, только-что тронутыя; тутъ же замѣтенъ на пескѣ слѣдъ ножки, безъ башмачка и чулочекъ, на пескѣ мелкомъ, сухомъ и бѣломъ какъ снѣгъ, слѣдъ ясный, но легкій: видно, что чьи-то маленькія ножки оставили его, едва прикасаясь къ землѣ въ шибкомъ бѣгѣ.

«Пріѣзжіи долго смотрѣлъ въ окно задумавшись. Вдыхая въ себя благоуханіе цвѣтовъ, онъ то останавливалъ вниманіе на фіялкахъ, то любовитными взорами блуждалъ по дорожкамъ и снова приковывалъ ихъ къ маленькимъ слѣдамъ; думалъ о нихъ и не могъ догадаться, чьи они были. Онъ случайно поднялъ глаза и тутъ же, на заборѣ, стояла молодая дѣвушка; ея бѣлое платье скрываетъ стройный станъ только по грудь, обнажая плечи и лебяжью шею. Въ такомъ нарядѣ обыкновенно ходитъ поутру только литвинка и въ такомъ никогда не видать ее мужчины. Хотя никто не смотрѣлъ на нее, но она сложила руки на груди, чтобъ заслонить ее. Волосы, еще нераспустившіеся локонами, но завитые въ небольшія кольца и застрянные въ бѣлые пачильютки, дивно украшали головку, потому-что блистали на солнцѣ какъ ореоль. Лица не было видно; оборотаясь къ полю, она кого-то искала глазами далеко, внизу; замѣтила, улыбнулась и захопала въ ладони; какъ бѣлая пташка слетѣла она съ забора на лугъ и порхнула въ садъ, черезъ плетень и цвѣты; съ быстротою влетѣла она черезъ окно въ комнату по доскѣ, приставленной къ стѣнѣ; она была блистательна, внезапна, тиха и легка, какъ свѣтъ мѣсяца. Напѣвая, схватила она платье и побѣжала къ зеркалу, но вдругъ увидѣла молодаго человѣка и платье вышло изъ рукъ ея, а лицо поблѣднѣло отъ испуга и удивленія. Лицо пріѣзжаго вспыхнуло яркимъ румянцемъ, какъ облако, встрѣтившееся съ утренней зарею: Скромный юноша прищурилъ и потушилъ глаза, что-то хотѣлъ сказать, извиниться, но только поклонился и попятился; дѣвушка тревожно и неясно вскрикнула, какъ дитя, испуганное во снѣ.

Пріѣзжіи вдрогнулъ, взглянулъ, но уже ея не было... Онъ вышелъ смущенный и чувствовалъ, что сердце его сильно билось и самъ не зналъ, смѣяться ли ему при этой странной встрѣчѣ, стыдиться или радоваться?»

Между-тѣмъ во дворѣ уже замѣтили, что пріѣхалъ гость. Самого хозяина, судьи, не было дома; оставался только панъ войскій, его родственникъ и другъ дома (*). Онъ хлопоталъ о приготовленіи ужина за домомъ, потому-что ожидалось множество гостей. Войскій издалека узналъ вновь-пріѣзжаго гостя и обрадовался ему: это былъ племянникъ хозяина дома; онъ назывался Тадеушемъ, именемъ Костюшки, въ память войны, во время которой родился.

Панъ Тадеушъ узналъ отъ войскаго, что у нихъ въ домѣ собралось многочисленное общество, которое уже впродолженіе нѣсколькихъ дней съѣзжается для межевыхъ судовъ, для окончанія давняго спора съ графомъ и что самъ графъ долженъ завтра пріѣхать къ нимъ. Между-тѣмъ, къ нимъ ужъ пріѣхалъ подкоморій съ женою и дочерьми. Молодёжь отправилась въ лѣсъ охотиться, а старики и женщины осматривать жатву близъ лѣса. И войскій и Тадеушъ пошли на встрѣчу гостямъ, которые уже возвращались домой. Судья радъ былъ пріѣзду племянника, котораго очень любилъ.

Между-тѣмъ, во время отсутствія хозяина, возный (**) Протасъ, тайкомъ приказалъ перенести столы къ ужину изъ дома въ замокъ, котораго развалины видѣлись близъ лѣса. Онъ принадлежалъ старинной фамиліи Горешковъ; владѣлецъ его погибъ во время домашнихъ смуть. Все его имѣнье частью было конфисковано, частью перешло къ дале-

(*) Войскій (tribunus) нѣкогда былъ законнымъ опекуномъ женъ и дѣтей шляхты во время всеобщаго ополченія. Съ давнихъ поръ это званіе сдѣлалось только почетнымъ, не соединяясь ни съ какою должностію. Въ Литвѣ есть обыкновеніе, что почтеннымъ лицамъ, изъ учтивости, дается какой-нибудь древній титулъ, который узаконяется употребленіемъ. Сосѣди называютъ, напримѣръ, своего пріятеля обознымъ, стольникомъ, или подчашимъ, сначала въ разговорѣ и письмахъ, а потомъ и въ официальныхъ актахъ. Касательно же судей замѣтимъ, что они избирались по литовскому статуту, и назывались: земскими и градскими въ уѣздахъ, и главными въ воеводствахъ.

(**) Возный, или генералъ, избранный по опредѣленію трибунала или суда, изъ осѣдой шляхты, разносилъ позывы, объявлялъ отдачу во владѣніе, производилъ обыски, заявлялъ процессы, и т. п. Эту должность обыкновенно исполняла мелкая шляхта.

нимъ родственникамъ, частью къ должникамъ. Замка никто не хотѣлъ взять, потому—что содержаніе его обошлось бы дорого; но онъ очень понравился графу, близкому сосѣду, молодому и далекому родственнику Горешковъ, который только—что вышелъ изъ опеки и возвратился изъ-за границы. Судья, дядя Тадеуша, неизвѣстно почему, также желалъ оставить за собою замокъ. Между ними начался процессъ, который проходилъ разными инстанціи и наконецъ возвратился въ межевые суды.

Юристы, пріѣхавшіе по дѣлу, и приглашенные гости уѣли за ужинъ въ огромной залѣ стариннаго замка со сводами и колоннами.

Панъ Тадеушъ сѣлъ подлѣ дамъ, недалеко отъ хозяйна; между нимъ и дядею оставалось одно пустое мѣсто, какъ—бы для кого—то оставленное. Это возбуждало его любопытство тѣмъ болѣе, что и дядя, казалось, кого—то поджидалъ, безпрестанно поглядывая на дверь. Тадеушъ былъ разсѣянъ и терялся въ догадкахъ. Между—тѣмъ разговорились о прошломъ и нынѣшнемъ времени; нѣкоторые изъ гостей завели рѣчь о Бонапартѣ и о наступающей войнѣ. Вдругъ отворились боковыя двери: вошла молодая дама; всѣ обратили вниманіе на ея красоту и нарядъ. У нея была гибкая и стройная талія; она одѣта была въ шелковое, розовое платье и повертывала въ рукѣ золоченый вѣеръ, отъ котораго сыпались искры. Волосы, переплетенные розовыми лентами, вились то локонами, то кольцами. «Между ними (говоритъ Мицкевичъ) брильянтъ, какъ—бы прикрытый отъ взоровъ, блестѣлъ, будто звѣзда въ хвостѣ кометы». Она быстро проскользнула между гостей и уѣхала на приготовленномъ для нея мѣстѣ, между Тадеушемъ и его дядею. Разговоръ за столомъ, прерванный на нѣкоторое время, возобновился, потомъ перешелъ въ споръ между многими гостями о сегодняшней охотѣ.

«Когда обѣ стороны стола такъ были заняты, Тадеушъ всматривался въ незнакомку; припомнилъ, что при первомъ взглядѣ на оставленное мѣсто, онъ сейчасъ отгадалъ, для кого оно было назначено; краснѣлъ; сердце у него сильно билось. Итакъ, онъ видѣлъ, что его тайныя догадки оправдались; итакъ, было предназначено, чтобы подлѣ него сѣла красавица, видѣнная имъ въ полусвѣтѣ. Правда, теперь она казалась выше ростомъ, потому—что была одѣта, а нарядъ или увеличиваетъ, или уменьшаетъ ростъ. У той онъ видѣлъ короткіе и свѣтлозолотистые волосы, а у этой они вились черными, длинными локонами. Цвѣтъ имъ придавали, должно—быть, лучи солнца, отъ которыхъ при захожденіи все краснѣетъ. Лица въ то время онъ не замѣтилъ—она такъ быстро исчезла; но мысль легко отгадываетъ прелестное лицо. Онъ думалъ, что у нея, навѣрно, черненькіе глазки, бѣлое личико, румяныя губки, какъ вишни двойчатки. У этой замѣтилъ онъ такіе же глазки, губки

и щечки; можетъ-быть, величайшая разница только была бы въ возрастѣ: садовница казалась небольшою дѣвочкою, а эта уже женщиною созрѣвшею; но молодость не спрашиваетъ у красоты метрическаго свидѣтельства, потому-что для юноши молода каждая женщина, ровесница каждая красавица, а для невиннаго каждая любовница — дѣвица».

Тадеушу было около двадцати лѣтъ; онъ былъ воспитанъ въ строгихъ правилахъ нравственности; но, возвратясь въ деревню, готовъ былъ воспользоваться свободою жизни; притомъ онъ сознавалъ, что былъ молодъ и красивъ собою, хотя и сохранилъ чистоту сердца. Мицкевичъ говоритъ: «Онъ назывался Соплицею, а всѣ Соплицы, какъ извѣстно, крѣпкаго и сильнаго тѣлосложенія, чрезвычайно-способны къ войнѣ и въ наукахъ неслишкомъ-прилежны».

Тадеушъ не отсталъ отъ своихъ предковъ: онъ ловко ѣздилъ на конѣ и хорошо стрѣлялъ; былъ не глухъ, но мало учился, хотя дядя ничего не жалѣлъ на его воспитаніе. Онъ только и мечталъ о военномъ поприщѣ, къ которому его предназначилъ покойный отецъ; но дядя вдругъ измѣнилъ это намѣреніе, приказалъ ему пріѣхать, желая женить его и поручить ему все свое хозяйство.

Сосѣдка Тадеуша съ одного взгляда поняла всѣ его достоинства и недостатки. Ихъ взоры страстно встрѣчались и румянецъ не разъ покрывалъ ихъ щеки. Она первая заговорила съ нимъ пофранцузски; такъ-какъ онъ возвратился изъ города, то она и навела разговоръ на новыя книги; выштывала у него мнѣнія о писателяхъ, разспрашивала о музыкѣ, о танцахъ и даже о ваяніи! Тадеушъ изумился отъ такого множества свѣдѣній и оробѣлъ, какъ школьникъ передъ учителемъ. Сосѣдка угадала его смущеніе и обратила разговоръ на болѣе-легкіе предметы. Между-тѣмъ, на другомъ концѣ стола, продолжался горячій и шумный споръ охотниковъ. Одинъ изъ нихъ даже обратился къ Тадеушу; но, не соглашаясь съ нимъ въ мнѣніяхъ, указалъ на его сосѣдку Телимену и прибавилъ: «Впрочемъ, мы можемъ положиться на судъ вашей тѣтушки. Хотя нани Телимена жила въ столицѣ и еще недавно живетъ въ нашихъ сторонахъ, однакожь понимаетъ охоту лучше, нежели молодые охотники. Такъ-то наука съ лѣтами приходитъ сама-собою!»

Тадеушъ смѣшался, какъ видно, въ-особенности тѣмъ открытіемъ, что Телимена приходилась ему тѣткою. Между-тѣмъ споръ охотниковъ еще продолжался; но вотъ окончился ужинъ и всѣ стали расходиться. «Тадеушъ вмѣстѣ съ нѣсколькими гостями пошелъ въ сѣнной сарай; онъ былъ встревоженъ, сердитъ и невеселъ; размышлялъ о всѣхъ приключеніяхъ нынѣшняго дня, о встрѣчѣ, объ ужинѣ рядомъ съ сосѣдкою. Въ-особенности слово «тѣтка» безирестанно жужжало ему въ уши, какъ

несносная муха. Ему бы хотѣлось лучше разспросить вознаго о Телименѣ, но онъ не могъ найти его; войскаго онъ также не видѣлъ, потому—что все, какъ прилично слугамъ, пошли вслѣдъ за гостями сейчасъ же послѣ ужина, чтобъ приготовить комнаты для ночлега. Старшіе и дамы спали въ господскомъ домѣ, а Тадеушу было поручено замѣнить хозяина и отвести молодыхъ людей въ сарай, на сѣно».

Черезъ полчаса все уже спали на господскомъ дворѣ; не спалъ только судья, какъ попечительный хозяинъ: онъ думалъ о завтрашней охотѣ и о томъ, чтобы все было приготовлено для удовольствія гостей. Онъ далъ приказанія экономамъ, писарямъ, ключницѣ, охотникамъ и т. д.; пересмотрѣлъ дневные счета и наконецъ сказалъ возному, что хочетъ раздѣться. При разговорѣ съ нимъ, возный, между—прочимъ, замѣтилъ: «Что жъ худаго, что я перенесъ столы въ замокъ? отъ этого никто ничего не потерялъ, а вы, можетъ—быть, будете въ выигрышѣ; вѣдь объ этомъ замкѣ теперь идетъ дѣло. Съ нынѣшняго дня мы приобрѣли на него право и, несмотря на все упрямство противной стороны, я докажу, что этотъ замокъ мы приняли во владѣніе. Ужь если кто приглашаетъ въ замокъ гостей на ужинъ, значить, онъ имъ владѣетъ или принимаетъ его во владѣніе; да мы даже и свидѣтелей возьмемъ съ противной стороны. О! въ мое время, я помню, бывали подобные случаи!»

Судья уже спалъ. Возный тихо вышелъ изъ сѣней, сѣлъ поближе къ свѣчкѣ и досталъ изъ кармана книжку, которая служила ему вмѣсто молитвенника и съ которою онъ никогда не разставался. Это была «Трибунальская воканда», или списокъ дѣлъ, поступающихъ въ судъ. Въ ней записаны все сдѣланные имъ позывы въ судъ; Огинскій съ Визгирдомъ, доминиканцы съ Рымшею, Рымша съ Высогердомъ, и т. д. и т. д. «По этимъ именамъ онъ приводитъ себѣ на память важныя дѣла, все подробности процесса. Онъ видитъ передъ собою судъ, истцовъ и свидѣтелей; видитъ самого себя, какъ, въ бѣломъ жупанѣ и въ синемъ кунтушѣ, онъ стоялъ передъ трибуналомъ: одна рука на саблѣ, а другая на столѣ, и какъ онъ, призвавъ обѣ стороны, кричить: «тише!» Такъ мечтая и оканчивая вечернюю молитву, мало—по—малу заснулъ послѣдній въ Литвѣ возный трибунала».

Мицкевичъ оканчиваетъ первую книгу общимъ взглядомъ на тогдашнее политическое состояніе Литвы и Европы.

«Такъ проводили время, такъ спорили въ ту пору посреди спокойной литовской деревни, между—тѣмъ какъ остальной міръ утопалъ въ слезахъ и крови, между—тѣмъ какъ богъ войны, окруженный тучею полковъ, вооруженный тысячами пушекъ, запрягши въ свою колесницу зо-

лотых орловъ вмѣстѣ съ серебряными, мчался отъ ливійскихъ пустынь къ поднебеснымъ Альпамъ, бросая громъ за громомъ въ Пирамиды, въ Таборъ, въ Маренго, въ Ульмъ, въ Аустерлицъ. Побѣда и добыча неслись передъ нимъ и за нимъ. Слава столькихъ дѣяній, полная именами воиновъ, съ шумомъ проходила отъ Нила къ сѣверу, наконецъ, на берегахъ Нѣмана отшатнулась, какъ отъ скалъ, отъ ополченій Москвы, которыя защищали Литву желѣзною стѣною передъ вѣстью, страшною для Россіи, какъ зараза».

Въ Литвѣ уже разнеслась молва о близкой войнѣ. Всюду замѣтно было движеніе и тревога. Въ разныхъ мѣстахъ сталъ появляться какой-то монахъ бернардинскаго ордена, по имени *Робакъ*, будто-бы для собиранія милостыни. Это лицо таинственное; онъ болѣе занимается политикою, нежели священными предметами. Онъ еще будетъ попадаться намъ въ продолженіе всей повѣсти.

Кн. II. Замокъ. Надъ деревнею Соплицы уже взошло солнце (*). Молодые люди, спавшіе въ сараѣ, проснулись. На дворѣ слышны охотничьи крики; лошади выведены, брички готовы; раздаются звуки рожковъ; отворяются псарни; собаки визжать и прыгаютъ на сворахъ—все предвѣщаетъ хорошую охоту; наконецъ подкоморій даетъ приказаніе отправляться въ путь. Все общество выѣхало и потанулось длиннымъ рядомъ; мужчины верхомъ на коняхъ, а дамы въ экипажахъ.

«Между-тѣмъ, какъ охотники гнались за зайцемъ, у замка, близ лѣса, показался графъ. Въ окрестностяхъ было извѣстно, что этотъ баринъ никогда не можетъ нигдѣ явиться въ назначенную пору; онъ и сегодня проспалъ утро, потому-то и ворчалъ на слугъ и, увидѣвъ охотниковъ въ полѣ, во весь опоръ поскакалъ къ нимъ. Онъ распустилъ по вѣтру полы своего бѣлаго, длиннаго сюртука англійскаго покроя; за нимъ скакали на лошадяхъ слуги, въ черныхъ, лакированныхъ шапочкахъ, похожихъ на грибки, въ курткахъ, въ отложныхъ сапогахъ, въ бѣлыхъ панталонахъ. Слуги, которыхъ графъ такимъ образомъ одѣваетъ, называются въ его домѣ «жокеями».

«Скачущая въ галопъ кавалькада спустилась на луга, когда графъ увидѣлъ замокъ и остановилъ коня. Онъ въ первый разъ увидѣлъ замокъ утромъ и не вѣрилъ, что это были тѣ самыя стѣны—такъ утро обновило и украсило очерки строенія! Графъ изумился такому новому зрѣлищу. Башня, казалось, была вдвое выше, потому-что выступа-

(*) Въ предъидущемъ отдѣлѣ нашей статьи, разсматривая переводъ г. Берга, мы уже привели нѣсколько стиховъ изъ этого мѣста, здѣсь сокращеннаго.

ла изъ утренняго тумана; желѣзная кровля позлащалась солнцемъ; подъ нею свѣтились въ рѣшеткахъ остатки разбитыхъ стеколъ, отражая въ себѣ лучи восходящаго солнца различными радугами; нижніе ярусы обвивала туманная пелена, скрывая отъ взоровъ развалины и расщелины. Крикъ отдаленныхъ охотниковъ, занесенный вѣтромъ, нѣсколько разъ оглашалъ стѣны замка: можно бы поклясться, что крикъ выходилъ изъ замка, и что, подъ прикрытіемъ тумана, вновь были выстроены стѣны и заселены.

«Графъ любилъ необыкновенные и новые виды, называлъ ихъ романтическими; говорилъ, что у него голова романтическая, а на-самомъ-дѣлѣ онъ былъ большой чудакъ. Часто, гонясь за лисицею или за зайцемъ, онъ останавливался и печально поглядывалъ на небо, какъ котъ, увидѣвшій воробьевъ на высокой соснѣ; часто безъ собаки, безъ ружья блуждалъ по лѣсу, какъ бѣглый рекрутъ; часто садился у ручья неподвижно, наклонивъ голову надъ потокомъ, какъ цапля, которая глазами хочетъ пожрать всѣхъ рыбъ. Вотъ какой странный нравъ былъ у графа! Всѣ говорили, что ему чего-то недостаетъ; впрочемъ, его уважали, потому-что онъ происходилъ изъ стариннаго рода, былъ богатъ, добръ для мужиковъ, обходителенъ съ сосѣдами и даже съ жидами.

«Графскій конь, своротивъ съ дороги, бѣжалъ рысью по полю, прямо къ самому замку. Уединенный графъ вздыхалъ, поглядывалъ на стѣны, вынулъ бумагу, карандашъ и сталъ чертить какія-то фигуры. Вдругъ, взглянувъ въ сторону, онъ замѣтилъ въ двадцати шагахъ отъ себя человѣка, который также, какъ любитель видовъ, съ вздернутою головою, съ засунутыми въ карманы руками, казалось, считалъ глазами камни. Онъ сейчасъ узналъ его, но долженъ былъ крикнуть нѣсколько разъ, пока Гервасій не услышалъ графскаго голоса. То былъ шляхтичъ, служитель прежнихъ владѣльцевъ замка, послѣдній изъ оставшихся придворныхъ Горешки, высокій, сѣдой старикъ. Лицо у него было свѣжее и здоровое, изрытое морщинами, мрачное, суровое. Ветрину онъ слылъ между шляхтою за весельчака; но со времени битвы, въ которой погибъ владѣлецъ замка, Гервасій измѣнился и уже впродолженіе многихъ лѣтъ не былъ ни на ярмаркѣ, ни на свадьбѣ; съ-тѣхъ-поръ никто не слышалъ его остроумныхъ шутокъ и не видалъ улыбки на его лицѣ. Онъ всегда носилъ старинную ливрею Горешковъ: желтую куртку съ полами, обшитую галуномъ, который теперь былъ желтый, а прежде, навѣрно, золотой. Кругомъ были вышиты шолкомъ гербы: *пулкозицы* (половина козы); отъ этого весь околотокъ и называлъ стараго шляхтича *Пулкозицомъ*. Иногда отъ поговорки, которую

онъ часто повторялъ, его называли также *Мопанкомъ* (*), а иногда Щербакомъ, потому—что вся лысина была у него въ щербинахъ; но онъ назывался Рембайло; о гербѣ же его ничего не извѣстно; самъ себя онъ величалъ ключникомъ, потому—что когда—то, въ старые годы, находился въ этомъ званіи въ замкѣ; до—сихъ—поръ носилъ онъ за поясомъ большую связку ключей, привязанную на тесемкѣ съ серебряною насѣчкою. Хотя ему и нечего было отпирать, потому—что двери замка стояли настежь, однакожъ онъ нашель—таки двое дверей; самъ на собственный счетъ поправилъ ихъ и поставилъ, и для него было удовольствіе ежедневно отпирать эти двери. Онъ избралъ для себя жилищемъ одинъ изъ пустыхъ покоевъ; не хотѣлъ, хотя и могъ бы, жить на готовомъ хлѣбѣ у графа, потому—что вездѣ скучалъ и чувствовалъ себя нездоровымъ, если не дышалъ воздухомъ замка.

«Какъ только онъ увидѣлъ графа, то снялъ съ головы шапку и привѣтствовалъ поклономъ родственника своихъ господъ, наклонивъ лысину, большую, лоснившуюся издалека и съ рубцами отъ многихъ ударовъ сабли. Онъ погладилъ ее рукою, подошелъ и, разъ еще низко поклонившись, сказалъ печально: «*Мопанку*... извините, что я такъ говорю, сіятельный графъ; это мой обычай: неуваженія въ этомъ нѣтъ нисколько: «*мопанку*» говорили всѣ Горешки; у послѣднаго стольника, моего пана, была такая поговорка. Правда ли, что вы жалѣете денегъ на процессъ и уступаете этотъ замокъ Соплицамъ? Я этому не вѣрилъ, но во всемъ повѣтъ говорятъ такъ». При этихъ словахъ, поглядывая на замокъ, онъ безпрестанно вздыхалъ.— «Что жъ тутъ удивительнаго? сказалъ графъ: издержки большія, а скука еще больше. Я хочу покончить дѣло, но шляхтичъ, этотъ неповоротливый мѣшокъ, упрямится; замѣтилъ, что можетъ мнѣ наскучить. Я уже долѣе не выдержу и сегодня положу оружіе; приму всѣ условія мировой, какія мнѣ предложить судъ.— «Мировой! воскликнулъ Гервасій: — мировае съ Соплицами, съ Соплицами, мопанку?» Говоря это, онъ скривилъ губы, какъ бы удивляясь своимъ собственнымъ словамъ.— Мировае и Соплицы! Не шутите ли вы, мопанку? Замокъ, жилище Горешковъ, долженъ перейти въ руки Соплицъ? Потрудитесь только слѣзть съ лошади, пойдите въ замокъ. Посмотрите—ка, вы сами не знаете, что дѣлаете! Не противьтесь, слѣзьте съ лошади...» И онъ придержалъ стремя.

«Они вошли въ замокъ. Гервасій остановился на порогѣ сѣней. «Здѣсь (сказалъ онъ) старинные паны, окруженные дворомъ, часто са-

(*) Отъ *możpanie*, *możpanie*, *mości panie*—милостивый государь, или, какъ говорятъ иные порусски: *сударь ты мой*.

длись въ креслахъ въ послѣобѣденную пору. Панъ мирилъ спорившихъ поселянъ, или, будучи въ добромъ расположеніи духа, рассказывалъ гостямъ разныя любопытныя исторіи, или самъ съ удовольствіемъ слушалъ ихъ рассказы и шутки, а молодежь на дворѣ дралась на палицахъ, или объѣзжала турецкихъ лошадей пана.»

«Они вошли въ сѣни. «Въ этихъ огромныхъ, вымощенныхъ сѣняхъ, (сказалъ Гервасій) вы не найдете столько камней, сколько треснуло бочекъ вина въ старое, доброе время. Шляхта, приглашенная на сеймъ или на повѣтовый сеймикъ, или на именины пана, или на охоту, вытаскивала на поясахъ изъ подвала чаны. На этихъ хорахъ помѣщался оркестръ; на нихъ играли на органѣ (*) и на различныхъ инструментахъ; когда же шло чье-либо здоровье, трубы, какъ въ день судный, гремѣли съ хоровъ; заздравные кубки шли попорядку: первый былъ за здоровье его величества короля, потомъ примаса, потомъ ея величества королевы, потомъ шляхты и всей Рѣчи-Посполитой, и наконецъ, послѣ пятого кубка, безпрестанно перевозглашали тостъ: «*Kochajmy się*» (то-есть будемъ любить другъ друга), который перевозглашался днемъ и гремѣлъ до самаго утра; между-тѣмъ наготовѣ стояли пуги лошадей и подводы, чтобы каждого отвезти домой.

«Они прошли уже нѣсколько комнатъ. Гервасій, молча, въ одномъ мѣстѣ останавливалъ взоръ на стѣнѣ, въ другомъ на сводахъ, призывая воспоминаніе то горестное, то пріятное; иногда, какъ-будто онъ хотѣлъ сказать: «все кончено!» печально покачивалъ головой, а иногда махалъ рукою. Видно было, что одно воспоминаніе мучило его и что онъ хотѣлъ удалить его отъ себя. Наконецъ они остановились наверху, въ огромной, нѣкогда-зеркальной залѣ, въ которой теперь стояли только пустыя рамы вынутыхъ зеркалъ; окна безъ стеколъ; галерея выходила прямо напротивъ воротъ. Вошедши сюда, старикъ, въ задумчивости, наклонилъ голову и лицо закрылъ руками; когда же онъ отнял ихъ, то на лицѣ отразилась глубокая горестъ и отчаяніе. Хотя графъ и не зналъ, что все это значить, но, смотря на лицо старика, почувствовалъ какое-то волненіе и пожалъ ему руку. Съ минуту продолжалось молчаніе; его прервалъ старикъ, тряся поднятою рукою: «Нѣтъ мировой между Соплицею и родомъ Горешковъ! Въ вашихъ жилахъ течетъ кровь Горешковъ; вы родственникъ стольника; мать ваша была жена ловчаго; она родилась отъ второй дочери кастелана, который, какъ извѣстно, былъ дядею моего пана. Выслушайте свою собственную, семейную исторію, которая случилась, именно въ этой самой комнатѣ».

(*) Въ старинныхъ замкахъ на хорахъ всегда стоялъ органъ.

— «У покойнаго пана моего, стольника, перваго пана въ повѣтъ, богача и знатной фамилиі, была единственная дочь, прекрасная, какъ ангель, слѣдовательно, къ дочери стольника не мало сваталось и шляхты и баричей. Между шляхтою былъ одинъ большой сорванецъ и забіяка, *Яцекъ Соплицъ*, котораго въ шутку прозвали воеводою. Дѣйствительно, онъ имѣлъ большое значеніе въ воеводствѣ, потому-что почти управлялъ всею родомъ Соплицъ, и по своей волѣ распоряжался ихъ тремястами голосами на сеймѣ; хотя у него у самого ничего не было, кромѣ небольшого куска земли, сабли и огромныхъ усовъ отъ одного уха до другаго. Панъ-стольникъ не разъ приглашалъ къ себѣ этого молодца и угощалъ у себя, дома, особенно во время сеймиковъ, и былъ очень-обходителенъ съ его родственниками и приверженцами. Усачъ такъ вскружилъ себѣ голову ласковымъ съ нимъ обхожденіемъ, что возмечталъ сдѣлаться зятемъ пана. Онъ чаще-и-чаще сталъ ѣздить въ замокъ безъ приглашенія, наконецъ расположился у насъ, какъ въ собственномъ домѣ, и уже собирався свататься, но догадались и подали ему къ столу черную похлебку (*). Кажется, что Соплицъ пригланулся дочери стольника, но она скрывалась передъ родителями.

— «Это было во времена Костюшки. Мой панъ стоялъ за конституцію 3-го мая и уже собиралъ шляхту, чтобъ идти на помощь къ конфедератамъ, какъ вдругъ непріятель обложилъ ночью замокъ; едва достало времени выстрѣлить изъ мортиры на тревогу, запереть нижнія двери и засунуть задвижками. Во всемъ замкѣ оставались только панъ-стольникъ, я, пани, поваръ и два поваренка, пьяные все трое, да священникъ, лакей, четыре гайдука — люди смѣлые; итакъ все схватились за оружіе и къ окнамъ! Въ это время толпа солдатъ, съ крикомъ ура! стремятся отъ воротъ прямо по террасѣ. Мы выстрѣлили въ нихъ изъ десятка ружей и притихли. Тамъ ничего не было видно; слуги безпрестанно стрѣляли изъ нижняго этажа, а я и панъ съ галереи. Все шло прекрасно, несмотря на такую большую суматоху. Вотъ здѣсь, на этомъ полу, лежало двадцать ружей; когда мы выстрѣлили изъ одного, намъ подавали другое. Эту службу дѣятельно исполняли для насъ не только священникъ, но и пани, и паненка, и дворовыя панны. Было только три стрѣльца, но огонь перебѣгалъ безпрестанно; градомъ пуль осыпали насъ снизу непріатели, мы же рѣдко, но мѣтко, припекали ихъ сверху. Три раза подъ самыя двери врывалась толпа, но съ каждымъ разомъ трое изъ нихъ задирали вверхъ ноги; тогда они убѣжали подъ

(*) Въ Польшѣ «черная похлебка», поданная на столъ молодому чело-
вѣку, который старался получить руку дѣвушки, означала отказъ.

амбаръ, а было уже утро; панъ стольникъ весело вышелъ съ ружьемъ на галерею, и какъ-только изъ-за амбара высовывался солдатъ, онъ въ ту же минуту стрѣлялъ и никогда не дѣлалъ промаха. Каждый разъ кто-либо изъ непріятелей упдалъ въ траву и уже рѣдко кто-нибудь изъ нихъ прокрадывался изъ-за стѣны. Стольникъ, видя, что солдаты смѣшались, намѣренъ былъ сдѣлать вылазку, схватилъ саблю и, крича слугамъ съ галереи, давалъ приказанія; потомъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «за мною, Гервасій!» Вдругъ изъ-подъ воротъ раздался выстрѣлъ — стольникъ простоналъ, покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, хотѣлъ говорить... харкнулъ кровью. Въ то время я замѣтилъ пулю, которая попала ему прямо въ грудь; панъ, качаясь, указалъ пальцемъ на ворота. Я узналъ этого разбойника Соплицу, я узналъ его по росту и по усамъ! Отъ его-то выстрѣла погибъ стольникъ—я это видѣлъ. Разбойникъ еще держалъ ружье, поднятое вверхъ, еще дымъ выходилъ изъ ствола. Я въ него прицѣлился — убійца стоялъ, какъ окаменѣлый; я выстрѣлилъ два раза и оба выстрѣла не попали; не знаю, отъ гнѣвали, или отъ горести, я худо прицѣлился. Слышу вопли женщинъ, оглядываюсь — пана моего уже не было на свѣтѣ!..»

Здѣсь Гервасій замолчалъ и залился слезами. Далѣе онъ рассказываетъ, какъ солдаты выломали ворота и какъ шляхта толпами прибѣжала къ нимъ на помощь, и оканчиваетъ свой рассказъ слѣдующимъ образомъ:

«Такъ погибъ сильный, набожный и справедливый панъ, у котораго даже было сенаторское кресло, ленты и жезлы; онъ былъ отецъ поселянамъ, братъ шляхтѣ; и послѣ него не осталось сына, который на его гробъ поклялся бы отомстить! Но у него были вѣрные слуги. Я омочилъ въ крови его раны мою рапиру, названную «перочиннымъ ножикомъ» — безъ сомнѣнія, вы слышали о моемъ перочинномъ ножикѣ, столь-славномъ на каждомъ сеймѣ, рынкѣ и сеймикѣ. Я поклялся иззубрить его на плечахъ Соплицъ; я слѣдилъ за ними на сеймахъ, на заѣздахъ, на ярмаркахъ; двоихъ я изрубилъ во время спора, двоихъ на поединкѣ; одного изъ нихъ я поджегъ въ деревянномъ строеніи, когда мы съ Рымшею дѣлали заѣздъ на Кореличи; онъ тамъ изжарился, какъ пискарь. Уже не пересчитаю тѣхъ, которымъ я обрубилъ уши. Остался только одинъ изъ нихъ, который до-сихъ-поръ еще не попался въ мои руки: онъ родной братецъ этого усача, живъ еще до-сихъ-поръ и тщеславится своими богатствами; краями своихъ рубежей касается замка Горешковъ; уваженъ въ повѣтѣ и занимаетъ должность судьи! И вы отдадите ему замокъ? Его презрѣнныя ноги должны будутъ стереть съ пола кровь моего пана? О, нѣтъ! пока у Гервасія хоть на грошъ

остаются души и столько силъ, что онъ однимъ мизинцемъ можетъ тронуть свой ножикъ, до-сихъ-поръ висящій на стѣнѣ, Соплицѣ не достанется этотъ замокъ!

— «О! не напрасно у меня было предчувствіе, что я любилъ эти стѣны! (воскликнулъ графъ, поднимая руки вверхъ), хотя я не зналъ, что въ нихъ заключается такое сокровище, столько драматическихъ сценъ и столько преданій. Какъ только я отниму у Соплицѣ замокъ моихъ предковъ, то помѣщу тебя въ немъ, какъ моего управителя. Твой рассказъ, Гервасій, чрезвычайно занялъ меня. Жаль, что ты не привелъ меня сюда въ ночную пору. Окутавшись въ плащъ, я сѣлъ бы на развалинахъ, а ты рассказывалъ бы мнѣ о кровавыхъ дѣяніяхъ; жаль также, что у тебя нѣтъ большаго дара рассказывать! Не разъ подобныя дѣянія я слышалъ и читаю ихъ. Въ Англіи и Шотландіи каждый замокъ лордовъ, въ Германіи каждый дворъ графовъ были театромъ убійствъ! Въ каждомъ древнемъ, благородномъ и могущественномъ родѣ есть преданіе о какомъ-нибудь кровавомъ или предательскомъ событіи, послѣ котораго владѣльцамъ достается въ наслѣдство мщеніе. Въ Польшѣ въ первый разъ слышу я о такомъ происшествіи. Я чувствую, что во мнѣ течетъ могучая кровь Горешковъ! я знаю, чего требуютъ отъ меня слава и родъ мой. Такъ, я долженъ прервать съ Соплицею всѣ переговоры, хотя бы дѣло дошло до пистолетовъ или до шпаги! Честь велить!» прибавилъ графъ и пошелъ торжественными шагами, а Гервасій слѣдовалъ за нимъ въ глубокомъ молчаніи. Графъ остановился у воротъ, разговоривалъ самъ съ собою, поглядывалъ на замокъ, быстро вскочилъ на коня и, въ разсѣяніи, такъ оканчивалъ свой монологъ: «Жаль, что у этого стараго Соплицы нѣтъ жены, или красавицы-дочери, которой прелести я обожалъ бы! Я любилъ бы и не могъ бы получить ея руки; изъ этого произошла бы новая запутанность въ повѣсти: тутъ сердце, тамъ долгъ! тутъ мщеніе, тамъ любовь!»

«Такъ нашептывая, онъ пришиорилъ лошадь, которая неслась по двору, между-тѣмъ какъ съ другой стороны охотники выѣзжали изъ лѣса. Графъ любилъ охоту; и какъ только замѣтилъ охотниковъ, позабылъ обо всемъ и поскакалъ прямо къ нимъ, минуя ворота, садъ, плетни. Когда, при поворотѣ, онъ оглянулся и остановилъ у забора лошадь, передъ нимъ былъ садъ.

«Фруктовая деревья, посаженные рядами, сѣняли широкое поле; внизу были гряды. Здѣсь посѣдлая капуста, наклоняя лысину, сидитъ и, кажется, задумалась о судьбѣ зелени; тамъ стройный бобъ, переплетая стручки съ космами зеленой моркови, обращаетъ на нее тысячи глазъ; далѣе, кукуруза выставляетъ золотистые усики; кое-гдѣ виднѣт-

ся брюхо растолстѣвшаго арбуза, который, далеко отъ своего стебля, ввалился, какъ гость, къ краснымъ буракамъ.

«Гряды раздѣлены рывинами; по сторонамъ, какъ-бы на стражѣ, рядами стоятъ конопли и растутъ огородные овощи, спокойны, просты и зелены; ихъ листья и запахъ служатъ защитою для грядъ, потому-что сквозь ихъ листья не смѣетъ проползти змѣя, а ихъ запахъ убиваетъ гусеницъ и насѣкомыхъ. Далѣе возвышаются бѣловатые стебельки маковъ; на нихъ какъ-будто роями усѣлись мотыльки, махая крыльшками, на которыхъ переливается радужными цвѣтами блескъ драгоцѣнныхъ каменьевъ; макъ привлекаетъ къ себѣ взоръ своими живыми и разнообразными цвѣтами. Между цвѣтами, какъ полный мѣсяцъ между звѣздами, круглый подсолнечникъ большимъ и пылающимъ лицомъ поворачивается къ солнцу отъ востока къ западу.

«Подъ плетнемъ узкія, длинныя и выпуклыя гряды, безъ деревьевъ, кустарниковъ и цвѣтовъ: это огородъ для огурцовъ. Какъ прекрасно они разрослись большими раскидистыми листьями, покрыли гряды, какъ-будто ковромъ, разстилающимся складками? Посрединѣ шла дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, погружаясь по колѣни въ свѣжую зелень. Сходя съ грядъ между бороздами, казалось, она не шла, но плыла по листьямъ и путалась въ ихъ зелени. Соломенная шляпка прикрывала ея голову, по бокамъ развѣвались двѣ розовыя ленты и нѣсколько свѣтлыхъ локоновъ развитыхъ косъ; въ рукѣ она держала корзинку; глаза были опущены внизъ; правая рука поднята, какъ-бы стараясь что-то схватить. Какъ дѣвушка, которая въ купальнѣ гонится за рыбками, заигрывающими съ ея пожкою, такъ и она ежеминутно наклоняется съ руками и корзинкою за овощемъ, на который наступить, или который увидить.

«Графъ тихо стоялъ, восхищенный такимъ чуднымъ зрѣлищемъ. Слыша вдали топотъ лошадей своихъ спутниковъ, онъ далъ рукою знакъ, чтобъ они остановились. Онъ стоялъ съ вытянутою шею, какъ носатый журавль, который, вдали отъ стада, на стражѣ, стоитъ на одной ногѣ, съ бодрствующими глазами, и чтобъ не заснуть, въ другой ногѣ держитъ камень.

«Графъ услышалъ за собою шорохъ и очнулся; то былъ бернардинъ Рѣбакъ, который, держа въ рукахъ огурцы, говорилъ ему:

— «Вамъ огурцовъ захотѣлось, такъ вотъ же вамъ огурцы! Подальше отъ бѣды! на здѣшней грядѣ не для васъ растетъ овощъ; изъ этого ничего не будетъ». При этомъ онъ погрозилъ пальцемъ, поправилъ кашиньонъ и ушелъ. Графъ еще минутою постоялъ, смѣясь, что монахъ такъ внезапно помѣшалъ ему, и вѣстѣ проклиная его; онъ снова обратилъ глаза къ огороду, но въ огородѣ уже ея не было; по-

среди́тъ окна мелькнула только ея розовая ленточка и бѣлое платьице. На градахъ было видно, по какой дорогѣ пробѣжала она, потому-что зеленые листья, въ бѣгствѣ задѣтая ногою, поднялись, съ минуту поколыхались и наконецъ успокоились, какъ вода, по которой птичка скользнула крылышками. На томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, только была брошена небольшая корзинка изъ раkitника, опрокинутая вверхъ дномъ; изъ нея выпали овощи и она повисла на листьяхъ, еще колыхаясь въ густотѣ зелени».

Невозможно передать въ прозаическомъ переводѣ ту прелесть и легкость стиховъ, которыми рассказанъ только-что приведенный нами отрывокъ. Мы не разъ еще будемъ останавливаться на подобныхъ мѣстахъ, а теперь обратимся къ окончанію второй книги, сокращенно передавая ея содержаніе.

Вскорѣ послѣ того, какъ скрылась дѣвушка, вокругъ графа все было пусто и глухо. Онъ не спускалъ глазъ съ уединеннаго и тихаго дома и внимательно прислушивался. Вдругъ въ немъ раздался шумъ, который мало-по-малу перешелъ въ веселые крики и говоръ. Это былъ знакъ, что гости уже возвратились съ охоты и занялись завтракомъ. Мы пропустимъ описаніе народныхъ польскихъ кушаньевъ и того шумнаго общества, которое собралось у судьи на завтракъ: все это имѣетъ свою прелесть въ подлинникѣ. Займемся Телименою и Тадеушемъ. Они стояли въ сторонѣ и перешептывались между-собою. Тадеушъ теперь узналъ, что Телимена богата, что они не близкая родня между собою, и что дядя только называетъ ее сестрою потому, что они вмѣстѣ воспитывались съ дѣтскихъ лѣтъ. Телимена прежде жила долгое время въ столицѣ, въ Петербургѣ, и оказала дядѣ какую-то особенную услугу, и потому онъ очень уважалъ ее. Все это успокоило Тадеуша. Между-тѣмъ шли жаркіе споры между охотниками; двое изъ нихъ, регентъ и ассессоръ, до того поссорились, что между ними дѣло чуть-было уже не дошло до драки; но ихъ разняли.

Мицкевичъ заключаетъ эту книгу слѣдующими словами :

«Телимена, соскучившись слишкомъ-длинными спорами, хотѣла уйти и искала себѣ спутника. Она сняла съ гвозди корзинку и сказала: «Господа, я вижу, что вы хотите остаться въ комнатѣ, а я иду собирать рыжики; кому угодно, прошу идти со мною», и, набросивъ на голову красную кашмировую шаль, она взяла одной рукою маленькую дочь «подкоморія», а другою приподняла до колѣнъ платье. Тадеушъ, молча, пошелъ велѣдъ за нею собирать грибы.

«Судья очень обрадовался сборамъ на прогулку; онъ видѣлъ въ ней средство прекратить крикливый споръ, и потому громко произнесъ:

«Господа, по грибы въ лѣсъ! Кто придетъ къ обѣду съ самымъ лучшимъ рыжикомъ, тотъ сядетъ рядомъ съ одною изъ прелестныхъ паненокъ; самъ себѣ ее выберетъ. Если найдетъ дама, то сама избересть для себя самаго красиваго молодого человѣка».

Кн. III. Волокитство. Графъ возвращался домой, но безпрестанно останавливалъ лошадь и оглядывался на садъ. Ему казалось, что въ окнѣ снова появилось таинственное существо въ бѣломъ платьѣ. Графъ соскочилъ съ коня, отправилъ слугъ домой, а самъ скрытно пробрался въ садъ. Онъ уже хотѣлъ идти назадъ, но остановился; подумалъ, что его, можетъ-быть, уже замѣтили, следовательно, необходимо идти въ домъ. Пробираясь около плетня и по огороду, графъ, наконецъ, вышелъ на дорогу, ведущую прямо на дворъ господскаго дома. Прокрадываясь такимъ образомъ, онъ оглядывался, не замѣчалъ ли кто-нибудь за нимъ, и посматривалъ въ противоположную сторону отъ сада, направо; но пусть рассказываетъ самъ поэтъ:

«Быль рѣдкорастущій лѣсокъ, поросшій муравою; по ея коврамъ, между бѣлыми пнями березъ, подъ сѣнью развѣсистыхъ зеленыхъ вѣтвей, сновало множество фигуръ, которыхъ движенія, какъ-будто въ танцѣ, были странны, и одежда тоже. Одни въ черныхъ, узкихъ, другіе въ длинныхъ, распушенныхъ одеждахъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ; тотъ въ шляпѣ, широкой, какъ обручъ, другой съ непокрытою головою; прочіе, какъ-бы окруженные облакомъ, идутъ, распуская по вѣтру покровы, летящіе сзади головы, подобно хвостамъ кометы. Каждый въ разномъ положеніи: тотъ приросъ къ землѣ и только поворачиваетъ глазами, опущенными внизъ; тотъ, смотря прямо передъ собою, переступаетъ, будто сонный, какъ по канату, не сворачивая ни направо, ни налево; всѣ же безпрестанно наклоняются въ разныя стороны вплоть до земли, какъ-бы дѣлая поклонны. Если сблизятся, то не разговариваютъ и не привѣтствуютъ другъ друга, погруженные въ глубокую задумчивость. Графъ видѣлъ въ нихъ подобіе елисейскихъ тѣней, которыя, хотя чужды страданіямъ и печалямъ, блуждаютъ спокойно и тихо, но съ мрачнымъ видомъ.

«Кто жь бы отгадалъ, что эти люди, едва двигающіеся и молчаливые, наши знакомые, гости судьи? Послѣ шумнаго завтрака, они вышли на торжественный обрядъ собиранія грибовъ. Какъ люди разсудительные, они умѣютъ обуздывать свои слова и движенія, чтобы, во всякомъ случаѣ, соображать ихъ съ мѣстомъ и временемъ, и потому-то, прежде чѣмъ отправиться велѣдъ за судьей въ лѣсъ, они приняли на себя другой видъ, взяли другія платья, полотняные плащи, служащіе во время прогулки, которыми прикрылись сверхъ контушей, а на голо-

вахъ надѣты были соломенные шляпы; отъ этого они, одѣтые въ бѣломъ, похожи были на души въ чистилищѣ. Молодые люди такъ же были одѣты, кромѣ Телимены и нѣсколькихъ лицъ, одѣтыхъ пофранцузски.

«Этой сцены графъ не понялъ, потому-что онъ не зналъ сельскихъ обычаевъ, и съ чрезвычайнымъ изумленіемъ опрометью побѣжалъ въ лѣсъ.

«Грибовъ было множество. Молодые люди собираютъ краснолицыя, столь прославляемые въ литовскихъ пѣсняхъ, *масляники*—эмблема дѣвственности, потому-что червь ихъ не съѣдаетъ и, странно, ни одно насѣкомое не садится на нихъ. Дѣвушки гоняются за стройнымъ *боровикомъ*, который въ пѣсни называется *грибомъ-полковникомъ*. Всѣ такъ и высматриваютъ *рыжика*; онъ ростомъ не великъ и не столь славенъ въ пѣсняхъ, за-то вкусѣе всѣхъ, свѣжій ли, соленый ли, въ осеннюю ли пору, или зимою. Но войскій собиралъ *мухоморы*.

«Прочіе, какъ грибная чернь, презираются, потому-что вредны, или нехороши вкусомъ, но все-таки не безъ пользы: они кормятъ животныхъ, служатъ гнѣздами для насѣкомыхъ и украшаютъ рощи. На зеленой скатерти луговъ, какъ ряды столовой посуды, торчатъ *сурьжки*, серебристыя, желтыя и красныя, какъ чарочки, наполненныя разнымъ виномъ; *козлякъ*, какъ выпуклое дно опрокинутого кубка; *волнушки*, какъ стройныя бокалы для шампанскаго вина; *бляпки*, круглыя, бѣлыя, широкія и плоскія, какъ-будто саксонскія чайныя чашки, налитыя молокомъ, и шаровидная, наполненная черною пылью *пѣрховка*, какъ перечница. Названія же прочихъ грибовъ извѣстны только развѣ въ заячьемъ, или волчьемъ языкѣ, а люди ихъ не окрестили; да имъ нѣтъ и счета. Никто не хочетъ тронуть ни волчьихъ, ни заячьихъ грибовъ, а если кто-нибудь наклонится къ нимъ, то, увидѣвъ свою ошибку, въ сердцахъ изломаетъ грибъ или затопчетъ его ногою и, порта такимъ образомъ траву, поступаетъ очень неблагоразумно».

Телимена не собирала никакихъ грибовъ. Она была разсѣянна, скучна, безпрестанно оглядывалась и, казалось, искала уединенія. Незамѣтно она удаллась отъ общества.

«Остановившись надъ ручьемъ, она сбросила съ плечъ на траву свою легкую шаль, красную, какъ коралль. Она похожа была на купающуюся женщину, которая наклоняется къ холодной водѣ и, прежде нежели осмѣлится окунуться, сгибаетъ колѣни и мало-по-малу наклоняется бокомъ; наконецъ, какъ-бы увлеченная коралловымъ потокомъ, упала на него и растаяла въ весь ростъ; она облокотилась на траву, голову подперла руками, склонивъ ее внизъ; подлѣ головы блеснула веленевая бумага французской книжки, а надъ ея алебастровыми страницами вились черныя локоны и розовыя ленты.

«Она лежала въ изумрудѣ роскошныхъ травъ, на красной шали, въ длинномъ платьѣ, какъ въ коралловомъ покровѣ, съ одной стороны котораго обрисовывались волосы, а съ другой черныя башмачокъ; съ боку видны были снѣжной бѣлизны чулочки, платокъ, бѣлыя руки и лицо; издалека она казалась пестрою гусеницею, которая вползла на зеленый листъ клѣна».

Но никто не обращалъ вниманія на эти прелести, потому—что всѣ чрезвычайно были заняты собираніемъ грибовъ. Одинъ только Тадеушъ замѣтилъ ихъ и робко пробирался стороною къ Телиментѣ. Но его опередилъ судья, который также поспѣшилъ къ ручью, и съѣлъ поллѣ Телимены на большомъ камнѣ. Между ними завязался разговоръ о Тадеушѣ. Судья заботился о томъ, что его уже пора женить.

«Ты знаешь (говорилъ онъ Телиментѣ), что мой братъ Яцекъ, отецъ Тадеуша, человекъ странный; трудно понять его намѣренія; не хочетъ возвращаться въ свой край, Богъ—знаетъ, гдѣ укрывается, даже не хочетъ объявить сыну, что онъ живъ, хотя постоянно занимается его судьбою. Сперва онъ хотѣлъ послать его въ легіоны, что меня очень огорчало, потомъ, однакожъ, согласился оставить его дома, съ тѣмъ, чтобы женить».

Слушая это, Телимена поблѣднѣла, закрыла книгу, нѣсколько привстала и потомъ опять сѣла. Видно было, что это извѣстіе встревожило ее. Она стала уговаривать брата, что Тадеушъ еще очень—молодъ, и потому было бы жаль, еслибъ онъ, при своихъ блестящихъ способностяхъ, заглохъ въ деревнѣ, слѣдовательно, нужно еще послать его въ свѣтъ, чтобы онъ образовался между людьми, наконецъ отправить за границу путешествовать.

Судья отвѣчалъ ей, что онъ ничего не можетъ сдѣлать противъ воли брата, что онъ нарочно прислалъ для этого своего пріятеля бернардина Робака, которому извѣстны всѣ его замыслы, и что онъ непременно хочетъ женить его на Зосѣ, воспитанницѣ Телимены.

Телимена была совершенно поражена этимъ и долго не соглашалась съ своимъ братомъ касательно женитьбы Тадеуша, но, наконецъ, мало-по-малу одумалась и сказала, что она не отказывается, но что нужно еще подождать, потому—что Зося еще очень—молода и насильно нельзя заставить полюбить. Судья ушелъ въ раздумьи, между—тѣмъ съ противоположной стороны приближался Тадеушъ, показывая видъ, будто ищетъ грибовъ; въ томъ же направленіи тихонько подходилъ и графъ, который во время разговора судьи съ Телименою, стоялъ за деревьями. Пораженный видѣнною имъ сценою, онъ вынулъ изъ кармана бумагу и карандашъ и, опершись на пень, срисовалъ видъ.

«Простите моей смѣлости (говорилъ графъ Телименъ), я прихожу просить прощенія и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарить. Просить прощенія за то, что я украдкою слѣдилъ за вами, и благодарить за то, что былъ свидѣтелемъ вашей задумчивости. Я такъ оскорбилъ васъ, и столько вамъ обязанъ! Я нарушилъ минуту размышленій и вамъ же обязанъ за минуты вдохновенія! Блаженные минуты! Осуждайте человѣка, но художникъ ожидаетъ вашего прощенія. Я рѣшился на смѣлый поступокъ, но рѣшусь еще на болѣе-смѣлый!—Судите!» При этихъ словахъ онъ сталъ на колѣни и подаль свой рисунокъ.

Телимена выхваляла талантъ графа и совѣтовала ему наблюдать красоты природы. Они стали вспоминать Италію, голубое небо, морскія волны, благовоный воздухъ и высокія скалы; при этомъ не позабыли посмѣяться и надъ родной страной.

Тадеушу уже сталъ наскучать этотъ длинный разговоръ, въ которомъ онъ не принималъ участія; но когда графъ и Телимена начали выхвалять чужестранныя рощи и исчислять по порядку всѣ роды деревьевъ: померанцы, кипарисы, оливки, и т. д., онъ ужъ не могъ удержаться отъ гнѣва.

«Былъ онъ прость душою, но умѣлъ чувствовать прелести природы, и, всматриваясь въ родной лѣсъ, сказалъ, исполненный вдохновенія: — Видѣлъ я въ виленскомъ ботаническомъ саду эти прославляемыя деревья, растущія на востокъ и на югъ, въ этой прекрасной Итали: которое же изъ нихъ можетъ сравниться съ нашими деревьями? Не алѣ ли съ длинными палками, какъ громовой отводъ? Не лимонное ли дерево, карлица съ золотистыми шариками, съ залакированными листьями, короткая и раздувшаяся, какъ женщина маленькаго роста, собою не красивая, но богатая? Не расхвалѣнный ли кипарисъ, длинный, тонкій, худой? Онъ кажется деревомъ не грусти, а скуки; говорятъ, что видъ его печаленъ надъ могилою; да это, просто, какъ лакей-нѣмецъ въ придворномъ траурѣ, который не смѣетъ ни поднять руки, ни поворотить головы, чтобъ ни въ чемъ не нарушить приличія».

«Не прекраснѣ ли наша простая береза, которая, какъ крестьянка, оплакивающая сына, или какъ вдова мужа, ломая руки, спускаетъ съ плечъ къ землѣ пряди косъ? Безмолвная отъ горести, но съ виду какъ же краснорѣчиво она рыдаетъ! Отчего, если вы любите живопись, не изображаете нашихъ деревьевъ, посреди которыхъ сидите? Право, надъ вами будутъ смѣяться сосѣди, что вы, живя въ плодородной литовской равнинѣ, изображаете только какія-то скалы и пустыни».

Графъ возразилъ ему на это съ тономъ наставника, что прекрасная природа — только форма, матерія; что вдохновеніе оживотворяетъ ее;

что художникъ долженъ возноситься въ страну идеаловъ; что для живописи нужно итальянское небо, и проч. Тадеушъ съ увлеченіемъ отвѣчалъ: «Ваше итальянское небо, какъ я слышалъ, голубое и чистое, вѣдь это просто замерзшая вода! Не прекраснѣе ли во сто разъ вѣтеръ и непогода? У насъ стоить только взглянуть — и сколько видовъ! сколько сценъ и картинъ въ одной игрѣ облаковъ! Каждая туча ужь имѣетъ другой видъ: напримѣръ, осенняя, готовая разрушиться ливнемъ, ползетъ, какъ лѣнивая черепаха, и съ неба на землю опускаетъ длинныя полосы, какъ распутившіяся косы: то потоки дождя. Туча съ градомъ, какъ воздушный шаръ, быстро мчится съ вѣтромъ; круглая, темносиняя, она въ серединѣ отсвѣчиваетъ желтизною; вокругъ слышенъ необыкновенный шумъ. Даже эти ежедневныя — смотрите, господа! — эти бѣлыя тучки, какъ онѣ разнообразны! Сначала кажется, что это стадо дикихъ гусей или лебедей; но вотъ сзади вѣтеръ, какъ соколъ, сгоняетъ ихъ въ кучу: онѣ обнимаются, раздуваются, растутъ—новое чудо! У нихъ вырастаютъ шеи, распускаются гривы, высовываются ряды ногъ, и мчатся онѣ по небесному своду, какъ табунъ въ степи! Вѣсь онѣ бѣлы, какъ серебро; вотъ онѣ перемѣшались, и вдругъ ихъ шеи вырастаютъ мачтами, гривы преобразуются въ широкіе паруса, табунъ превращается въ корабль—и величественно, тихо, спокойно плыветъ по голубой равнинѣ небесъ!

«Графъ и Телимена смотрѣли вверхъ; Тадеушъ одной рукою показывалъ имъ на тучу, а другою слегка пожималъ ручку Телимены. Прошло нѣсколько минутъ нѣмой сцены. Графъ разложилъ бумагу на своей шляпѣ и вынулъ карандашъ... вдругъ раздался непріятный для слуха звонокъ господскаго дома, и въ то же время весь спокойный лѣсъ переполнился криками и голосами.

«Графъ, кивнувъ головою, сказалъ важнымъ тономъ: «Такъ-то судьба обыкновенно оканчиваетъ все на свѣтѣ звономъ: расчеты великой мысли, планы воображенія, игрушки невинности, утѣшенія дружбы, изліянія вѣжныхъ сердець. Когда издали зазвучитъ мѣдъ—все смѣшивается, разрывается, смущается и исчезаетъ. (Здѣсь онъ устремилъ вѣжный взглядъ на Телимену.) Что жь остается?» а она отвѣчаетъ ему: «вспоминаніе». И, желая хоть сколько-нибудь утѣшить графа, она подала ему сорванный цвѣтокъ незабудки. Графъ поцаловалъ его и пришилъ къ груди. Тадеушъ, съ другой стороны, раздвигалъ кустарникъ зелени, видя, что къ нему сквозь эту зелень просовывается что-то бѣлое: то была ручка, похожая на лилію; онъ схватилъ ее, поцаловалъ и тихонько впивался въ нее устами, какъ пчела въ чашечку лиліи. Онъ почувствовалъ на губахъ что-то холодное, то былъ ключъ

и бѣлая бумага, свернутая въ трубочку, то была маленькая записка. Онъ схватилъ ее и спряталъ въ карманъ, не понимая, что значить ключъ; но эта бѣлая бумажка все объяснить ему».

Раздавшійся звонокъ былъ знакомъ, что собраніе грибовъ ужь кончено и пора обѣдать. Все общество, съ коробочками и корзинками, возвращалось домой.

Обѣдъ шелъ обычной чередою, спокойно и безъ споровъ; но подь-конецъ онъ былъ прерванъ неожиданнымъ появленіемъ лѣсничаго. По его физиономіи и движениямъ было замѣтно, что онъ прибѣжалъ съ какою-то важною и необыкновенною новостью. На него устремились взоры всего собранія и онъ, немного переведа духъ, сказалъ: «Медвѣдь, милостивые господа!» Далѣе ужь неужно было говорить: всѣ догадались, что звѣрь вышелъ изъ *маточника*, что онъ пробирается въ занѣманскую пушу, и что его немедленно нужно преслѣдовать. Всѣ всполошились. Обѣдъ кончился и остатокъ дня прошелъ въ приготовленіяхъ къ завтрашней охотѣ чуть-свѣтъ.

Кн. IV. Дипломатія и охота. Эта книга начинается поэтическимъ описаніемъ литовскихъ лѣсовъ. Оно какъ-бы приготовляетъ читателя къ чудной картинѣ охоты, которую Мицкевичъ представилъ въ живыхъ и роскошныхъ краскахъ.

«Ровесники великихъ литовскихъ князей (воскликаетъ поэтъ), дѣрева Бѣловежи, Свитезя, Понарь, Куселева, которыхъ тѣнь нѣкогда спадала на царственные головы грознаго Витенеса, великаго Миндова и Гедимина, когда на Понарской Горѣ, у охотничьяго огня, на медвѣжьей шкурѣ лежалъ онъ, слушая пѣсни мудраго Лиздейки, и убаюканный видомъ Виліи и шумомъ Вилейки, грезилъ о *жельзномъ волкѣ* (*); но, пробудась, по явному велѣнію боговъ построилъ городъ Вильно, который улегся въ лѣсахъ, какъ волкъ посреди зубровъ, кабановъ и медвѣдей. Отъ этого-то города Вильно, какъ отъ римской волчицы, произошли Кейстуть, Ольгердъ и Ольгердовичи, столь же великіе ловчіе, сколь славные воины, гнались ли они за врагомъ или за дикимъ звѣремъ. Сонъ на охотѣ открылъ намъ тайну будущихъ временъ, что для Литвы всегда нужны жельзо и лѣса».

Въ Соплицовѣ необыкновенное движеніе; но ни лай собакъ, ни ржаніе лошадей, ни скрипъ возовъ, ни звукъ рога, подающаго сигналъ къ

(*) Гедиминъ, какъ говоритъ преданіе, видѣлъ во снѣ жельзнаго волка, внутри котораго была сотня волковъ. Жрецъ объяснилъ, что жельзный волкъ означаетъ большой городъ, а волки въ немъ воюющіе—множество народа въ городѣ, и потому онъ совѣтовалъ Гедимину основать Вильно.

охотѣ, не могли разбудить Тадеуша. Огненная полоса солнца проникала въ темную комнату сквозь отверстіе, вырѣзанное посрединѣ ставни на подобіе сердца, и спадала прямо на лобъ спящаго. Онъ хотѣлъ еще вздремнуть и переворачивался, защищаясь отъ блеска, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то стучится, и проснулся. Весело было его пробужденіе. Онъ чувствовалъ себя бодрымъ, какъ птичка, и грудь его легко дышала; онъ былъ счастливъ и улыбался про-себя: думая о томъ, что вчера съ нимъ произошло; онъ краснѣлъ, вздыхалъ и сердце у него билось.

«Онъ взглянулъ на окно — странно: въ прозрачныхъ лучахъ, въ томъ сердцѣ посреди ставни сверкали два ясные глаза, широко-раскрытые, какъ обыкновенно кажется, когда взоръ изъ дневнаго блеска упадаетъ въ темноту. Онъ увидѣлъ и маленькую ручку, какъ вѣтеръ, приложенную сбоку противъ солнца, для защиты глазъ. Маленькіе, розовые пальчики, обращенные къ свѣту, будто рубиновые, краснѣли насквозь. Онъ видѣлъ любопытныя губки, нѣсколько-раскрытыя, и зубки, которыя блестѣли, какъ жемчугъ посреди коралловъ, и щечки, которыя, хотя и заслонялись отъ солнца розовою рукою, но сами пылали, какъ розы.

«Тадеушъ спалъ подѣ окномъ. Кроясь въ тѣни и лежа навзничь, онъ дивился чудному явленію. Оно было прямо надъ нимъ, чуть-чуть не на лицѣ. Онъ не зналъ, было ли это на-яву, или ему грезилась одна изъ тѣхъ милыхъ, свѣтлыхъ, дѣтскихъ головокъ, которыя мы когда-то видали во снѣ, въ лѣтахъ невинности. Лицо наклонилось; онъ увидѣлъ, дрожа отъ боязни и радости, онъ ясно увидѣлъ, припомнилъ, узналъ тѣ короткіе, свѣтлозолотистые волосы, завитые въ мелкія и бѣлыя, какъ снѣгъ, папильёты, подобно серебрянымъ стручкамъ, которые блестѣли при солнечныхъ лучахъ, какъ ореоль.

«Онъ приподнялся—и видѣніе вдругъ исчезло, испуганное шорохомъ... онъ ждалъ, но оно не возвращалось. Онъ только вновь услышалъ троекратный стукъ и слова: «Вставайте, пора на охоту; вы проспали». Онъ вскочилъ съ постели и обѣими руками толкнулъ ставни, такъ-что они закрипѣли петлями и, размахнувшись, ударились въ обѣ стѣны. Тадеушъ выскочилъ чрезъ окно; оглядываясь кругомъ, изумленный и смущенный, онъ ничего не могъ узнать и не замѣтилъ ничего слѣда: недалеко отъ окна была садовая ограда; на ней колыхались листья хмѣля и фестоны цвѣтовъ: не легкія ли ручки коснулись къ нимъ, или ихъ качнулъ вѣтеръ? Тадеушъ долго смотрѣлъ на нихъ и не смѣлъ идти въ садъ».

На господскомъ дворѣ совершенно было тихо; всѣ ужъ уѣхали въ

поле; вскорѣ и Тадеушъ, какъ съумасшедшій, схватилъ ружье и, осѣлавъ коня, поскакалъ къ охотникамъ, прямо къ двумъ корчмамъ, гдѣ поутру должна была собраться облава.

Мы пропустимъ здѣсь описаніе жидовской корчмы, въ которой собрались крестьяне и мелкая шляхта, толкующіе о скоромъ пришествіи французовъ. Между ними находится и таинственный бернардинъ, рассказывающій о Наполеонѣ. Въ корчмѣ происходилъ спорный шумъ о знаменитости рода и значеніи гербовъ. Видно, что здѣсь Мицкевичъ съ безпощаднымъ юморомъ осмѣиваетъ пустоту и чванство польской шляхты. Одинъ изъ нихъ громко возстаетъ противъ того, что теперь требуютъ на бумагѣ доказательствъ шляхетства. «Для васъ—то ничего не значить (вскричалъ Яруга): вы новоутвержденный шляхтичъ и предки ваши были мужики; но я, изъ рода князей, и у меня смѣютъ спрашивать о патентѣ въ доказательство, когда я сдѣланъ шляхтичемъ? А Богъ его знаетъ! Пусть идутъ въ лѣсъ и спросятъ у каждой дубинки, кто далъ ей патентъ, чтобъ она росла выше всѣхъ кустарниковъ». — «Князь (сказалъ Жагель), рассказывайте сказки кому-нибудь другому; здѣсь найдутся и митры не въ одномъ домѣ». — «У васъ, сударь, крестъ въ гербѣ (кричалъ Подгайскій): это скрытый намѣкъ, что въ роду кто-нибудь былъ перекрестомъ!» — «Ложь! (прервалъ Бирбаржъ): вѣдь и я происхожу отъ татарскихъ графовъ, однакожъ у меня крестъ надъ гербомъ *кораблей*». — «Княжескій гербъ (вскричалъ Мицкевичъ) — Порай (*) съ митрою въ золотомъ полѣ. Стрыйковскій подробно пишетъ объ этомъ».

«Послѣ этого въ корчмѣ произошелъ чрезвычайный шумъ. Бернардинъ взялся за свою табакерку и сталъ подчивать изъ нея всѣхъ по порядку. Говоръ сейчасъ утихъ; каждый, изъ учтивости, понюхалъ и нѣсколько разъ чихнулъ. Бернардинъ, пользуясь минутою, говорилъ: «О, великіе люди чихали отъ этого табаку! Повѣрите ли, господа, что вотъ изъ этой табакерки три раза понюхалъ генералъ Домбровский?» — «Домбровский? всѣ вскричали». — «Да, да, тотъ самый генералъ; я былъ въ лагерѣ, когда онъ отнималъ у нѣмцевъ Данцигъ. Ему нужно было что-то писать; но, боясь заснуть, онъ понюхалъ, чихнулъ! два раза потрепалъ меня по плечу и примолвилъ: «Отецъ бернардинъ, мы увидимся въ Литвѣ, можетъ-быть, прежде, нежели минетъ годъ. Скажите литвинамъ, пусть они меня ожидаютъ съ ченстоховскимъ табакомъ; другаго не нюхаю».

Рассказъ бернардина о Домбровскомъ и польскомъ табакѣ возбудилъ

(*) Бѣлая роза о пяти листьяхъ въ красномъ полѣ.

шумный восторгъ. «Всѣ вмѣстѣ крикнули (прибавляетъ Мицкевичъ), всѣ обнимались другъ съ другомъ: мужикъ съ татарскимъ графомъ, митра съ крестомъ, порай съ грифомъ и кораблемъ; забыли обо всемъ, даже о бернардинѣ и только пѣли при крикахъ: водки, меду, вина!

«Долго бернардинъ вслушивался въ пѣсню; наконецъ, желая прервать ее, онъ взялъ обѣими руками табакерку. Чиханье остановило пѣніе и, пока все пришло въ порядокъ, онъ сталъ говорить: «Вы хвалите мой табакъ; посмотрите—ка, что внутри табакерки?» И, вытирая платкомъ загрязнившуюся крышку, онъ показал картинку, представлявшую маленькую армію, похожую на рой мухъ; посреди сидѣлъ верхомъ на конѣ какой-то большой человѣкъ, какъ жукъ; вѣрно, это былъ предводитель войска. Онъ прищипывалъ коня, какъ-бы желая вскопить на небеса; одной рукою придерживалъ поводья, другая была поднята къ носу. «Всмотритесь (сказалъ Рѣбакъ) въ эту грозную фигуру, отгадайте, кто это?» Всѣ смотрѣли съ любопытствомъ. «Это великій человѣкъ, императоръ!» — «Великій человѣкъ (вскричалъ Цыдзыкъ), а въ канотъ! А я думалъ, что великіе люди ходятъ въ золотѣ». — «Ну, такъ что жъ? (прервалъ Рымша) смолоду видѣлъ я Костюшку, начальника нашего народа—великій человѣкъ! а ходилъ въ краковской сермягѣ, то-есть, въ чамаркѣ». — «Въ какой чамаркѣ (возразилъ Вильбикъ), вѣдь это называлось «тарататкою». — «Но та была съ каѣмнами, а это совершенно гладкая (вскричалъ Мицкевичъ). Вслѣдъ за этимъ возникли споры о разныхъ формахъ тарататки и чамарки».

Ловкій Рѣбакъ, видя, что разговоръ такимъ образомъ не вяжется, снова старался сосредоточить его на одномъ предметѣ—на своей табакеркѣ; онъ сталъ подчивать изъ нея; всѣ чихали и желали другъ другу здоровья, а бернардинъ продолжалъ: «Когда императоръ Наполеонъ въ сраженіи безпрестанно нюхаетъ табакъ, это навѣрно значить, что онъ выигрываетъ битву; на примѣръ, подъ Аустерлицомъ. Такъ стояли французы съ пушками, а на нихъ напирала тьма-тьмущая непріятелей. Императоръ смотрѣлъ и молчалъ. Только-что французы выстрѣляютъ, полки непріятельскіе, какъ трава стелются. Полкъ велѣдъ за полкомъ скакалъ и падалъ съ сѣдла. Только-что упадетъ полкъ, императоръ понюхаетъ табакъ; наконецъ непріятель обращается въ бѣгство. Императоръ, видя, что битва уже кончена, улыбается и отряхиваетъ пальцы...»

Но мы оставимъ бернардина и его собесѣдниковъ, разсуждающихъ о политикѣ, и перейдемъ къ описанію охоты.

«Кто проникъ (говоритъ Мицкевичъ) въ дремучія области литовскихъ лѣсовъ, въ самую ихъ средину, въ самую густоту? Рыбакъ только у

береговъ знаетъ дно морское; охотникъ бродитъ только по опушкѣ литовскихъ лѣсовъ, едва знаетъ ихъ по наружности, съ виду; но чужды ему внутреннія тайны ихъ сердца; только изъ преданія или сказки известно, что въ нихъ творится. Если пройдеши сквозь чащи и простѣки, то въ глубинѣ встрѣтишь огромный валъ изъ пней, калодъ и кореньевъ, защищенный трясинною и тысячею ручьевъ, заросшій сѣтью длинныхъ травъ, покрытый муравейниками, гнѣздами осъ, шершней, клубками змѣиныхъ гнѣздъ. Еслибъ ты сверхъестественнымъ мужествомъ могъ преодолѣть и эти препятствія, то далѣе долженъ будешь встрѣтиться еще съ болѣею опасностью; далѣе, на каждомъ шагу, какъ волчьи ямы, зияютъ небольшія озера, вполонину поросшія травою, столь глубокия, что люди не могутъ достать до ихъ дна (очень-вѣроятно, что черти тамъ водятся); вода ихъ лоснится, покрытая кровавою ржавчиною, а изъ глубины непрерывно испаряется отвратительный смрадъ, отъ котораго ближайшія деревья теряютъ листья и кору; лысыя, приземистыя, червивыя, большыя, свѣсивъ вѣтви, опушенныя мхомъ, и сгорбивъ пни, устѣяныя гадкими грибами, какъ бородавками, сидятъ они вокругъ воды, какъ скопище вѣдьмъ, грѣющихся у котла, въ которомъ онѣ варятъ трущъ.

« Далѣе этихъ озеръ было бы напрасно не только идти, но даже устремлять взоръ, потому—что тамъ туманное облако покрываетъ все, что вѣчно извергаютъ изъ себя болотныя трясины; но за этою мглою (какъ гласитъ народное преданіе) простирается прекрасная и плодородная страна, главная столица царства звѣрей и растений. »

Послѣ поэтическаго описанія литовскихъ лѣсовъ, Мицкевичъ постепенно переходитъ къ медвѣжьей охотѣ :

« Вездѣ тихо; напрасно охотники напругаютъ слухъ; напрасно каждый вслушивается въ молчаніе, какъ въ самый любопытный разговоръ, и, неподвижный, долго выжидаетъ на одномъ мѣстѣ: только музыка лѣсовъ отзывается имъ. Собаки ныряютъ въ лѣсу, какъ водолазы въ морской глубинѣ, между—тѣмъ охотники, обративъ къ лѣсу двуствольныя ружья, смотрятъ на войскаго : онъ припалъ на колѣни и вслушивается, приложивъ ухо къ землѣ. Какъ взоры друзей читаютъ на лицѣ врача приговоръ на жизнь или смерть милой имъ особы, такъ охотники, увѣренныя въ искусствѣ войскаго, устремляли на него взоръ надежды и тревоги. « Есть ! есть ! » сказалъ онъ вполголоса и вскочилъ на ноги. Онъ слышалъ — они еще вслушивались; наконецъ уже слышутъ: залилась громкимъ лаемъ одна собака, потомъ двѣ — двадцать; всѣ вмѣстѣ борзья, разсыпчатою стаею, шныряютъ, тавкаютъ; вотъ уже напали на слѣдъ и заливаются громкимъ лаемъ. Это уже не медленный лай собакъ, преслѣдующихъ зайца, лисицу или ланя, но лай безпрерывный,

короткій, частый, отрывистый, бѣшеный. То не на далекой слѣдѣ напали борзые, они мчатся прямо къ цѣли; вдругъ утихъ крикъ погони... Они настигли звѣря... Снова лай, вой... Звѣрь защищается и, должно-быть, наноситъ раны; вмѣстѣ съ лаемъ борзыхъ, чаще-и-чаще раздаются стоны издыхающихъ собакъ.

«Охотники стояли; каждый изъ нихъ, съ заряженнымъ ружьемъ, какъ лукъ, выгнулся впередъ, просунувъ голову въ лѣсъ. Долѣе ждать они не могутъ! Уже одинъ велѣдъ за другимъ, съ назначеннаго имъ мѣста, убѣгаетъ и пробирается въ густоту лѣса. Они первые хотятъ встрѣтить звѣря, хотя войскаго предостерегалъ и верхомъ на конѣ объѣзжалъ позицію, крича, что, кто бы то ни было, простой мужикъ, или баринъ, если только тронется съ мѣста, то онъ ударитъ его сворою. Никто не хотѣлъ и слушать: всѣ, несмотря на запрещеніе, побѣжали въ лѣсъ, три ружья вдругъ выстрѣлили, потомъ началась непрерывная стрѣльба; но громче выстрѣловъ заревѣлъ медвѣдь и наполнялъ эхомъ весь лѣсъ. Ужасный ревъ боли, бѣшенства, отчаянія! вслѣдъ за нимъ громко раздавались изъ середины лѣса лай собакъ, крики охотниковъ, рожки доѣзжачихъ. Одни снѣшать въ лѣсъ, другіе взводятъ курки... Всеобщая радость! Только войскаго досадуетъ и кричитъ, что сдѣлалъ промахъ. Охотники и облава пошли по одной сторонѣ, чтобы пресѣчь звѣрю дорогу между опушкою и лѣсомъ; между-тѣмъ медвѣдь, испуганный натискомъ собакъ и людей, воротился назадъ, въ мѣста менѣе стереженныя, къ полямъ, откуда уже ушли прежде стоявшіе тутъ охотники и гдѣ, изъ числа всей охотничьей толпы, остались только войскаго, Тадеушъ и графъ съ нѣсколькими облавными.

«Здѣсь лѣсъ рѣдѣлъ; издали раздавался ревъ и трескъ ломавшихся сучьевъ; но вотъ изъ густоты лѣса, какъ изъ тучъ, вырвался медвѣдь, наподобіе грома; его преслѣдуютъ собаки, пугаютъ, рвутъ; онъ всталъ на заднія лапы и оглянулся кругомъ... Ревомъ наводя страхъ на своихъ враговъ, онъ вырываетъ передними лапами то корни деревьевъ, то выжженные пни, то выросшіе въ землю камни, и бросаетъ ихъ въ собакъ и людей; но вотъ онъ сломалъ дерево и, поворачивая имъ, какъ пальцею, направо и налево, прямо бросился на послѣднюю стражу облавы, на графа и Тадеуша: они безъ страха стоятъ неподвижно и устали въ звѣря стволы ружей, какъ два громовые отвода, упирающіеся въ лоно черной тучи, какъ вдругъ, за однимъ разомъ, они спустили курки (неопытные!); за однимъ разомъ загремѣли выстрѣлы изъ двуствольныхъ ружей и—не попали въ цѣль! Медвѣдь векочилъ; они схватили четырьмя руками тутъ же воткнутую рогатину, вырывая ее другъ у друга... Какъ взглянуть—въ огромной красной пасти блестятъ два

ряда клыковъ и лапа съ когтями уже опускается на ихъ головы... Они поблѣднѣли, отскочили назадъ и побѣжали въ ту сторону, гдѣ рѣдѣлъ лѣсъ. Медвѣдь бросился вслѣдъ за ними, уже запуская когти, не попалъ, подбѣжалъ, всталъ на дыбы и черною лапою уже прикасался къ волосамъ графа...»

Но охотники подошли во-время и спасли графа. Медвѣдь былъ убитъ.

«Въ то время войскій схватилъ висѣвшій у него на поясѣ буйволонный рогъ, длинный, съ насѣчкою, искривленный, какъ змѣй боа; онъ прижалъ его къ губамъ обѣими руками, раздулъ щеки, какъ пузыри; глаза у него налились кровью, полузакрылись; онъ втянулъ въ себя половину живота и сосредоточилъ въ лёгкихъ весь запасъ дыханія и заигралъ: рогъ, какъ вихорь, неудерживаемый дуновениемъ, разноситъ по лѣсу звуки и повторяется эхомъ. Охотники умолкли; псарь стояли, изумленные силою, чистотою и дивною гармоніею звуковъ. Старикъ разъ еще передъ охотниками выказалъ все свое искусство, которымъ онъ нѣкогда славился въ лѣсахъ; вдругъ наполнилъ, оживилъ чащи и дубравы, какъ-будто впустилъ въ нихъ псарню и началъ охоту. Замѣтимъ, что въ его игрѣ заключалась краткая исторія охоты. Сперва звучный и рѣзкій отголосокъ—это тревога, потомъ заливаются стоны за стопами—это лай собакъ, а кое-гдѣ слышенъ тонъ болѣе-рѣзкій, какъ громъ—это выстрѣлы.

«Здѣсь войскій пересталъ играть, но держалъ рогъ; всёмъ казалось, что онъ еще продолжаетъ играть, но это играло эхо.

«Онъ заигралъ снова; можно было бы подумать, что рогъ перемѣнялъ форму и въ устахъ войскаго то увеличивался, то уменьшался; то подражая голосамъ звѣрей, то вытягиваясь волчьею шеею, долго и пронзительно вылъ; то снова ревѣлъ, какъ-бы разбѣвая медвѣжью пасть; потомъ вѣтеръ разнесъ мычаніе зубра.

«Здѣсь войскій пересталъ играть, но держалъ рогъ; всёмъ казалось, что онъ еще продолжаетъ играть, но то играло эхо. Выслушавъ произведеніе роговой музыки, дубы повторяли звуки дубамъ, а буки букамъ.

«Онъ снова надуваетъ рогъ: какъ-будто въ одномъ рогѣ заключаются сотни роговъ; слышны смѣшанные крики травли, гнѣва, суматохи охотниковъ, псарей и звѣрей; но вотъ, наконецъ, войскій поднялъ рогъ вверхъ — и торжественный гимнъ грянулъ до небесъ!

«Здѣсь войскій пересталъ играть, но держалъ рогъ; всёмъ казалось, что онъ еще продолжаетъ играть, но то играло эхо! Сколько было деревьевъ, столько нашлось роговъ въ лѣсу; они другъ другу передаютъ пѣсню, будто отъ хора до хора. И музыка раздавалась каждый разъ

шире, каждый разъ далѣе, тише и тише, и каждый разъ чище и совершеннѣе, наконецъ исчезла гдѣ-то далеко, гдѣ-то у предверія небесъ!

«Войскій, отнявъ обѣ руки отъ рога, опустил ихъ; рогъ упалъ, качаясь на ременномъ поясѣ. Съ лицомъ раздувшимся, воспламененнымъ, съ глазами, поднятыми вверхъ, онъ стоялъ, какъ-бы вдохновенный, ловя слухомъ послѣдніе, исчезающіе тоны. Между-тѣмъ раздались тысячи рукоплесканій, тысячи поздравленій и заздравныхъ криковъ.

«Мало-по-малу все утихло, и взоры толпы обратились на огромный, свѣжій трупъ медвѣдя. Онъ лежалъ, обрызганный кровью, пронизанный пулями, грудью прижатый къ густой травѣ; широко, накрестъ, протягивалъ онъ переднія лапы; еще дышалъ и, хрипя, извергалъ потокъ крови, открывалъ еще глаза, но головой не двигалъ...»

Между охотниками возникъ жаркій споръ о томъ, кто изъ нихъ убилъ медвѣдя. Оказалось, что это было дѣломъ бернардина, который подоспѣлъ на помощь къ молодымъ людямъ. Чуть не дошло до драки; но кое-какъ все помирилось и тутъ же окончили охоту веселымъ пированьемъ. Замѣчательно, что Мицкевичъ нигдѣ не упускаетъ случая представить задорную и несогласную шляхту, которая, при малѣйшемъ поводѣ, готова воспламениться, подраться, похвастаться своею отвагою и потомъ, хотя не надолго, снова помириться.

Кн. V. Ссора. Начало этой книги такъ поэтически-прекрасно, что я передаю его здѣсь вполнѣ, сожалея, что не въ-состояніи сохранить художественную форму подлинника:

«Войскій, съ честью окончивъ охоту, возвращается изъ лѣса, а Телимена въ тиши уединеннаго дома начинаетъ также охоту. Правда, она сидитъ неподвижно, съ сложенными на груди руками, но мысленно слѣдитъ двухъ звѣрей; изыскиваетъ способъ, какъ обонхъ опутать и поймать: графа и Тадеуша. Графъ—молодой баричъ, наследникъ знатнаго дома, красивый собою; уже немного влюбленъ. Что жъ? Онъ можетъ переѣниться. Впрочемъ, искренно ли онъ любитъ? Захочетъ ли жениться на женщинѣ нѣсколькими годами старше его, на небогатой? позволятъ ли ему родные? что свѣтъ скажетъ объ этомъ?»

«Разсуждая такимъ-образомъ, Телимена приподнялась съ дивана и стала на пальцахъ, какъ-будто выросла; немного открыла грудь, наклонилась въ сторону, сама-себя окинула взглядомъ и снова взглянула въ зеркало, но сейчасъ же потушила взоръ, вздохнула и сѣла. «Графъ—баричъ; богатые люди измѣнчивы во вкусахъ. Графъ блондинъ, а блондины не слишкомъ-страстны. А Тадеушъ? проstackъ! добрый малый, почти дитя; въ первый разъ еще начинаетъ любить. Если наблюдать за нимъ, онъ нелегко разорветъ первую связь, притомъ же, въ

отношеніи къ Телиментѣ, у него уже есть обязанности. Мужчины, пока молоды, измѣнчивы въ мысляхъ, но въ чувствахъ постояннѣе стариковъ, потому-что искренни. Сердце юноши, простодушное и невинное, долго сохраняетъ благодарность за первыя восторги любви; оно радостно привѣтствуетъ и оставляетъ наслажденіе, какъ скромный пиръ, который мы раздѣляемъ съ другомъ. Только старый пьяница, когда уже сожжетъ внутренность, отворачивается отъ напитка, которымъ пресыщался. Все это Телимена хорошо знала, потому-что была умна и очень-опытна.

«— Но что скажутъ люди? Отъ нихъ можно укрыться, уѣхать въ другія страны, жить въ уединеніи, или, лучше всего, совершенно переселиться изъ здѣшняго края, напримѣръ, сдѣлать небольшое путешествіе въ столицу, ввести въ большой свѣтъ молодаго человѣка, руководить его, помогать ему, давать совѣты, образовывать его сердце, имѣть въ немъ друга, брата; наконецъ, наслаждаться свѣтскою жизнью, пока не прошла пора.

«Такъ разсуждая, она нѣсколько разъ смѣло и весело прошла по комнатамъ и снова потушила свѣтъ.

«А вѣдь стоило бы подумать объ участи графа! Нельзя ли какъ-нибудь навести его на Зося (*)? Она небогата, но за-то равна ему по рожденію: она изъ сенаторскаго дома, дочь сановника. Еслибъ эта женитьба состоялась, Телимена могла бы имѣть въ ихъ домѣ убѣжище въ будущемъ. Рожденица Зоси и сватья графа, для молодыхъ супруговъ была бы вѣсто матери.

«Посовѣтовавшись такимъ рѣшительнымъ образомъ сама съ собою, она позвала черезъ окно Зося, которая гуляла въ саду.

«Зося стояла въ утреннемъ платьѣ и съ открытой головою, держа въ рукѣ только-что поднятое сито; у ногъ ея сбѣгались птицы: съ одной стороны клубкомъ переваливаются мохнатая куры, съ другой — хохлатые пѣтушки, встряхивая коралловыми шишаками на головкахъ и взмахивая крыльями, черезъ рытвины и кусты вытягиваютъ свои лапки со шпорами; за ними медленно тащется надувшійся ивдѣйскій пѣтухъ, ворча на вѣтренность своей крикливой сожительницы; тамъ павлины выступаютъ по лугу, какъ барки, управляясь длинными хвостами, а въ иномъ мѣстѣ упадаетъ сверху, какъ свѣжій комокъ, серебристый голубь. Въ срединѣ зеленаго кружка травы тѣснится крикливый и суетливый кружокъ птицъ, опоясанный рядомъ голубей, наподобіе бѣлой ленты, въ срединѣ же пестрящей звѣздочками, крапинками и полосками.

(*) Уменьшительное имя Софіи (попольски: Zofia—Zosia).

Здѣсь янтарные носики, тамъ коралловые хохолки выставяются изъ густоты перьевъ, какъ рыбки изъ-подъ волны; высовываются шейки и, въ легкихъ движеніяхъ, безпрестанно колышутся наподобіе водяныхъ тюльпановъ; тысячи глазъ, какъ звѣзды, блестятъ передъ Зоєю.

«Она высоко стоитъ посрединѣ надъ птицами; вся бѣлая и одѣтая въ длинное бѣлое платье, вертится, какъ фонтанъ, бьющій посреди цвѣтовъ; бѣлою, жемчужною ручкою она достаетъ изъ сита и сыплетъ на крылья и головы густой, жемчужный градъ ячменныхъ крупъ: ихъ зерна, достойныя господскихъ столовъ, приготавливаются для приправы литовскихъ суповъ; но Зося, таская ихъ изъ шкапа ключницы для своихъ птицъ, наноситъ убытокъ хозяйству.

«Она услышала зовъ «Зося!» То голосъ тѣтки. Вдругъ высыпала птицамъ остатки корма, а сама, повертывая сито, какъ танцовщица тамбурина, и ударяя въ тактъ—шалуныя дѣвочка!—начала перескакивать чрезъ павлиновъ, голубей и куръ: испуганныя птицы, тѣсняясь, вспорхнули вверхъ. Зося, едва прикасаясь къ землѣ ножками, казалось, поднималась выше ихъ; бѣлые голуби, которыхъ она, убѣгая, разгоняла, летѣли передъ нею, какъ передъ колесницею богини наслажденія.

«Зося, черезъ окно, съ крикомъ прыгнула въ комнату и, запыхавшись, сѣла на коленяхъ тѣтки. Тетина цалуетъ ее и гладитъ ея подбородокъ; она съ радостью замѣчаетъ живость и красоту дитяти (и въ-самомъ-дѣлѣ, она любила свою воспитанницу); но снова приняла на себя серьёзный видъ, встала и, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, приложила палецъ къ губамъ и сказала:

«— Милая Зося, ты уже совершенно забываешь и о своемъ званіи и о возрастѣ; вѣдь сегодня тебѣ уже пошелъ четырнадцатый годъ, пора бросить видѣкъ и куръ—фи! Занятіе ли это для дочери сановника? А съ запачканными мужицкими дѣтьми ты уже наигралась вдоволь... Зося, смотря на тебя, сердцу больно: ты ужасно какъ загорѣла, сущая цыганка! а ходишь и держишь себя, какъ провинціалка. Впередъ ужъ этого не будетъ; съ нынѣшняго же дня выведу тебя въ свѣтъ, въ гостиную, къ гостямъ, а гостей у насъ множество. Смотри же, не надѣлай мнѣ стыда!»

«Зося вскочила съ мѣста и, захопала въ ладони; повиснувъ тѣткѣ на шею, она то плакала, то смѣялась отъ радости. «Ахъ, тетенька, ужъ такъ давно я не видала гостей! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я живу здѣсь вмѣстѣ съ курами и видѣйками, одного гостя я и видѣла, то былъ дикій голубь. Мнѣ ужъ немножко-скучно такъ сидѣть въ комнатѣ, а судья даже говоритъ, что это вредно для здоровья».

«— Судья! (прервала тетка) онъ безпрестанно мнѣ надоѣдалъ, чтобъ

тебя ввести въ свѣтъ, безпрестанно ворчалъ себѣ подь-нось, что ты уже взрослая дѣвушка... самъ не знаетъ, что плететь. Дѣвушка никогда не былъ въ большомъ свѣтѣ. Я лучше знаю, какъ долго дѣвушка должна готовиться, чтобъ, при выходѣ въ свѣтъ, произвести эффектъ. Знай, Зося, что кто вырастаетъ на виду у людей, будь онъ прекрасенъ, будь уменъ, не произведетъ эффекта, если все привыкнуть видѣть его съ малыхъ лѣтъ. Но пусть образованная, взрослая дѣвушка вдругъ, неожиданно, блеснетъ въ свѣтъ, тогда каждый изъ любопытства бросается къ ней, замѣчаетъ все ея движенія, каждый взглядъ, подслушиваетъ ея слова и повторяетъ другимъ. Когда же молодая особа одинъ разъ войдетъ въ моду, каждый долженъ хвалить ее, хотя бы она и не нравилась. Надѣюсь, что ты сумѣешь показать себя: вѣдь ты выросла въ столицѣ. Хотя два года ты живешь въ деревнѣ, но еще не совсемъ забыла Петербургъ. Ну же, Зося, одѣнься, въ комодѣ найдешь все, что нужно для наряда. Поторопись: того-и-гляди воротятся съ охоты.

«Позвали горничную и служанку; онѣ влили цѣлый кувшинъ воды въ серебряный тазъ; Зося, какъ воробей въ песокъ, полощется; при помощи служанки, моетъ руки, лицо и шею. Телимена открываетъ петербургскіе ящики, достаетъ стклянки духовъ, банки помады, кругомъ опрыскиваетъ Зося превосходными духами (благовоіе наполняетъ комнату) и помадою приглаживаетъ волосы. Зося надѣваетъ бѣлые ажурные чулочки и бѣлые атласные башмачки изъ Варшавы; между-тѣмъ, горничная зашнуровала ее, потомъ набросила на плечи дѣвушки пудерманъ; наконецъ, стали снимать припеченныя напильйотки; но такъ-какъ пучки слишкомъ были коротки, то ихъ завили въ двѣ плетенки, оставивъ на лбу и вискахъ гладкіе волосы; между-тѣмъ горничная, связавъ въ пучокъ только-что собранные васильки, подаетъ ихъ Телиментъ: та искусно пришила ихъ къ головѣ Зоси, съ правой стороны на лѣвую: прекрасно отражались цвѣты на бѣлокурыхъ волосахъ, какъ-будто между колосьями ржи! Пудерманъ снятъ; одѣванье кончено. Зося черезъ голову набросила на себя бѣлое платье, сложила въ рукѣ бѣлый, батистовый платокъ, и вся была бѣлая, какъ лилія.

«Еще разъ поправивъ волосы и платье, ей велѣли пройти въздъ и впередъ по комнатѣ; Телимена осматриваетъ ее глазами знатока, муштруетъ племянницу, сердится и пожимаетъ плечами; наконецъ, когда Зося присѣла, она вскрикнула въ отчаяньи: «Ахъ, я несчастная! Видишь ли, Зося, что значитъ жить съ гусями да съ пастухами! Ноги разставляешь какъ мальчикъ; глаза поворачиваешь направо и налево, точно какъ разведенная жена! Присядь, смотри, какая ты неловкая!»—«Ахъ,

тётенька (печально сказала Зоса), чѣмъ же я виновата? Вы меня за-
пирали, мнѣ не съ кѣмъ было танцовать; со скуки, я любила ходить за
птицами и нянчить дѣтей. Подождите-ка, тётенька, пусть только не-
много я свыкнусъ съ людьми, такъ вы увидите, какъ я исправлюсь!»
— «Изъ двухъ золъ (сказала тётка) ужь лучше заниматься птицами,
нежели этимъ сбродомъ, который до-сихъ-поръ у насъ гостилъ. При-
помни только, кто здѣсь былъ у насъ: кесидъ, который игралъ въ
шашки, да подъячѣ съ трубками. Ну, ужь кавалеры! Прекрасный
тонъ ты переняла бы у нихъ! Теперь, по-крайней-мѣрѣ, есть передъ
кѣмъ показаться, все-таки у насъ въ домѣ есть порядочное общество.
Замѣчай же хорошенько, Зоса! Есть здѣсь молодой графъ, баричъ, пре-
красно-воспитанный, родственникъ воеводы: помни же, будь съ нимъ
учлива.»

«Слышно ржаніе лошадей и шумъ охотниковъ у самыхъ воротъ: это
они. Телимена, взявъ подъ-руку Зою, побѣжала въ залу. Охотники
еще не входили въ покои и должны были перемѣнить въ своихъ ком-
натахъ платье: имъ не хотѣлось явиться къ дамамъ въ курткахъ. Изъ
первыхъ вошли молодые люди, панъ Тадеушъ и графъ, которые про-
ворно переодѣлись.

«Телимена выполняетъ обязанности хозяйки дома, принимаетъ гостей,
сажаетъ ихъ, занимается разговоромъ и всѣмъ поочереди представляетъ свою
племянницу; сперва Тадеушу, какъ близкую родственницу. Зоса вѣжливо
присѣла, а онъ ей низко поклонился, хотѣлъ что-то ей сказать, уже
открылъ ротъ, но, заглянувъ въ глаза Зоен, такъ смѣшался, что
остолбенѣлъ передъ нею, то краснѣя, то блѣднѣя; онъ самъ не пони-
малъ, что происходило въ его сердцѣ и чувствовалъ себя очень-не-
счастливымъ—онъ узналъ Зою; онъ узналъ ее и по росту и по свѣтло-
русымъ волосамъ и по голосу. Эту талію и эту головку онъ видѣлъ у
садовой ограды, этотъ очаровательный голосъ сегодня разбудилъ его на
охоту».

Телимена замѣтила смущеніе Тадеуша. Она выбрала удобную минуту
и спросила его: что съ нимъ сдѣлалось? отчего онъ такъ печаленъ?
но Тадеушъ, молча, только хмурилъ брови и надулъ губы. Телимена
разсердилась и стала дѣлать ему упреки; онъ сурово взглянулъ на нее
и, не говоря ни слова, оттолкнулъ ногою кресло и послѣшно ушелъ.
Онъ выбѣжалъ за ворота, прямо въ поле и очень-долго бродилъ тамъ
безъ цѣли, наконецъ зашелъ въ лѣсъ и очутился на томъ самомъ при-
горкѣ, который вчера еще былъ свидѣтелемъ его счастья и гдѣ онъ по-
лучилъ записочку, какъ залогъ любви. Вдругъ Тадеушъ замѣтилъ Те-

лимену, которая сидѣла одна, погруженная въ задумчивость и, казалось, горько плакала, опустивъ лицо въ раскрытыя ладони.

«Напрасно (говорить Мицкевичъ) Тадеушъ силился заглушить голосъ сердца. Долго въ нѣмомъ молчаніи смотрѣлъ онъ, скрывшись за деревомъ; наконецъ, вздохнулъ и съ гнѣвомъ сказалъ про-себя: «Глупецъ! виновата ли она, что обманулась во мнѣ?» И онъ тихонько изъ-за дерева наклонилъ къ ней голову; какъ вдругъ Телимена вскакиваетъ съ мѣста, бросается то направо, то налево, перескакиваетъ черезъ ручей. Разметавшись, съ распущенными волосами, блѣдная, она бѣжитъ въ лѣсъ, то подпрыгиваетъ, то сгибаетъ колѣни, то падаетъ и, выбившись изъ силъ, вертится на травѣ. Видно по ея движеніямъ, что она ужасно мучится, хватается за грудь, за шею, за ноги, за колѣни. Тадеушъ побѣждалъ велѣдъ за нею, думая, что она помѣшана, или подвержена надучей болѣзни. Но эти движенія происходили отъ другой причины».

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ сидѣла Телимена, былъ муравейникъ, но пусть досказываетъ самъ поэтъ :

«Муравьи, прельщенные блескомъ бѣлаго чучюлка, прибѣжали толпами, начали щекотать и кусать; Телимена принуждена была бѣжать, отряхиваться, наконецъ сѣла на траву и стала ловить муравьевъ».

«Тадеушъ не могъ отказать ей въ помощи. Очищая платье, онъ наклонился къ ея ногамъ, потомъ какъ-то случайно приблизилъ губы къ щекамъ Телимены. Въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, хотя они и ничего не говорили о своей утренней размолвкѣ, однакожь помирились, и неизвѣстно, какъ долго разговаривали бы они между собою, еслибы не очнулись, услышавъ звонокъ изъ Соплицова».

«То былъ знакъ къ ужину: пора возвращаться домой, тѣмъ-болѣе, что издалека слышенъ былъ трескъ ломавшихся сучьевъ. Быть можетъ, ихъ ищутъ. Виѣтъ возвращаться нельзя; итакъ Телимена справа прокрадывалась вдоль сада, а Тадеушъ бѣжалъ налево на большую дорогу; Оба они въ этомъ отступленіи, нѣсколько были встревожены. Телиментъ показалось, что одинъ разъ, изъ-за кустарника, мелькнуло полъ кашпономъ худощавое лицо бернардина; Тадеушъ хорошо видѣлъ, какъ разъ и другой показалась налево бѣлая и длинная тѣнь; что это было—онъ не зналъ, но предчувствіе говорило ему, что это былъ графъ въ длинномъ, англійскомъ сюртукѣ».

Ужинали въ замкѣ. Охотники молчали; они были недовольны, потому-что монахъ отнялъ у нихъ палму первенства на охотѣ».

«Телимена (продолжаетъ Мицкевичъ) сидитъ бокомъ къ Тадеушу. Она смущена, едва осмѣливается бросить на него взглядъ; уже хотѣла

разсѣять нахмуреннаго графа, вовлечь его въ длинный разговоръ и привести въ лучшее расположеніе духа, потому-что графъ, самъ не свой, возвратился съ прогулки, или вѣрнѣе, какъ думалъ Тадеушъ, изъ засады. Слушая Телимену, онъ гордо поднялъ лобъ, наморщилъ брови, взглянулъ на нее чуть не съ презрѣніемъ; потомъ усѣлся, какъ-можно-ближе, подлѣ Зоси; наливаетъ ей стаканы, приноситъ тарелки, разсыпается въ учтивостяхъ, кланяется, улыбается, иногда вытарищить глаза и глубоко вздыхаетъ. Однакожь было замѣтно, несмотря на искусное притворство, что онъ приволакивался только на злость Телимены, потому-что, поворачивая голову какъ-бы неварочно, каждый разъ бросалъ на Телимену грозный взглядъ.

«Телимена не могла понять, что это значить и, пожавъ плечами, подумала: «хавдрить!» Впрочемъ, довольная новымъ любезничаньемъ графа, она обратилась къ другому своему сосѣду.

«Тадеушъ, также скучный, ничего не ѣлъ и не пилъ; казалось, вслушивался въ разговоры и уткнулъ глаза въ тарелку. Телимена наливаетъ ему вина—онъ сердится за ея докучливость; когда она спросила его о здоровьи—онъ зѣвнулъ. Ему не нравилось (такъ измѣнился онъ въ одинъ вечеръ), что Телимена слишкомъ-податлива на любезности; недоволенъ, что ея платье такъ нескромно; но когда онъ поднялъ глаза, то испугался, взоръ его сдѣлался быстрѣе; едва онъ взглянулъ на розовыя щеки Телимены, въ ту же минуту открылъ великую и страшную тайну—о ужасъ, она нарумянена!

«Румяны ли были нехороши, или какъ-нибудь стерлись случайно, они кое-гдѣ слѣзли и обнажили грубость лица. Можетъ-быть, и самъ Тадеушъ въ *Храмъ Размышленія* (*), разговаривая слишкомъ-близко, смахнулъ съ бѣллы карминъ, который былъ легче пыли на крылышкахъ мотылька. Телимена чрезвычайно-поспѣшно возвращалась изъ лѣса и не имѣла времени поправить цвѣтъ лица; въ особенности около губъ видны были пятна. Тогда-то глаза Тадеуша, какъ хитрые шпионы, открывъ одно предательство, попорядку начинаютъ всматриваться въ прочія прелести и вездѣ открываютъ какой-нибудь недостатокъ: во рту нѣтъ двухъ зубовъ, на лбу и на вискахъ замѣтны морщины и тысяча морщинъ скрывается подъ подбородкомъ!»

Тадеушъ, съ досады, наклонилъ голову надъ тарелкою, молчалъ и кусалъ губы.

«Между-тѣмъ злой духъ прельщаетъ его новымъ искушеніемъ:

(*) Такъ Телимена называла то мѣсто въ лѣсу, гдѣ она встрѣтилась съ Тадеушемъ и куда часто приходила отдыхать.

подслушать о чемъ разговаривала Зося съ графомъ. Дѣвочка, восхищенная любезностью графа, сначала краснѣла, потушивъ глаза, потомъ они начали смѣяться, наконецъ разговаривали о какой-то неожиданной встрѣчѣ въ саду, о томъ, какъ кто-то пробирался черезъ рпейникъ и гряды. Тадеушъ, весь обратясь въ слухъ, глоталъ горькія слова и близко принималъ ихъ къ сердцу. Этотъ разговоръ былъ для него ужасенъ. Какъ змѣя въ саду, которая двойнымъ жаломъ высасываетъ ядовитое зелье, потомъ свернется въ клубокъ и ляжетъ на дорогѣ, угрожая опасностью погѣ, которая неосторожно наступитъ на нее, такъ и Тадеушъ, упоенный отравою ревности, казался равнодушнымъ и кипѣлъ гнѣвомъ».

Разговоръ между гостями мало-по-малу оживился и сдѣлался всеобщимъ; между ними даже произошелъ споръ, кому должна принадлежать шкура убитаго медвѣдя. Подкоморій, между-прочимъ, замѣтилъ: «Сегодня судьба двоихъ подвергла опасности; двое были ближе всѣхъ къ медвѣжьимъ когтямъ, Тадеушъ и графъ: имъ принадлежитъ и шкура. Панъ Тадеушъ уступить—я въ этомъ увѣренъ—какъ младшій и какъ родственникъ хозяина. Итакъ *spolia opima* возьмете вы, графъ, пусть эта добыча украшаетъ вашу охотничью комнату, пусть она служитъ воспоминаніемъ нынѣшней потѣхи, свидѣтельствомъ охотничьяго счастья, побужденіемъ къ будущей славѣ.

«Подкоморій умолокъ, довольный мыслью, что обрадовалъ графа; но онъ не зналъ, какую рану нанесъ его сердцу. Графъ, при воспоминаніи объ охотничьей комнатѣ, невольно поднялъ взоръ... И эти оленьи лбы, эти вѣтвистые рога, какъ лавровый лѣсъ, посаженный рукою отцовъ для вѣнковъ ихъ сыновьямъ, эти колонны украшенные рядами портретовъ, этотъ старый гербъ «пулковицъ», блестящій подъ сводомъ, со всѣхъ сторонъ отозвались ему голосами прошедшаго... Онъ очнулся отъ мечтаній, вспомнилъ, гдѣ и у кого онъ въ гостяхъ; онъ, наследникъ Горешковъ, гость въ своемъ собственномъ жилищѣ, собесѣдникъ Соплицъ, вѣчныхъ враговъ своихъ. Притомъ же зависть, которую онъ чувствовалъ къ Тадеушу, еще сильнѣе вооружила его противъ Соплицъ.

«Итакъ (сказалъ онъ съ горькою улыбкой), мой домикъ очень-малъ и въ немъ нѣтъ мѣста, достойнаго для столь пышнаго дара; пусть лучше медвѣдь ожидаетъ посреди этихъ роконосцевъ, пока судья не соблаговолитъ отдать мнѣ его вмѣстѣ съ замкомъ».

Подкоморій сказалъ на это, что онъ надѣется и желаетъ окончить свой судъ мировою сдѣлкой; что у него готовъ проектъ о замѣнѣ фунда земляю въ видѣ вознагражденія. «Въ это время внезапный шумъ послышался на концѣ стола: одни что-то замѣтили, показываютъ паль-

цемъ, другіе устремляли туда глаза; наконецъ всѣ головы, какъ колосья, наклоненные противнымъ вѣтромъ, обратились на другую сторону, къ углу.

«Изъ угла, гдѣ висѣлъ портретъ покойнаго стольника, послѣдняго изъ рода Горошковыхъ, изъ небольшихъ дверей, скрытыхъ между колоннами, нѣсколько выдвинулась фигура наподобіе призрака. То былъ Гервасій. Его узнали по росту, по лицу, по серебрянымъ пуговицамъ на желтой курткѣ. Онъ шелъ прямо, какъ столбъ, нѣмой и суровый, не снявъ шапки и даже не наклонивъ головы; въ рукѣ онъ держалъ блестящій ключъ наподобіе кинжала, отперъ шкафъ и что-то началъ въ немъ повертывать.

«Въ двухъ углахъ, у самыхъ колоннъ, стояли двои часы съ курантами, запертые въ шкапахъ. Старые чудаки, они давно уже были въ разладѣ съ солнцемъ: часто показывали полдень при заходѣ. Гервасій не сумѣлъ исправить машину, но не хотѣлъ оставлять ее незаведенною; онъ каждый вечеръ терзалъ часы ключомъ, и именно теперь пришла пора заводить ихъ. Когда подкоморій объяснялъ дѣло спорившимъ гостямъ, Гервасій потянулъ гирю: заржавленные колеса заскрежетали выщербленными зубами; подкоморій вздрогнулъ и прервалъ рѣчь: «Любезнѣйшій (сказалъ онъ) отложи на время свою прилежную работу», и оканчивалъ планъ замѣны; но ключникъ, наперекоръ, еще сильнѣе потянулъ другую гирю, и вдругъ снѣгирь, сидѣвшій наверху часовъ, размахивая крыльями, началъ выводить куранты; птичка, искусно сдѣланная, жаль только, что испорченная, заикалась и пицала, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже. Гости въ смѣхъ; подкоморій снова долженъ былъ остановиться. «Почтеннѣйшій ключникъ, или, лучше сказать, филинъ, если тебѣ дорогъ твой носъ, то прекрати этотъ смѣхъ».

«Но эти угрозы нисколько не подѣйствовали на Гервасія: онъ съ важностью положилъ правую руку на часы, а лѣвою уперся въ бокъ. «Господинъ подкоморій (сказалъ онъ), вольно вамъ шутить; воробей меньше филина, но «на своихъ щепкахъ смѣлѣе» (*), нежели филинъ на чужихъ дворахъ. Что ключникъ, то не филинъ; кто на чужой чердакъ влѣзаетъ ночью, тотъ и филинъ, но я выживу его.— «За двери его!» вскричалъ подкоморій.

«— Графъ (сказалъ ключникъ), вы видите, что дѣлается? развѣ еще не довольно позорится ваша честь, что вы ѣдите и пьете вмѣстѣ съ этими Соплицами? И не-уже-ли я, хранитель замка, Гервасій Рем-

(*) Пословица.

байло, ключникъ Горешковъ, долженъ еще переносить оскорбленіе въ домѣ моихъ господъ? и вы, графъ, это стерпите?»

Тутъ вмѣшался возный Протасій и формально объявилъ присутствовавшимъ о произведеніи слѣдствія по дѣлу судьи Соплицы, касательно нападенія на его владѣніе. Гервасій, въ сильномъ гнѣвѣ, замахнулся ключами и бросилъ ихъ въ вознаго, но не попалъ въ него. Всѣ вскочили съ мѣсть. Судья крикнулъ: «въ колодки этого нахала!» Прибѣжали слуги, но графъ стуломъ загородилъ имъ дорогу и прибавилъ, что никому не позволить оскорбить своего слугу въ собственномъ домѣ. Подкоморій замѣтилъ графу, что онъ преждевременно присвоиваетъ себѣ этотъ замокъ, когда еще не сдѣланъ судебный приговоръ. Графъ отвѣчалъ ему оскорбительными словами. Подкоморій и судья горячились и уже кричали, чтобъ имъ подали сабли, но Тадеушъ остановилъ ихъ и обратился къ графу, вызывая его на поединокъ на завтрашній день. Со всѣхъ сторонъ поднялся шумъ и крикъ. Гервасій и графъ находились въ критическомъ положеніи: на нихъ уже летѣли бутылки. Женщины были въ испугѣ и плакали. Телимена упала въ обморокъ, на руки графу; между-тѣмъ толпа слугъ уже бросалась на Гервасія съ кулаками, но Зося заслонила его собою. Гервасій и графъ скрылись въ темномъ корридорѣ. Толпа кричала: «лови его!» Но вотъ ключникъ неожиданно появился на хорахъ, подлѣ стараго органа и началъ вырывать изъ него оловянные трубы. Бросая ихъ сверху, онъ не успѣлъ нанести большаго вреда гостямъ, потому-что всѣ уже выходили изъ залы. Вскорѣ въ уединенномъ замкѣ Горешковъ все успокоилось; но на балконѣ втораго этажа стоялъ графъ, прохладяясь свѣжимъ воздухомъ, а Гервасій большими шагами ходилъ по залѣ. Оба, въ-задумчивости, говорили сами про-себя: «На пистолетахъ» сказалъ графъ: «а если хотять, то на сабляхъ». — «Замокъ» сказалъ ключникъ: «и деревня, и то и другое наше». — «Дядю, племянника» говорилъ графъ: «весь родъ вызывай». — «Замокъ» продолжалъ ключникъ: «деревню и землю берите!» Говоря это, онъ обратился къ графу; «Если вы желаете спокойствія, то все захватите. Къ чему процессъ? дѣло ясно, какъ день, замокъ въ рукахъ Горешковъ находится впродолженіе четырехсотъ лѣтъ. Часть грунтовъ отнята во время торговицкой конфедерации и, какъ вамъ извѣстно, отдана во владѣніе Соплицѣ. Не только эту часть, но и все нужно отнять у нихъ, какъ штрафъ за грабежъ. Я всегда говорилъ вамъ, что нужно бросить процессы и сдѣлать наѣздъ. Такъ бывало встарину: кто однажды присвоитъ себѣ грунтъ, тотъ и владѣлецъ — выиграешь въ полѣ, выиграешь и въ судѣ!»

«— Bravo! сказалъ графъ:—твой готкосарматскій планъ мнѣ нра-

вится больше, нежели адвокатскій споръ. Знаешь ли что? Нашимъ нашествіемъ, неслыханнымъ съ давнихъ временъ, мы надѣлаемъ шуму на всю Литву, да и сами повеселимся. Два года сижу я здѣсь и видѣлъ ли хоть какую-нибудь битву? Развѣ съ мужиками за межу! А въдъ наше нашествіе поведетъ за собою кровопролитіе...»

Здѣсь графъ вспоминаетъ, какъ во время путешествія въ Италію, однажды онъ побѣдилъ разбойниковъ и какъ это происшествіе описано въ романѣ, въ которомъ его называютъ по имени. Романъ имѣлъ заглавіе: «Графъ, или тайства замка Бирбанте-Рокка».

«Есть ли подземелья въ этомъ замкѣ?» — «Есть» отвѣчалъ ключникъ: «огромные подвалы, но пустые, потому-что вино выпито Соплицами». — «Вооружить дворовыхъ жокеевъ!» прибавилъ графъ: «созвать изъ имѣнія вассаловъ!» — «Лакеевъ? сохрани Богъ!» прервалъ Гервасій: «развѣ заѣздъ—низкое дѣло? Кто видѣлъ, чтобъ приступить къ нему съ мужичьѣмъ и лакействомъ? Вы, графъ, вовсе не понимаете заѣздовъ. Вотъ усачи—дѣло другое: усачи пригодятся и не по деревнямъ ихъ искать, а по застѣнкамъ (*), въ Добржынѣ, въ Ржезиковѣ, въ Центычахъ, въ Ромбанкахъ; тамъ стародавняя шляхта, въ жилахъ которой течетъ рыцарская кровь; всѣ преданы роду Горешковъ, всѣ непримиримые враги Соплиць. Тамъ я соберу съ триста усатыхъ шляхтичей—это ужъ мое дѣло!»

Графъ, уходя, взглянулъ сквозь отверстіе бойницы и увидѣлъ, что дворъ Соплицы освѣщенъ множествомъ огней. «Завтра, въ эту пору (вскричалъ онъ) свѣтло будетъ въ нашемъ замкѣ и темно въ вашемъ дворѣ!»

Гервасій остался одинъ. Онъ сѣлъ на полъ и прислонился къ стѣнѣ. Мѣсяцъ освѣщала его лысую голову; видно было, что онъ обдумывалъ планъ будущаго военнаго похода; глаза его мало-по-малу стали слипаться отъ дремоты, но онъ очнулся и, по обыкновенію, началъ произносить вечернія молитвы; но имъ мѣшали какіе-то странные призраки, которые толпились и проносились передъ нимъ. «Ключникъ видитъ Горешковъ (продолжаетъ Мицкевичъ), прежнихъ господъ своихъ: одни несутъ сабан, другіе буждыханы; каждый изъ нихъ грозно поглядываетъ и крутитъ усы; замахивается саблею, встряхиваетъ буждыханомъ; вслѣдъ за ними мелькнула какая-то спокойная и мрачная тѣнь, съ кровавымъ пятномъ на груди. Гервасій вздрогнулъ, узнавъ стольника; онъ началъ ограждать себя крестнымъ знаменіемъ и, чтобъ

(*) Застѣнкою или околицею, называется въ Литвѣ шляхетское селеніе, для отличія отъ обыкновенныхъ сель, или деревень.

вѣриѣ отогнать отъ себя страшныя видѣнія, повторялъ литанію о чистилищныхъ душахъ. И снова стали смыкаться глаза его; въ ушахъ зазвенѣло; онъ видитъ толпу конной шляхты и сверкающія сабли: заѣздъ, заѣздъ, Кореличъ и Рымша впереди! И вотъ онъ видитъ самого себя, какъ онъ мчится на сѣромъ конѣ, съ поднятою надъ головою огромною рапирой; краковскую сермягу развѣваетъ вѣтеръ, а конфедератка (*) сдвинулась съ лѣваго уха назадъ; онъ мчится и по дорогѣ опрокидываетъ конныхъ и пѣшихъ, и наконецъ поджигаетъ Соплицу въ сараѣ... Какъ вдругъ голова, отягченная мечтами, упала на грудь. Такъ заснулъ послѣдній ключникъ замка Горешковъ!»

Часть вторая. Кн. VI. — Застѣнокъ. Мицкевичъ начинаетъ эту часть описаніемъ пасмурнаго утра въ Литвѣ. Читая его, живо чувствуешь обаятельную силу поэтическаго представленія. Попробуемъ, хоть прозаически, но по возможности вѣрно передать это описаніе:

«Изъ влажной темноты чуть-чуть прокрадывается разсвѣтъ безъ румянца, вывода за собою сумрачный день. День давно ужъ взошелъ, но онъ еще едва видѣнъ. Надъ землею висѣла мгла, какъ соломенная крыша надъ убогой хижинной литвина; на восточной сторонѣ, сквозь едва-блѣжущую окранию неба, видно, что солнце взошло и оттуда должно поѣтитъ землю, но идетъ невесело и дорогою дремлетъ».

На большой дорогѣ, съ самаго утра происходитъ необыкновенное движеніе. То во весь опоръ взадъ и впередъ несутся крестьянскія и шляхетскія телеги, то скачетъ посланецъ; все торопится, направляясь въ разныя стороны. Экономъ судьи напрасно вышелъ и хотѣлъ бы разсмотрѣть, что это такое. Въ туманѣ никого нельзя узнать. Ыздоки мелькаютъ, какъ духи, и только слышенъ топотъ копытъ да брацанье сабель. Въ то время ужъ носилась глухая молва о войнѣ, о французахъ и Наполеонѣ, и потому экономъ въ недоумѣніи побѣжалъ къ судѣ, чтобъ ему обо всемъ разказать и самому узнать что-нибудь.

Въ Соплицовѣ, послѣ вчерашней ссоры, домашніе и гости встали недовольные и печальные. Судья съ самаго утра заперся въ комнатѣ и писалъ позывъ къ графу. Наконецъ онъ призываетъ вознаго Протаса и громко читаетъ ему жалобу объ оскорбленіи его чести. Позывъ сегодня же нужно вручить еще до захода солнца. Возный отправляется съ нимъ къ графу; между-тѣмъ приходитъ бернардинъ Робакъ, который играетъ въ этой повѣсти загадочную роль и скрываетъ какіе-то таинственные замыслы, имѣющіе связь съ нашествіемъ французовъ. Бернар-

(**) Шапка.

динъ сталъ уговаривать судью, чтобъ онъ оставилъ тяжбу; напомнилъ ему, что тарговицкая конфедерація отняла часть земель у владѣльца замка и отдала ее Соплицамъ, и что братъ его Яцекъ, далъ обѣщаніе возратить это имѣніе наслѣдникамъ. «Онъ взялъ подъ свою опеку Зося говорилъ бернардинъ), убогую наслѣдницу Горешковъ, и дорого платилъ за ея воспитаніе. Онъ былъ намѣренъ женить на ней Тадеуша и такимъ-образомъ соединить два враждебные дома». — «Что жъ изъ этого? (вскричалъ судья). Какое мнѣ дѣло? Я не зналъ, я даже не видѣлъ Яцка; чуть-чуть только доходили до меня слухи о его гайдамацкой жизни, когда я былъ риторомъ въ езуитской школѣ, потомъ, находясь въ службѣ у воеводы. Онъ передалъ мнѣ имѣніе и я взялъ его; велѣлъ мнѣ принять Зося—я принялъ ее, воспитывалъ и забочусь о ея судьбѣ. Довольно ужъ мнѣ наскучила вся эта бабья исторія!»

Всѣ увѣщанія Рѣбака были напрасны: судья остался непреклоненъ.

Возный, отправившись съ позывомъ къ графу, ужъ не засталъ его дома. Домъ былъ пустъ; самъ графъ и дворня, вооруженные толпою, поскакали по дорогѣ къ Добржинѣ.

Добржинскій застѣнокъ давно ужъ славился мужествомъ своихъ шляхтичей и вѣкогда былъ многолюденъ. «Добржинцы (говоритъ Мицкевичъ) отличались отъ своихъ братьевъ-литовцевъ языкомъ, ростомъ и видомъ—чистая лашская кровь! У всѣхъ у нихъ были черные волосы, высокіе лбы, черные глаза, орлиные носы; они вели свой древній родъ изъ добржицкой земли, и хотя предки ихъ поселились въ Литвѣ, назадъ четыреста лѣтъ, однакожъ они сохранили мазурскій языкъ и мазурскіе обычаи».

Главою всего семейства Добржинскихъ, былъ Матвѣй, или, какъ прозвали его литовцы, *Мацькѣ* (Матюшка). Мицкевичъ говоритъ: «Какъ онъ надъ Добржинскими, такъ домъ его господствовалъ надъ селомъ, находясь между корчмою и церковью. Видно, что рѣдко кто посѣщаетъ его; въ немъ живетъ нищета. Ворота торчатъ безъ створовъ, огороды безъ плетня, незаѣянные, а на грядахъ ужъ выросли березки».

Словомъ, все было старо и гнило; все поросло мхомъ и разрушилось. «Надъ дверьми (замѣчаетъ Мицкевичъ) видны были гербы Добржинскихъ, но ихъ украшенія заслонили собою полки съ сырами и плотно зазеленили гнѣзда ласточекъ».

«Внутри самаго дома, въ конюшнѣ и сараѣ, можно найти множество оружія, какъ въ старомъ арсеналѣ. Подъ кровлею висятъ четыре огромные шлема, украшавшіе чело воиновъ: теперь же птицы Венеры, голуби, воркуя, кормятъ въ нихъ своихъ птенцовъ. Въ конюшнѣ, развѣшенная надъ яслями, большая кольчуга и чешуйчатый панцирь служатъ

вмѣсто яслей, куда мальчикъ бросаетъ для жеребятъ клеверъ. Въ кухнѣ безбожная кухарка накалила нѣсколько рапиръ, положивъ ихъ въ печку вмѣсто вертела, а бунчукомъ, добытымъ въ Вѣнѣ, сметаетъ жернова; словомъ, экономя Церера изгнала Марса и, вмѣстѣ съ Помоною, Флорою и Вертумномъ, царствуетъ въ домѣ Добржинскаго, въ его сараѣ и гумнѣ; но теперь богини снова должны удалиться: Марсъ возвращается.

«На разсвѣтѣ показался въ Добржинѣ конный гонецъ; онъ бѣжитъ отъ одной избы къ другой; будить, какъ-будто на барщину; встаютъ братья-шляхта; улицы застѣнка наполняются толпою; въ корчмѣ слышенъ крикъ; въ церковномъ домѣ свѣтится огонь; бѣгутъ, одинъ у другаго спрашиваетъ, что это значить; старики совѣщаются, молодежь сдѣлаетъ лошадей, женщины ихъ останавливаютъ; мальчики суетятся; всѣ хотятъ бѣжать, драться, но не знаютъ съ кѣмъ и за что! Поневолю нужно остаться. Въ домѣ священника происходитъ продолжительное совѣщаніе среди толпы и чрезвычайнаго волненія; но, наконецъ, когда нельзя было согласить мнѣній, положено было представить все дѣло отцу Мацѣю».

Старику Мацѣю ужъ семьдесятъ-два года; онъ когда-то былъ барскимъ конфедератомъ и во многихъ битвахъ отличался неустрашимою храбростію. Къ нему-то пришли посланные на совѣщаніе, и когда Мацѣй узналъ о важности посольства, то пригласилъ ихъ въ избу; они вошли и сѣли на лавкахъ. Первый изъ посланныхъ сталъ посрединѣ и началъ излагать дѣло.

«Между-тѣмъ (говоритъ Мицкевичъ) шляхта собиралась толпами. Были почти всѣ Добржинскіе; немало сосѣдей изъ окрестныхъ застѣнковъ, вооруженныхъ и невооруженныхъ; въ колымагахъ и бричкахъ, пѣшихъ и конныхъ; одни уставляютъ возы, привязываютъ къ березкамъ своихъ лошадейнокъ; другіе толются вокругъ дома, любопытствуя узнать о послѣдствіяхъ совѣщанія. Вотъ они ужъ наполнили избу, тѣснятся въ сѣняхъ; прочіе вслушиваются, просунувъ головы въ окна».

Кн. VII. Совѣщаніе. Не будемъ подробно разсказывать содержаніе этой книги, потому-что затрудняемся вполнѣ передать на русскій языкъ всѣ возгласы разгоряченной шляхты. Слухи о нашествіи французовъ внушили имъ несбыточныя надежды. Шляхта уже начала помышлять о созваніи конфедерациі; уже раздавались крики: «на войну!» Шумъ и споры не умолкаютъ. Наконецъ въ толпу врывается Гервасій и даетъ знакъ, что хочетъ говорить. Онъ старается отклонить ихъ отъ воинственныхъ замысловъ, потому-что, по его мнѣнію, не въ добржинскомъ застѣнкѣ помышлять о конфедерациі, и что для всей страны будетъ полезнѣе, если

шляхта вооружится противъ недоброжелательныхъ людей, живущихъ съ ними въ одномъ повѣтѣ. Очевидно, онъ хотѣлъ привлечь шляхту на сторону графа. «Кто предательски убилъ лучшаго изъ поляковъ? (говорилъ Гервасій) кто обокралъ его и ограбилъ — кто же?.. говорить ли вамъ?..» Въ отвѣтъ ему раздались голоса: «Соплица! бездѣльникъ! на висѣлицу измѣнника!» И всѣ вмѣстѣ крикнули. «Впередъ, впередъ! на Соплицу!»

Напрасно одинъ изъ шляхтичей защищалъ Соплицу, какъ достойнаго и честнаго обывателя: никто не хотѣлъ его слушать. Шумъ увеличился; шляхта кричала: «Да здравствуютъ Горешки! Впередъ! на Соплицу!»

Итакъ, Гервасій всѣхъ увлекъ своимъ краснорѣчіемъ, потому-что каждый изъ нихъ считалъ себя оскорбленнымъ судьбою, то по поводу межевыхъ споровъ, то изъ зависти къ его богатству. Всѣ окружили Гервасія, поднявъ вверхъ, кто сабли, кто палки.

Въ это время Мацѣй, мрачный и неподвижный, приподнялся со скамьи и медленными шагами выступилъ на средину избы. Съ разстановкою и съ особеннымъ удареніемъ голоса, онъ сказалъ: «Глупцы! глупцы!» и сталъ упрекать ихъ, что они затѣяли распрю въ то время, когда дѣло шло о всеобщемъ благѣ. «Глупцы! (прибавилъ онъ) между вами нельзя ни учредить порядка, ни поставить надъ вами вождя!»

Мицкевичъ, несмотря на свое патріотическое увлеченіе, вѣрно изобразилъ здѣсь народный характеръ своихъ соотечественниковъ и заставилъ стараго Мацѣя высказать имъ горькій упрекъ.

«Всѣ притихли (продолжаетъ поэтъ), какъ пораженные громомъ, но въ ту же минуту внѣ дома раздался страшный крикъ: «Да здравствуетъ графъ!» Онъ подъѣзжалъ ко двору Мацѣя, вооруженный; за нимъ слѣдовало также десять вооруженныхъ жокеевъ. Графъ сидѣлъ на прекрасной лошади, въ черномъ платьѣ; сверху наброшенъ былъ орѣховаго цвѣта плащъ, итальянскаго покроя, широкій, безъ рукавовъ, какъ большое покрывало; застегнутый пряжкой на шеѣ, онъ облегалъ плечи. Шляпа была на немъ круглая, съ перомъ; въ рукѣ шпага; онъ повернулся и шпагою привѣтствовалъ толпу.

«Да здравствуетъ графъ!» раздавались крики. «Съ нимъ вмѣстѣ жить и умереть!» Шляхта начала выглядывать изъ оконъ избы и вслѣдъ за Гервасіемъ тѣснилась у дверей. Гервасій вышелъ; вслѣдъ за нимъ хлынула въ двери и толпа. Мацѣй выгналъ остальныхъ, захлопнулъ и засунулъ двери и, выглянувъ въ окно, еще разъ сказалъ: «глупцы!»

«Между-тѣмъ шляхта толпится вокругъ графа; идутъ въ корчму. Гервасій вспомнилъ былое время, велѣлъ подать себѣ три пояса отъ

кунтушей; вытаскивает на нихъ изъ подвала корчмы три бочки: одна съ медомъ, другая съ водкою, третья съ пивомъ. Онъ вынулъ затычки и вдругъ съ шумомъ брызнули три струи: одна бѣлая, какъ серебро, другая пурпурная, третья желтая; онѣ играютъ вверху тройною радугою и спадаютъ въ сотню звенящихъ кубковъ; шляхта неистовствуетъ; одни пьютъ, другіе желаютъ графу сто лѣтъ жизни и всѣ кричатъ: «ударить на Соплицу!»

Нѣкоторые начали незамѣтно удаляться; шляхта бросилась за ними въ погоню, называя ихъ измѣнниками. Замѣчательно, что Мицкевичъ выставляетъ здѣсь одного шляхтича, своего однофамильца, который стоялъ вдали, не кричалъ и не совѣтовалъ. «Но по выраженію лица его узнали, что онъ замышляетъ что-то недоброе. Итакъ, за сабли! Онъ отступаетъ, отбивается; вотъ уже раненъ и прижать къ забору, но къ нему на помощь подошли Занъ и трое Чечотовъ (*). Послѣ этого розняли шляхту, но, въ суматохѣ, двое ранены были въ руку и одинъ задѣтъ по уху. Прочіе вскочили на коней.

«Графъ и Гервасій все приводятъ въ порядокъ, раздають оружіе и дѣлають приказанія; наконецъ всѣ пустились вскачь по длинной улицѣ застѣнка, съ крикомъ: «Впередъ, на Соплицу!»

Книга VIII. Забѣдъ.—Въ Соплицовѣ все было тихо. Судья и гости вышли послѣ ужина изъ комнатъ, уѣхали на завалинкахъ, устланныхъ дерномъ, чтобъ насладиться, по выраженію Мицкевича, дивною музыкою вечера... Но пусть рассказываетъ самъ поэтъ:

«Эта музыка началась стопами ночной совы подъ кровлею дома; летучія мыши зашелестили дрожащими крыльями и летятъ къ дому, гдѣ свѣтятся стекла оконъ и лица людей; ближе роятся сестрицы летучихъ мышей, ночныя бабочки; привлеченныя женскими бѣлыми платьями, онѣ пуше всего надѣдають Зосѣ, бросаясь ей въ лицо и въ ясные глазки, которые онѣ принимаютъ за двѣ свѣчки. Въ воздухѣ собираются многочисленные рои насѣкомыхъ, снуютъ и издають звуки, какъ гармоника; слухъ Зоси различаетъ въ этомъ непрерывномъ жужжаньи аккордъ мошекъ и фальшивые полутоны комаровъ.

«Въ полѣ вечерній концертъ только-что начался; музыканты только-что окончили настраиваніе инструментовъ; уже три раза прокричалъ коростель, первый скрипачъ на лугу; уже издалека басомъ вторять ему изъ болотъ цапли, уже вьются кулики, поднявшіеся вверхъ, и безпрестанно кричатъ, какъ-будто ударяя въ бубенчики.

(*) Такъ назывались школьные товарищи и друзья Мицкевича.

«Какъ финаль жужжанія мошекъ и птичьихъ криковъ, двойнымъ хоромъ отозвались два пруда, подобно заколдованнымъ озерамъ въ кавказскихъ горахъ, безмолвнымъ впродолженіе дня и издающимъ звуки вечеромъ. Одинъ прудъ, котораго глубина была ясна и берега песчаны, изъ голубой груди издалъ тихій, торжественный стонъ (*). Другой прудъ, съ болотистымъ дномъ и шумной водою, отвѣчалъ ему жалобно-страстнымъ крикомъ; въ обоихъ прудахъ пѣли безчисленныя скопища лягушекъ, два хора, настроенные въ два большіе аккорда: тотъ загремѣлъ фортиссимо, тотъ тихо напѣваетъ; тотъ будто ронцетъ, тотъ только вздыхаетъ; такъ два пруда отвѣчали другъ другу черезъ поле, какъ двѣ золотыя арфы, попеременно-играющія.

«Темнота сгущалась; только въ рощѣ и надъ рѣкою, въ ивахъ, свѣтились волчьи глаза, какъ свѣчки; далѣе, у сжатыхъ окраинъ небосклона, тамъ-и-сямъ мелькали огоньки пастушьихъ ночлеговъ. Наконецъ мѣсяцъ зажегъ свой серебряный свѣточъ, вышелъ изъ-за лѣса и озарилъ небо и землю. Полузакртыя мракомъ, они теперь дремали другъ подлѣ друга, какъ счастливые супруги; небо приняло въ свои чистыя объятія грудь земли, которая яснила, посеребренная мѣсяцемъ.

«На встрѣчу мѣсяцу уже блеснула то одна, то другая звѣзда; вотъ уже мелькаетъ ихъ тысяча, миллионъ. Впереди всѣхъ блистала Касторъ съ братомъ Поллуксомъ, которые нѣкогда назывались у славянъ Леле и Полеле; теперь же въ престонародномъ зодіакѣ переименовали ихъ иначе: одного называютъ Литвою, другаго — Короною.

«Далѣе блестятъ двѣ чашки небесныхъ *Висовъ*; на нихъ Богъ въ день творенія (разсказываютъ старики) взвѣшивалъ попорядку всѣ планеты и земли прежде, нежели въ воздушныхъ пространствахъ укрѣпилъ ихъ тверди; потомъ Онъ повѣсилъ золотые вѣсы на небѣ: ихъ-то люди взяли за образецъ для своихъ вѣсовъ.

«На Сѣверѣ блестятъ кружокъ звѣзднаго *Сита* (**), черезъ которое Богъ, какъ говорятъ, просѣялъ хлѣбныя зерна, когда сбрасывалъ ихъ съ неба для отца Адама, изгнаннаго за грѣхи изъ рая наслажденія.

«Нѣсколько выше колесница *Давида* (***) , готовая въ путь, направляетъ длинное дышло къ Полярной Звѣздѣ. Старики-литовцы утверждаютъ,

(*) Въ подлинникѣ:

Jeden staw, co tou jasną i brzeg miał piaszczysty,
Modrą piersią jęk wydał cichy, uroczysty.

(**) Плеяды—утиное гнѣздо.

(***) Большая Медвѣдица.

что простой народъ несправедливо называетъ ее колесницею Давида, потому, будто бы, что она ангельская. На ней-то въ предвѣчности ѣхалъ Люциферъ, когда вызвалъ на состязаніе Бога, и стремглавъ мчался по млечному пути къ вратамъ небеснымъ; но Михаэль сбросилъ его съ колесницы, а колесницу свергнулъ съ пути. Теперь, испорченная, она брошена между звѣздами.

«Старикамъ-литовцамъ также извѣстно (они узнали объ этомъ, кажется, отъ раввиновъ), что зодіакальный *Драконъ*, длинный и толстый, который извивается по небу звѣздистыми суставами и котораго астрономы ложно честятъ змѣемъ, не змѣй — по рыба, и называется *Левіаѳаномъ*. Въ древнія времена онъ жилъ въ моряхъ, но послѣ потопа издохъ отъ недостатка воды; ангелы, какъ для рѣдкости, такъ и на память, повѣсили его смертные останки на небесномъ сводѣ. Такъ точно Мирекій священникъ повѣсилъ въ церкви ископаемыя ребра и кости великановъ.

«Такую исторію звѣздъ, вычитанную изъ книгъ, или слышанную съ преданія, рассказывалъ войскій. Хотя вечеромъ у старика слабо было зрѣніе и онъ сквозь очки ничего не могъ рассмотретьъ на небѣ, однакожъ, зналъ на-память названіе и видъ каждой звѣзды; пальцемъ указывалъ мѣста и пути ихъ прохожденія.

«Сегодня мало слушали его, вовсе не обращая вниманія ни на *Сито*, ни на *Дракона*, ни даже на *Вльсы*; сегодня глаза и мысли всѣхъ привлекаетъ къ себѣ новый гость, недавно-замѣченный на небѣ — то была *комета* первой величины и силы; она явилась на западѣ и мчалась къ сѣверу, кровавымъ окомъ искося посматривала на колесницу, какъ-бы хотѣла занять пустое мѣсто Люцифера; она отбросила назадъ длинный хвостъ и обхватила имъ третью часть неба, какъ стѣю, зацѣпила безчисленное множество звѣздъ и тащить ихъ за собою, а сама высоко устремляется головою къ сѣверу, прямо къ *Полярной Звѣздѣ*.

«Весь литовскій народъ, съ непостижимымъ предчувствіемъ смотрѣлъ каждую ночь на это небесное чудо, видя въ немъ худое предзнаменованіе, также какъ и изъ другихъ знаковъ; потому-что часто слышали крикъ зловѣщихъ птицъ, которыя, собираясь въ кучки на пустыхъ поляхъ, острили клювы, какъ-бы выжидая труповъ. Очень-часто замѣчали, что сабаки рыли землю и, какъ-бы предчувствуя смерть, пронзительно выли, что предсказываетъ голодъ или войну. Между-тѣмъ лѣсовщики видѣли, какъ черезъ кладбище шла моровая дѣвица, которая встаетъ поверхъ высочайшихъ деревьевъ и въ лѣвой рукѣ развѣваетъ окровавленный платъ.

«Разныя заключенія выводилъ изъ этого приказникъ, который стоялъ

у забора и шелъ отдавать отчетъ о работѣ, да провіантскій писарь, который перешептывался съ экономомъ».

Въ тотъ же вечеръ, когда происходили толки о кометѣ, Тадеушъ пришелъ къ своему дядѣ и объявилъ ему, что на другой же день онъ долженъ непременно выѣхать. «Вы помните (говорилъ онъ), что мы вызвали графа на поединокъ. Драться съ нимъ — мое дѣло; я послалъ вызовъ. Въ Литвѣ поединки запрещены, слѣдовательно я ѣду на границу Варшавскаго Княжества. Правда, графъ фанфаронъ, но у него нѣтъ недостатка въ мужествѣ, и онъ, безъ-сомнѣнія, явится на назначенное мѣсто. Мы раздѣлаемся; и если Богъ благословитъ, то я накажу его, потомъ переплыву за берега Лососны, гдѣ ожидаютъ меня братскіе полки».

Судья былъ изумленъ такимъ неожиданнымъ намѣреніемъ своего племянника; онъ сталъ его уговаривать, чтобъ онъ остался; что дѣло еще можетъ уладиться и графъ попроситъ извиненія; потомъ онъ спросилъ, ужъ не любовь ли причиною его внезапнаго отъѣзда? Тадеушъ признался ему, что онъ любитъ Зося, воспитанницу дяди, и что Телимена ни за что не согласится отдать ее за него. Напрасно судья увѣрялъ его, что онъ упрости Телимену: Тадеушъ рѣшительно объявилъ, что завтра же онъ долженъ ѣхать.

«Судья, крутя усы, сердито поглядывалъ на молодаго человѣка: «Такъ-то ты искрененъ? такъ-то открылъ ты мнѣ свое сердце? Впервые, поединокъ, потомъ любовь и этотъ отъѣздъ! Ого! тутъ есть что-то подозрительное! Мнѣ ужъ говорили, я уже слѣдилъ за тобою. Ты вертопрахъ и вѣтренникъ; ты все лгалъ передо мною. А куда это, сударь, вы ходили третьягодня вечеромъ? чего вы искали вокругъ дома, какъ лагавая собака? О, Тадеушъ! если только ты обольстилъ Зося и теперь хочешь убѣжать, то это тебѣ не удастся, молокососъ! Любишь ли ты, или не любишь, но я объявляю, что ты долженъ жениться на Зося; а если нѣтъ — плеть! Завтра же пойдешь къ вѣнцу. И онъ рассказываетъ мнѣ о чувствахъ, о неизмѣнномъ сердцѣ! Ты лжець! Я до васъ доберусь, сударь; я еще намылю вамъ голову! Довольно у меня было сегодня хлопотъ, такъ-что голова болитъ. И этотъ еще не даетъ мнѣ спокойно заснуть! Иди спать!» Говоря это, онъ отворилъ настежь двери и позвалъ вознаго, чтобъ онъ раздѣлъ его».

Тадеушъ вышелъ, повѣсивъ голову и размышляя о непріятномъ разговорѣ съ дядею. «Какъ тутъ поступить?» думалъ онъ: «если Зося обо всемъ узнаетъ? Просить руки? Но что скажетъ Телимена? Нѣтъ, онъ чувствовалъ, что не могъ долѣе оставаться въ Сонлицовѣ».

«Такъ задумавшись, едва сдѣлавъ онъ два шага, какъ вдругъ кто-то

заступил ему дорогу; онъ взглянулъ и видитъ передъ собою призракъ въ бѣлой одеждѣ, длинный, вытянутый и тонкій; онъ приближался къ нему съ протянутою рукою, на которой отражался дрожащій блескъ мѣсяца, и, подойдя, жалобно произнесъ: «Неблагодарный! ты искалъ моего взора, теперь ты его избѣгаешь; ты искалъ разговоръ со мною, теперь затыкаешь уши, какъ-будто въ моихъ словахъ, въ моемъ взорѣ ядъ! Такъ мнѣ и надобно; я знала, кто ты—мужчина! Чуждаясь кокетства, я не хотѣла тебя мучить и осчастливила... Такъ-то ты отблагодарилъ мнѣ! Торжество надъ мягкимъ сердцемъ окаменило твое сердце; такъ-какъ ты легко покорилъ его, то легко и презрѣлъ! Я заслужила это! но вѣрь мнѣ, что, наученная страшнымъ опытомъ, я презираю сама себя болѣе, нежели ты!»—«Телимена» сказалъ Тадеушъ: «право, у меня не твердое сердце и я не избѣгаю тебя изъ презрѣнія; но ты разсуди сама, вѣдъ насъ видятъ, слѣдятъ; можно ли такъ явно? Чтѣ скажутъ люди? Вѣдъ это неприлично; вѣдъ это, право, грѣхъ». — «Грѣхъ!» отвѣчала она съ горькою улыбкой: «невинность! барашекъ! Я—женщина, отъ любви не обращаю вниманія, откроютъ ли меня или ославятъ, а ты, ты—мужчина! Чтѣ можетъ повредить кому-либо изъ васъ, хотя онъ и признается, что у него есть интрига съ десятью любовницами въ одно время? Говори правду, ты хочешь меня бросить...» И залилась слезами.

Тадеушъ отвѣчалъ ей, что въ его лѣта стыдно оставаться въ деревнѣ, когда всѣ спѣшатъ на войну.

«Я не хочу, сказала Телимена, заграждать тебѣ путь къ славѣ и мѣшать твоему счастью. Ты мужчина, ты найдешь подругу, достойную твоего сердца, болѣе-богатую и прекрасную, чѣмъ я. Только для моего утѣшенія при разлукѣ, пусть я буду знать, что твоя нѣжность была истиннымъ чувствомъ, что это не была только шутка, не пустая шалость, но любовь; пусть я знаю, что мой Тадеушъ любитъ меня! Пусть разъ еще услышу изъ устъ твоихъ слово: *люблю!* Пусть я вырѣжу его въ сердце и запишу въ мысли: мнѣ легче будетъ простить, хотя ты и перестанешь любить меня, помня, какъ ты меня любилъ!» И она начала рыдать.

«Тадеушъ тронулся, видя, что она такъ горько плачетъ и умоляетъ, и требуетъ отъ него такой бездѣлицы; онъ сжалился надъ нею и почувствовалъ къ ней состраданіе. Еслибъ Тадеушъ заглянулъ въ глубину своего сердца; то, можетъ-быть, въ эту минуту и самъ не узналъ бы, любилъ ли онъ, или нѣтъ? Онъ съ живостью сказалъ: «Телимена, да поразить меня громъ, если не правда, что я къ тебѣ былъ очень-привязанъ, или любилъ тебя. Не много минутъ мы провели вмѣстѣ, но

онѣ прошли для меня такъ сладостно и отрадно, что долго и всегда будутъ храниться въ моей душѣ, и я клянусь, что никогда тебя не забуду!

«Телимена бросилась къ нему и повисла у него на шеѣ. «Я ожидала этого. Ты меня любишь—и я могу жить! Нынче еще я рѣшилась—было наложить на себя руки. Если ты меня любишь, дорогой мой, то неужели можешь покинуть меня? Тебѣ отдала я сердце, тебѣ отдамъ и имѣніе; всюду пойду за тобой; вмѣстѣ съ тобою каждый уголокъ міра мнѣ будетъ пріятенъ! Вѣрь мнѣ: любовь самую дикую пустыню превращаетъ въ рай наслажденія.

«Тадеушъ, насильно вырвавшись изъ объятій Телимены, сказалъ: «Какъ, не съ ума ли ты сошла? куда? зачѣмъ? ѣхать со мной? Я, сдѣлавшись простымъ солдатомъ, буду тащить тебя за собою, какъ маркитантку?»—«Такъ мы обвѣнчаемся» сказала Телимена. «Нѣтъ, никогда! вскричалъ Тадеушъ. Я вовсе не имѣю намѣренія ни жениться, ни проводить время въ любви. Пустяки! Оставимъ это! Прошу тебя, милая, раздумай, успокойся. Я тебѣ благодаренъ, но мнѣ жениться невозможно; будемъ любить другъ друга, но такъ, вдали другъ отъ друга. Долге остаться я не могу—нѣтъ, нѣтъ! я долженъ ѣхать. Прощай, моя Телимена, завтра я отправляюсь.

«Сказавъ это, онъ надвинулъ на глаза шляпу и повернулся, чтобъ уйти, но Телимена удержала его взглядомъ и выраженіемъ лица, какъ головою Медузы. Онъ невольно долженъ былъ остановиться и съ смущеніемъ смотрѣлъ на нее: она стояла блѣдная, неподвижная, безъ дыханія и безъ жизни. Наконецъ, протягивая руку, какъ мечъ для удара, съ пальцемъ, направленнымъ прямо въ глаза Тадеуша, она вскричала: «Этого я и хотѣла! А! языкъ крокодила! сердце вѣрицы! Это ничего, что, отдавшись тебѣ, я пренебрегла ассессоромъ, графомъ и регентомъ, что ты обольстил меня и теперь бросилъ сиротою?—Это ничего? Ты мужчина; знаю я ваше безпутство; знаю, что ты, какъ и другіе, могъ бы сдѣлаться вѣроломнымъ; но не знала я, что ты такъ подло умѣешь лгать! Я поделушала у дверей дади. Такъ этотъ ребенокъ, Зося, приглянулся тебѣ? И ты имѣешь на нее лукавые виды? Едва успѣлъ обмануть одну несчастную и уже въ ея глазахъ искалъ новыхъ жертвъ! Бѣги! но мои проклятія достигнутъ тебя; или останься—я обнаружу передъ свѣтомъ твои безчестные поступки, твои хитрости: они уже не обманутъ другихъ, какъ обманули меня. Прочь! Я презираю тебя! ты лжець! ты человекъ подлый!..

Тадеушъ задрожалъ и поблѣднѣлъ, какъ трущъ, отъ такой обиды. Онъ ушелъ, но слово: «подлый» преслѣдовало его; онъ чувствовалъ,

что былъ неправъ передъ Телименою, между-тѣмъ не смѣлъ и подумать о Зосѣ, которая могла бы сдѣлаться его женою, еслибъ не замѣшалась тутъ Телимена. Ему мелькнула мысль о поединкѣ; онъ жаждалъ убить графа. Можетъ-быть, графъ любитъ Зосю; можетъ-быть, и она любитъ его. Тадеушъ впалъ въ отчаяніе и даже готовъ былъ посягнуть на самоубійство, но Телимена, замѣтивъ его волненіе и видя, что онъ побѣжалъ къ прудамъ, испугалась, хотя и пылала къ нему справедливымъ гнѣвомъ. Она пустилась за нимъ въ погоню и кричала ему, чтобъ онъ остановился; но Тадеушъ уже былъ далеко, надъ самымъ прудомъ. Такъ случилось, что по тому же самому берегу ѣхалъ графъ, сопровождаемый своими жокеями. Онъ восхищался прелестями ночи и остановилъ свою лошадь, любуясь прекрасными видами.

Вотъ картина, описанная Мицкевичемъ:

«И въ-самомъ-дѣлѣ, окрестность была живописна! Два пруда повернулись лицомъ другъ къ другу, какъ влюбленная чета. Воды праваго пруда были гладки и чисты, какъ щеки дѣвушки; у лѣваго нѣсколькотемнѣе, какъ смуглое лицо юноши, уже осмыанное пушкомъ мужества. Правый прудъ сверкалъ золотистымъ пескомъ, какъ-будто свѣтлыми волосами; а вершина лѣваго наѣжилась кустарниками, нахохлилась ивами; оба они убраны были покровомъ изъ зелени.

«Вытекающіе изъ нихъ два потока соединяются, какъ двѣ руки, вмѣстѣ связанныя; потокъ спадаетъ далѣе, внизъ, спадаетъ, но не исчезаетъ, потому-что въ темный оврагъ онъ уноситъ на своихъ волнахъ позолоту мѣсяца; вода спадаетъ уступами и на каждомъ уступѣ сверкаютъ лучи мѣсячнаго блеска; свѣтъ въ оврагѣ разсыпается на мелкіе отпрыски; быстрина схватываетъ ихъ и уноситъ въ глубину, а сверху снова блескъ мѣсяца упадаетъ горстами. Можно бы подумать, что надъ прудомъ сидитъ Свитезянка (*); одной рукою выливаетъ струю изъ бездоннаго кувшина, а другою, для забавы, бросаетъ въ воду горстями заколдованное золото, доставая его изъ передника.

«Но вотъ, выбѣжавъ изъ оврага, ручей растекается по равнинѣ, притихаетъ, хотя и видно, что плыветъ, потому-что вдоль его подвижной, зыбучей поверхности мерцаетъ дрожащій блескъ мѣсяца. Какъ прекрасный жмудскій змѣй, называемый Гивойтосомъ, который, повидному, дремлетъ, лежа между верескомъ, ползетъ, попеременно сверкая-то серебромъ, то золотомъ, и наконецъ вдругъ исчезаетъ передъ глазами во мху, или въ папоротникахъ: такъ извивающійся ручей скрывался въ олешиникахъ, которые чернѣлись на окраинахъ небосклона,

(*) Родъ русалокъ, по имени рѣки Свитези.

возносясь легкими образами, неясными для зрѣнія, какъ духи, вполнину видимые, вполнину скрытые облакомъ.

«Между прудами во рву укрывалась мельница: какъ старый опекунъ, который, слѣдя за любовниками, подслушалъ ихъ разговоръ, сердится, ворчить, трясетъ головой, руками, и бормочетъ угрозы: такъ затряслась и эта мельница, обросшая мхомъ, и, поворачивая кругомъ свои колеса, едва заворчала и зашевелила зубастыми скулами, какъ въ ту же минуту заглушила любовную бесѣду двухъ прудовъ и разбудила графа.

«Графъ, видя, что Тадеушъ такъ близко подошелъ къ его военному посту, кричить: «Къ ружью! хватай!» Жюкеи бросились и, прежде нежели Тадеушъ могъ узнать, что съ нимъ дѣлается, уже схватили его; бѣгутъ къ нему, врываются во дворъ; въ домѣ все просыпается; собаки лаютъ, сторожа кричатъ; выбѣжалъ полуодѣтый судья; онъ видитъ вооруженную толпу, думаетъ, что это разбойники и наконецъ узнаетъ графа. — «Что это?» спрашиваетъ онъ. Графъ махнулъ надъ нимъ шпагой, но, видя безоружнаго, умѣрилъ свою запальчивость. — «Соплица, сказалъ онъ, давнишній врагъ моего рода. Нынче я накажу тебя за прежніе и новые проступки; нынче ты отдашь мнѣ отчетъ въ присвоеніи себѣ моего имущества, прежде нежели я отомщу за оскорбленіе моей чести!»

Судья былъ изумленъ такимъ поступкомъ графа и отвѣчалъ ему, что онъ не позволитъ оскорбить себя. Вскорѣ сбѣжались его слуги, одни съ палками, другіе съ ружьями. Уже готова была завязаться битва, но судья остановилъ ее, видя невозможность защищаться, потому-что къ графу подскакала новая толпа и уже раздавались выстрѣлы изъ ружей. — «Я вижу (сказалъ судья), что хотятъ начать разбой!» Поднялась всеобщая суматоха; вдругъ послышался пронзительный крикъ Зоси, которая обхватила Соплицу руками. Между-тѣмъ, въ толпу, между лошадьми, ворвалась Телимена и, протянувъ къ графу руки, стала умолять его о пощадѣ; потомъ она упала въ обморокъ; графъ подбѣжалъ къ ней на помощь, нѣсколько смущенный этой сценою. «Эта шпага (говорилъ онъ) никогда не занятнается кровью безоружныхъ. Соплицы! вы мои плѣнники.»

Мало-по-малу гнѣвъ графа прошелъ; онъ думалъ, какъ бы кончить битву безъ кровопролитія и велѣлъ занереть въ домъ семейство Соплицы. Въ это время, съ крикомъ: «на Соплицу!» толпою врывается шляхта, окружаетъ дворъ и беретъ его штурмомъ. Гервасій хлопочетъ о томъ, чтобъ ввести графа во владѣніе имѣніемъ Соплицы; между-тѣмъ шляхта занимается грабежемъ и распоряжается, какъ у себя дома.

«Раскладываютъ множество огней (говоритъ Мицкевичъ), варятъ, жа-

рять, пекутъ; столы гнутся подъ тяжестью мяса; напитки текутъ рѣкою; шляхта хочетъ эту ночь проѣсть, пропить и пропѣть. Но мало-помалу все начали дремать и зѣвать; глазъ угасаетъ за глазомъ, и вся толпа киваетъ головами; каждый, гдѣ сидѣлъ, тамъ и падаетъ; одинъ съ блюдомъ, другой надъ кружкой, а тотъ надъ четвертью вола. Такъ, наконецъ, побѣдилъ побѣдителей сонъ, братъ смерти.»

Кн. IX. Битва. — Не будемъ передавать подробностей этой книги, въ которой всего мѣнѣе проглядываетъ великій талантъ пристрастнаго поэта. Здѣсь онъ впалъ въ карикатуру, въ которой все неестественно и преувеличено. Скажемъ только нѣсколько словъ о содержаніи этой книги. На другой день, когда проснулась пьяная шляхта, на нее напалъ мѣстный гарнизонъ и перевязалъ ее. Тутъ, разумеется, избавителями являются таинственный бернардинъ Рѣбакъ и Мацѣй. Враждующія между собою обѣ стороны соединяются. Они спаваютъ гарнизонъ и такимъ образомъ остаются побѣдителями. «Такъ кончился послѣдній заѣздъ въ Литвѣ!» прибавляетъ Мицкевичъ въ заключеніе этой книги.

Кн. X. Эмиграція. Яцекъ. — Шляхта, видя, что предъидущая битва можетъ имѣть для нихъ худыя послѣдствія, положила въ общемъ совѣтѣ, чтобъ главные зачинщики удалились въ Герцогство Варшавское и чтобъ такимъ образомъ можно было свалить на нихъ всю вину происшедшихъ въ то время безпорядковъ.

Судья желалъ, чтобъ Тадеушъ еще до своего отъѣзда обручился съ Зосею, потому-что Телимена уже была на это согласна; но Тадеушъ объявилъ, что есть разныя причины, которыя препятствуютъ ему обручиться. «Если Зося согласна будетъ подождать, то, можетъ-быть, вскорѣ она меня увидитъ лучшимъ, болѣе-достоиннымъ ея; можетъ-быть, моимъ постоянствомъ я заслужу ея взаимность; можетъ-быть, украсу мое имя хоть скромною славою; можетъ-быть, мы вскорѣ возвратимся на родину: тогда, дядюшка, я вамъ припомню ваше обѣщаніе, тогда на колѣняхъ упаду передъ Зосею и, если она будетъ свободна, попрошу руки ея. Теперь я оставляю Литву, можетъ-быть, на долгое время, а между-тѣмъ Зося можетъ понравиться кто-нибудь другой; я не хочу связывать ея свободы: просить о взаимности, которой я не заслужилъ, было бы низко».

«Когда молодой человѣкъ съ чувствомъ произносилъ слова эти, въ его большихъ голубыхъ глазахъ блеснули двѣ крупныя жемчужины—двѣ слезы, и быстро скатились по румянымъ щекамъ.»

«Но любопытная Зося изъ глубины алькова, сквозь щель, подслушивала таинственный разговоръ; она слышала, какъ Тадеушъ просто и

смѣло разсказала свою любовь; въ ней затрепетало сердце; она видѣла эти двѣ крупныя слезы въ его глазахъ. Хотя она не могла понять его тайны, зачѣмъ онъ полюбилъ ее, зачѣмъ ее оставляетъ, куда уѣзжаетъ, однакожь, этотъ отъездъ печалилъ ее. Въ первый разъ въ жизни услышала она изъ устъ юноши странную и чрезвычайную новость, что была любима. Она сейчасъ же побѣжала туда, гдѣ стоялъ небольшой домашній напой, взяла оттуда образокъ и ковчежець; на этомъ образкѣ была изображена святая Женевьева, а въ ковчежцѣ хранилась одежда св. Іосифа, патрона обрученныхъ. Съ этими священными вещами она вошла въ комнату.

«— Вы такъ скоро уѣзжаете? Я дамъ вамъ на дорогу небольшой подарокъ и, вмѣстѣ, наставленіе: носите всегда съ собою этотъ ковчежець и этотъ образокъ, и не забывайте Зою. Пусть Господь Богъ хранить васъ въ здоровьѣ и счастьи, и пусть благополучно вскорѣ возвратитъ васъ къ намъ». Она замолчала и наклонила голову; едва только сомкнула голубыя глазки, съ рѣсницъ побѣжали обильныя слезы, и Зося, закрывъ глаза, молчала и сыпала слезами, какъ брильянтами.

«Тадеушъ, принимая подарки и цалуя руку Зою, сказала: «Я уже долженъ проститься съ вами. Итакъ, прощайте, вспоминайте обо мнѣ и иногда за меня помолитесь...» Больше онъ не могъ говорить.

«Но графъ, неожиданно—вошедши съ Телименою, замѣтилъ нѣжное разставанье молодой четы; онъ былъ тронутъ и, взглянувъ на Телимену, сказалъ: «Сколько прелести въ этой простой сценѣ, когда душа пастушки съ душою воина, какъ лодка съ кораблемъ, должна различиться во время бури! Дѣ, ничто такъ не воспламеняетъ въ сердцѣ чувствъ, какъ разлука двухъ сердець. Время—это вѣтеръ, онъ только задуетъ небольшую свѣчку, но большой пожаръ еще сильнѣе вспыхнетъ отъ вѣтра. И мое сердце способно сильнѣе любить издалека! Соплица! я считалъ тебя соперникомъ; эта ошибка была одною изъ причинъ нашей печальной распри, которая меня заставила обнажить противъ тебя шпагу. Сознаю мою ошибку: ты вздыхалъ о пастушкѣ, я же — отдаю мое сердце этой прекрасной нимфѣ!»

При этомъ графъ изъявилъ желаніе, чтобъ все обиды были забыты ими. «Будемъ состязаться (прибавилъ онъ), кто кого опередитъ въ чувствѣ любви. Оба оставимъ драгоценные предметы нашихъ сердець и поспѣшимъ на битву!»

Телимена сначала была чрезвычайно изумлена такою выходкою сантиментальнаго графа, но потомъ, какъ-бы тронутая его самоотверженіемъ, сказала ему: «Мой рыцарь! когда ты вступишь въ воинственные ряды, обрати нѣжный взоръ на цвѣтъ своей возлюбленной (здѣсь,

оторвавъ отъ платья ленточку, она сдѣлала бантикъ и пришила его къ груди графа): пусть этотъ цвѣтъ указываетъ тебѣ путь къ огненоснымъ пушкамъ, къ сверкающимъ шикамъ и къ граду пуль. Когда же ты прославишься храбрыми подвигами, когда твой окровавленные доспѣхи и твой шлемъ, гордый побѣдою, осынятся безсмертными лаврами, и тогда еще обрати взоръ на эту ленточку: вспомни, чья рука приколола этотъ цвѣтъ». Здѣсь она подала ему руку, которую графъ поцаловалъ, преклонивъ колѣни. Телимена одинъ глазъ закрыла платкомъ, а другимъ свысока взглянула на графа, который простался съ нею, сильно-взволнованный. Она вздыхала, но пожала плечами.

Между-тѣмъ Тадеушъ со слезами простался съ дядею и поцаловалъ руку у бернардина Робака, который съ чувствомъ благословилъ его и зарыдалъ. Когда уже Тадеушъ вышелъ, судья обратился къ Робаку съ вопросомъ: «Ты, братъ, ничего ему не скажешь? даже теперь онъ ни о чемъ не узнаетъ, передъ своимъ отъѣздомъ?» Бернардинъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ ему, бѣдному, знать, что у него есть отецъ, который скрылся отъ свѣта, какъ разбойникъ, какъ убійца?»

Мы сейчасъ узнаемъ исторію жизни бернардина, который былъ не иной кто, какъ братъ судьи, Яцекъ.

Бернардинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ предыдущей схваткѣ и сильно-раненный, принужденъ былъ остаться на мѣстѣ: силы его ослабѣли. Онъ проситъ брата послать за священникомъ, между-тѣмъ остаться съ нимъ наединѣ вмѣстѣ съ Гервасіемъ и запереть двери.

«Судья исполнилъ желаніе Робака: сѣлъ подлѣ него на постели, а Гервасій стоялъ, опершись локтемъ на рукоятку сабли и поддерживая руками наклоненный лобъ.

«Робакъ, прежде нежели началъ говорить, уставилъ въ Гервасія взоръ и хранилъ таинственное молчаніе. Какъ хирургъ сперва кладетъ мягкую руку на болящее тѣло, прежде нежели нанесетъ острѣею ударъ, такъ Робакъ смягчилъ выраженіе своихъ быстрыхъ глазъ, долго наводилъ ихъ на глаза Гервасія; наконецъ, какъ бы намѣреваясь нанести слѣпой ударъ, заслонилъ глаза рукою и твердымъ голосомъ произнесъ:

— «Я Яцекъ Соплица...

Гервасій при этихъ словахъ поблѣднѣлъ и пошатнулся.

«Рембайло (говорилъ бернардинъ), гнѣвъ людской уже меня не смутить, ибо меня уже постигла десница Божія. Заклинаю тебя именемъ Того, который спасъ мѣръ, на крестѣ благословлялъ своихъ убійцъ и внялъ просьбѣ разбойника — заклинаю тебя быть снисходительнымъ и терпѣливо выслушать то, что я буду рассказывать. Я самъ открылъ себя; для успокоенія совѣсти я долженъ снискать, или по-крайней-

мѣрѣ выпросить прощеніе. Выслушай мою исповѣдь, потомъ дѣлай со мною что хочешь». Говоря это, онъ сложилъ обѣ руки, какъ на молитву. Гервасій съ изумленіемъ попытлся назадъ, ударилъ себя рукою въ лобъ и пожалъ плечами.

«Бернардинъ сталъ разсказывать о своей давнишней дружбѣ съ Горешкою и о любви къ его дочери и, вслѣдствіе этого, о своей распрѣ съ стольникомъ. Но онъ разсказывалъ беспорядочно; часто мѣшалъ въ свою исповѣдь ропотъ и жалобы, часто прерывалъ рѣчь, какъ-бы оканчивая ее, и снова начиналъ.

«Гервасій, подробно знавшій исторію Горешковъ, приводилъ себѣ на память и дополнялъ всю эту перепутанную повѣсть; но судья многого вовсе не понималъ въ ней. Оба они внимательно слушали, наклонивъ головы, а Яцекъ продолжалъ разсказывать медленнѣе и медленнѣе, и часто останавливался».

Яцекъ Соплица напомнилъ Гервасію, какъ, бывало, стольникъ часто приглашалъ его къ себѣ, и какъ съ нимъ былъ друженъ.

«Между-тѣмъ (говорилъ онъ) уже вездѣ разносилась молва; каждый говорилъ мнѣ: «ой, панъ Соплица! напрасно вы лѣзете вверхъ: пороги сановника слишкомъ-высоки для ногъ подчашича Яцека». Я смѣялся, показывая видъ, что издѣваюсь надъ магнатами и ихъ дочерьми, и презираю аристократовъ; и если бываю у нихъ, то дѣлаю это изъ дружбы, а женюсь только на равной себѣ. Однакожъ, эти шутки задѣвали меня за живое; я былъ молодъ, отваженъ; для меня былъ открытъ свѣтъ въ странѣ, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, природный шляхтичъ наравнѣ съ панами кандидатъ на корону. Вѣдь нѣкогда Тенчинскій просилъ себѣ невѣсту изъ королевскаго дома, и король, не стыдясь, отдалъ ему ее. Развѣ преимущества Соплицъ не равняются Тенчинскимъ кровію, гербомъ и вѣрною службою Рѣчи-Посполитой?»

Но стольникъ такъ былъ гордъ, что когда Соплица просилъ у него руку дочери, онъ отказалъ ему. Отецъ желалъ отдать ее замужъ за витебскаго кастелана, который уже сватался за нея.

«Яцекъ! (сказалъ Гервасій) ты представляешь основательныя причины, но онѣ не уменьшаютъ вины твоей. Не разъ уже случилось на свѣтѣ, что если кто полюбилъ дочь знатной, или королевской фамиліи, то старался силою взять ее, выискивалъ средства къ ея похищенію, готовъ былъ мстить открыто; но такъ хитро нанести смерть польскому пану! и въ Польшѣ!»

«Похитить силою? (отвѣчалъ Яцекъ) да, я могъ бы; изъ-за рѣшетокъ, изъ-подъ замковъ я вырвалъ бы ее; я разрушилъ бы до тла его замокъ! За меня стояли Добржинъ и четыре застѣнка. Ахъ, еслибъ

она похожа была на нашихъ шляхтянокъ! еслибъ она была сильна и здорова! еслибъ не испугалась бѣгства, погони и могла бы слышать звукъ оружія! Но ее, бѣдную, родители такъ нѣжили! Она была такъ слаба и пуглива! Это была куколка мотылька, весенняя гусеница. Такъ похитить ее, дотронуться до нея вооруженною рукою значило бы убить ее... нѣтъ... я не могъ... Мстить открыто, штурмомъ обратиться въ развалины — стыдно! сказали бы, что я мстилъ за отказъ! Твое честное сердце, Гервасій, не въ-состояніи почувствовать, сколько есть адскихъ мученій въ оскорбленной гордости! Злой духъ гордыни сталъ мнѣ внушать лучшіе планы: приготовить кровавую месть, но скрывать причину мщенія; не бывать въ замкѣ, заглушить въ сердцѣ любовь, позабыть Еву, жениться на другой, и потомъ, потомъ найти какой-нибудь поводъ къ ссорѣ и отомстить. И я уже думалъ, что мое сердце измѣнилось! Я радъ былъ моему замыслу! Я наконецъ женился на первой, бѣдной дѣвушкѣ, которую встрѣтилъ. Я худо сдѣлалъ; и какъ жестоко я былъ наказанъ! Я не любилъ ее. Бѣдная мать Тадеуша была самая преданная мнѣ и самая честная душа; но я питалъ въ моемъ сердцѣ прежнюю любовь и злобу; я былъ какъ сумасшедшій; напрасно я принуждалъ себя заняться хозяйствомъ или дѣлами—все было напрасно! Одержимый демономъ мести, сердитый, брюзгливый, я ни въ чемъ на свѣтѣ не могъ найти утѣшенія, и такъ переходя отъ грѣховъ къ новымъ грѣхамъ, я началъ пить...

«— Вскорѣ умерла съ горести и жена моя, оставивъ мнѣ ребенка... Меня пожирало отчаяніе...

«— Какъ я любилъ эту бѣдняжку въ продолженіе столькихъ лѣтъ! Гдѣ ни былъ я, но до-сихъ-поръ не могу забыть ее, и ея милый образъ всегда стоитъ передъ моими глазами, какъ-бы изображенный на картинѣ! Я пилъ и не могъ даже на минуту затмить память или лишиться ея, хотя я бродилъ въ столькихъ странахъ. И вотъ теперь я, въ монашеской рясѣ, я, Божій служитель, на ложѣ смерти, въ крови—такъ долго говорилъ о ней... Въ эти минуты говорить объ этомъ?.. Прости, Господи!.. Вы должны знать, съ какимъ сожалѣніемъ и отчаяніемъ я совершилъ...»

«— ...Это было вскорѣ послѣ ея обрученія; вездѣ только и говорили объ этомъ; рассказывали, что Ева, когда брала обручальное кольцо изъ рукъ воеводы, упала въ обморокъ, что она занемогла горячкою, что у нея зародыши чахотки, что она безпрестанно рыдаетъ; догадывались, что она втайнѣ кого-то любитъ... Но стольникъ, попрежнему спокойный, веселый, давалъ въ замкѣ пиры, собиралъ друзей; меня

онъ ужь не приглашалъ, да и на что я былъ ему нуженъ? Безпорядокъ у меня въ домѣ, нищета; моя позорная привычка сдѣлала меня въ свѣтѣ предметомъ презрѣнія и насмѣшки, тогда—какъ я, могу сказать, когда-то приводилъ въ трепетъ весь повѣтъ, тогда—какъ меня ласкалъ Радзивиллъ, тогда—какъ у меня, если я выѣзжалъ изъ своего застѣнка, былъ дворъ гораздо—многочисленнѣе княжескаго! Когда я обнажалъ саблю, то вокругъ меня сверкало нѣсколько тысячъ сабель, угрожавшихъ замкамъ пановъ—и потомъ надо мною смѣялись крестьянскія дѣти! Такимъ ничтожнымъ вдругъ сдѣлался я въ глазахъ людей! Яцекъ Соплица! кто знаетъ, что такое чувство гордости?..»

Здѣсь бернардинъ лишился силъ и упалъ на постель. Встревоженный Гервасій едва вѣрилъ, что это былъ Яцекъ Соплица. Когда онъ пришелъ въ чувство, то снова сталъ продолжать свой разсказъ. Онъ вспоминалъ, какъ стольникъ остался побѣдителемъ въ схваткѣ съ солдатами. «Со стыдомъ уѣзжалъ я (говорилъ бернардинъ); тогда было утро; вдругъ я увидѣлъ, я узналъ его... Онъ вышелъ на крыльцо, съ брильянтовой запонкою, блестящею на солнцѣ; гордо крутилъ онъ свой усъ и гордый взоръ бросалъ онъ, и мнѣ показалось, что онъ издѣвался прямо надо мной, что онъ узналъ меня и такъ протянулъ ко мнѣ руку, насмѣхаясь и угрожая; я схватываю солдатское ружье, едва приложился, почти не цѣлилъ, оно выстрѣлило... Ты знаешь!

«Проклятое огнестрѣльное оружіе! Кто убиваетъ мечомъ, тотъ долженъ выбирать положеніе, напирать, отражать, уклоняться, тотъ можетъ обезоружить врага, на половинѣ размаха удержать мечъ; но это огнестрѣльное оружіе! довольно схватить за курокъ... минута... одна искра... Убѣгалъ ли я, когда ты сверху въ меня цѣлился? Я не сводилъ глазъ съ двухъ стволовъ твоего ружья... Какое—то отчаяніе, странное сожалѣніе приковало меня къ землѣ! Ахъ, Гервасій, зачѣмъ же ты тогда не попалъ въ меня? ты оказалъ бы мнѣ милость. Видно, въ наказаніе за грѣхъ, нужно было...»

Здѣсь онъ снова едва переводилъ духъ. «Видитъ Богъ (сказалъ Гервасій), что я отъ души желалъ попасть въ тебя; сколько крови пролилъ ты однимъ своимъ выстрѣломъ! сколько бѣдствій обрушилось на насъ и на твое семейство! и все это по твоей винѣ, нашъ Яцекъ! Какъ бы то ни было, сегодня, когда солдаты прицѣлились въ графа, послѣдняго изъ Горешковъ, хотя и въ женской линіи, ты заслонилъ его собою, и когда въ меня былъ прицѣленъ выстрѣлъ, ты отбросилъ меня на землю и такъ спасъ насъ обоихъ. Если правда, что ты монахъ, то, безъ—сомнѣнія, твоя ряса защищаетъ тебя противъ моей

сабли. Прощай, нога моя болѣе не переступитъ вашъ порогъ. Между нами все кончено, остальное предоставимъ Богу.

«Яцекъ протянулъ руку, но Гервасій отшатнулся отъ него. «Я не могу (сказалъ онъ) безъ оскорбленія моего шляхетства прикоснуться къ рукѣ, окровавленной такимъ убійствомъ изъ личнаго мщенія, а не для общаго блага».

«Но Яцекъ, скатившись съ подушекъ на постель, обратился къ брату; лицо его болѣе-и-болѣе покрывалось блѣдностью; онъ съ безпокойствомъ просилъ послать за священникомъ и говорилъ Гервасію: «Умоляю тебя, останься, я сейчасъ доскажу, у меня едва достаесть силъ окончить, Гервасій; я умру въ эту ночь...» — «Братъ, что ты говоришь? вскричалъ судья: «я видѣлъ: рана не велика; послать за священникомъ; можетъ-быть, худо перевязали... послать сейчасъ за докторомъ, онъ въ аптекѣ...» Бернардинъ прервалъ его: «уже не время, братъ! Тутъ была давнишняя рана; я получилъ ее подъ Іеною... Она худо зажила, а теперь растравлена... Здѣсь ужъ антоновъ огонь; раны мнѣ знакомы... Смотри, какая черная кровь—какъ сажа... поможеть ли тутъ докторъ? Но это ничего не значить. Одинъ разъ мы умираемъ—не все ли равно, завтра или сегодня отдать душу?... Гервасій, прости мнѣ, я долженъ кончить...»

Онъ еще боролся съ самимъ собою, еще рассказывалъ, какъ онъ убѣждалъ изъ родины и сколько страдалъ, чтобъ самоотверженіемъ загладить вину свою. Дочь стольника, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, воеводою, умерли гдѣ-то въ изгнаніи; послѣ нихъ осталась на роднѣ маленькая дочь Зося, уже извѣстная намъ изъ предыдущаго разсказа. Яцекъ Солища заботился о ея воспитаніи.

Бернардинъ, окончивая разсказъ о своихъ страданіяхъ, говорилъ: «Можетъ-быть, я сдѣлался убійцею не столько изъ любви, сколько изъ глупой гордости... Итакъ, нужно было покаяніе... Я вступилъ въ монастырь—я, нѣкогда гордившійся происхожденіемъ, я, бывшій храбрецомъ, потушилъ голову, сдѣлался квесторомъ, назвался Робакомъ, потому-что, какъ червь во прахѣ...» (*)

Гервасій, тронутый искреннимъ признаніемъ бернардина, наконецъ сказалъ ему: «Кто печалитъ умирающаго, тотъ грѣшитъ. Я тебѣ что-то расскажу и это тебя утѣшитъ. Когда мой покойный господинъ упалъ, раненый, а я, на колѣняхъ, припавъ къ его груди и удерживая кровь въ его ранѣ, поклялся отметить, стольникъ приподнялъ голову, протянулъ руку къ воротамъ въ ту сторону, гдѣ ты стоялъ и

(*) Червь попольски: *robak*.

сдѣлалъ на воздухѣ крестное знаменіе; онъ ужь не могъ говорить, но знаками показывалъ, что простилъ убійцѣ. Я понялъ, но такъ былъ озлобленъ, что объ этомъ крестѣ никогда не сказалъ ни слова...»

Здѣсь разговоръ былъ прерванъ страданіями больного. Настало продолжительное молчаніе. Ожидаютъ священника. Въ это время прискакалъ гонецъ съ чѣмъ-то письмомъ къ бернардину. Въ немъ, между прочимъ, увѣдомляли, что Наполеонъ уже объявилъ всему свѣту войну, что въ Варшавѣ созванъ сеймъ и мазовецкіе чины къ чему-то приготавливаются.

Ящикъ уже кончался, когда ему дочитывали это письмо.

«Вѣ стали на колѣни; въ то же время за дверьми послышался звонокъ: то былъ знакъ, что прибылъ священникъ съ Святыми Дарами.

«Тогда только-что стало свѣтать; сквозь блѣдно-розовое небо пробивались первые солнечные лучи; они проникли сквозь оконныя стекла; какъ брильянтовыя стрѣлы, отразились на головѣ страдальца и озолотили лицо его, и онъ сіялъ, какъ праведникъ, въ огненномъ вѣнцѣ...»

Книга XI. 1812 годъ.—Эта книга начинается обращеніемъ къ 1812 году. «Народъ (говоритъ Мицкевичъ) до-сихъ-поръ называетъ тебя урожайнымъ годомъ, а солдатъ—годомъ войны. До-сихъ-поръ старики любятъ резеказывать о тебѣ, до-сихъ-поръ о тебѣ поются пѣсни. Давно уже небесное чудо ознаменовало тебя и глухая молва въ народѣ тебѣ предшествовала.

«Когда, въ первый разъ на весну (далѣе говоритъ поэтъ), выгоняли скотъ, то замѣчали, что, хотя онъ былъ голоденъ и худъ, не бѣжалъ на озимь, которая уже зеленѣла на протаявшей землѣ, но ложился на пашнѣ и, повѣсивъ голову, мычалъ или жевалъ свой подножный кормъ.

«И поселяне, влача въ поле плуги, не радуются, по обыкновенію, окончанію продолжительной зимы, не поютъ пѣсню и работаютъ лѣниво, какъ-будто забыли о посѣвѣ и жатвѣ. Они безпрестанно останавливаются на боронѣ воловъ и лошаденокъ и съ безпокойствомъ посматриваютъ на западную сторону, какъ-будто на этой сторонѣ должно было явиться какое-то чудо. Они слѣдятъ также съ безпокойствомъ перелеты птицъ. Вотъ уже и анетъ прилетѣлъ на родимую сосну и распустилъ бѣлыя крылья—передовое знамя весны. Вслѣдъ за нимъ ласточки, прилетѣвъ шикливыми вереницами, скользили поверхъ воды и съ замерзшей земли собирали грязь для своихъ домиковъ. Вечеромъ въ кустахъ слышенъ шопоть кулика, между-тѣмъ, какъ надъ лѣсомъ съ шумомъ перелетаютъ стада дикихъ гусей и, утомленные, съ кри-

комъ опускаются на ночлегъ, а въ темной глубинѣ небесъ непрерывно стонуть журавли. Слыша это, почные сторожа съ боязнь спрашиваютъ: откуда въ царствѣ крылатыхъ такое замѣшательство? какая буря такъ рано гонитъ этихъ птицъ?

«Но вотъ новыя стада какъ-будто снигирей, караваекъ и скворцовъ, стада свѣтлыхъ султановъ и значковъ замелькали на возвышенностяхъ, спустились на луга... Конница! странное убранство, невиданное оружіе, полкъ за полкомъ, а въ серединѣ проходить ряды, закованные въ желѣзо, изъ-за лѣсовъ чернѣются шапки, сверкаетъ рядъ штыковъ, роняется безчисленное скопище пѣхоты.

«Все стремились на сѣверъ, какъ-будто въ то время, велѣдъ за птицами, и народъ изъ теплыхъ странъ направился въ нашъ край, увлеченный непонятною, инстинктивною силою.

«Днемъ и ночью несутся лошади, люди, пушки, орлы; на небѣ то здѣсь, то тамъ пылаетъ зарево, дрожитъ земля; слышно, какъ по сторонамъ гремитъ громъ: война! война!»

Соплицово, главное мѣсто дѣйствія этой повѣсти, лежало при большой дорогѣ, по которой, со стороны Нѣмана, подвигались два вождя: князь Юсифъ Понятовскій и король вестфальскій Геронимъ. Они уже заняли часть Литвы отъ Гродно до Слонима. Въ ближайшемъ городѣ остановился главный штабъ князя, а въ Соплицовѣ расположилась лагеремъ сорокатысячная армія вмѣстѣ съ своими генералами.

«Было поздно, когда они пришли (говоритъ Мицкевичъ), каждый, гдѣ кто могъ, занималъ квартиру: или въ замкѣ, или во дворѣ. Какъ только даны были приказанія и разставлены караулы, каждый, утомившись, пошелъ спать въ свою комнату. Съ наступленіемъ ночи все утихло: лагерь, дворъ и поле; видны только патрули, блуждающіе какъ тѣни; въ лагеряхъ кое-гдѣ блистали огоньки, да на военныхъ постахъ поочередно раздавались сигналы».

Все спали въ Соплицовѣ, но войскому было не до сна, потому-что онъ долженъ былъ заняться приготовленіемъ пира на завтрашній день, по случаю семейнаго праздника: завтра должно было происходить обрученіе трехъ паръ.

«Хотя была поздняя пора, но войскій поспѣшно собралъ со всего сесѣдства поваровъ; ихъ было пятеро; самъ онъ хозяйничаетъ, а они ему прислуживаютъ. Онъ подвязалъ бѣлый передникъ, какъ поваръ, надѣлъ колпакъ и засучилъ рукава по локоть; одной рукою взялъ хлопнушку, чтобъ отгонять всякихъ наѣдомыхъ, жадно-бросавшихся на

лакомыя приманки, другою рукою надѣлъ протертые очки, вынулъ изъ-за пазухи книгу и раскрылъ ее».

Заглавіе этой книги было: *Совершенный Поваръ*. Что только войскій прочитаетъ въ ней и обдумаетъ, искусные повара сейчасъ же исполняютъ. Мицкевичъ съ гомеровской простотою описываетъ занятія въ кухнѣ: «Работа кипитъ, десятковъ пять ножей стучать по столамъ; вертятся поварѣнки черныя, какъ черти: одни несутъ дрова, другіе посуду съ молокомъ и виномъ; льютъ въ котлы, сковороды, въ кострюли; взвивается дымъ; два поварѣнка сидятъ у печки и раздуваютъ мѣха; войскій, чтобъ еще легче развести огонь, приказалъ налить на дрова растопленнаго масла (такая роскошь позволительна въ богатомъ домѣ), а поварѣнки подкладывали сухіе сучья. Одни жарятъ на вертелѣ мясо сернь, заднія части кабановъ и оленей; другіе ощипываютъ кучи птицъ, отъ которыхъ разлетается пухъ; обнажаются глухари, тетерева и куры».

Мы оставимъ войскаго въ хлопотахъ за приготовленіемъ кушаньевъ къ семейному пиру и поспѣшимъ къ другой поэтической картинѣ, которую изображаетъ намъ Мицкевичъ.

«Уже наступилъ торжественный праздникъ Пресвятой Богородицы; погода была прекрасная; утро; чистое небо кругомъ облегалo землю, раскинувшись, какъ море, тихое и вогнутое; нѣсколько звѣздъ сверкало изъ глубины, какъ перлы на днѣ, сквозь волны; въ сторонѣ несется бѣлое, одинокое облачко и погружаетъ крылья въ лазури, подобно исчезающимъ крыльямъ ангела-хранителя, который, бывъ задержанъ ночью молитвою людей, опоздалъ и спѣшилъ возвратиться къ небожителямъ.

«Послѣдніе перлы звѣздъ ужъ померкли и исчезли въ глубинѣ небесъ; середина самага неба блѣднѣетъ; правая сторона его, примыкающая къ тѣнямъ, еще покрыта сумракомъ; лѣвая постепенно алѣетъ; далѣе раздвигается кругъ широкій, какъ вѣка; посрединѣ виднѣется глазной бѣлокъ, радуга, зрачокъ; вотъ уже пробился лучъ; мелькнулъ, изогнувшись, по небесному своду и повисъ въ бѣлой тучкѣ, какъ золотая стрѣлка. При этомъ знаменіи дня вырываются огненные снопы; въ воздушномъ пространствѣ выются тысячи ракетъ и взошло солнечное око; оно еще щурится, нѣсколько сонное; дрожа, отряхаетъ свои лучезарныя рѣсницы и блеститъ семью цвѣтами вмѣстѣ: оно и ахонтовое, и горитъ какъ рубинъ, и желтѣетъ, какъ топазъ; но вдругъ засіяло, какъ прозрачный кристаллъ, потомъ сдѣлалось яснымъ, какъ брильянтъ, наконецъ огнистымъ, большимъ, какъ

мѣсяцъ и дрожащимъ, какъ звѣзда: такъ по неизмѣримому небу шло одинокое солнце!»

Читатели догадываются, что невозможно было сохранить въ прозаическомъ переводѣ всю прелесть этой послѣдней картины, выраженной почти непереводимыми стихами, которые поэтъ легко и свободно расточаетъ въ этомъ дивномъ, эпическомъ созданіи. Въ нашемъ переводѣ мы старались только по-возможности быть вѣрными подлиннику, чтобъ дать о немъ хотя слабое понятіе тѣмъ, которые лишены высокаго наслажденія сами читать его.

Въ этотъ праздничный день литовское простонародіе еще до восхожденія солнца собралось изъ всѣхъ окрестностей вокругъ церкви.

«Обѣдня началась (говоритъ Мицкевичъ); небольшой храмъ не можетъ въ себѣ помѣстить всей толпы; народъ стоитъ на колѣняхъ на травѣ, смотря въ двери церкви; всѣ открываютъ головы: свѣтлорусые волосы литовскаго народа золотились, какъ созрѣвшая рожь на полѣ; кое-гдѣ проглядывала красная, дѣвичья головка, убранная свѣжими цвѣтами, или павлиными перьями, и развѣвались ленты, украшенія косы, среди мужскихъ головъ, какъ васильки и куколи во ржи. Стоящая на колѣняхъ разноцвѣтная толпа покрывала поле, и когда раздался звонокъ, то какъ-будто отъ дуновенія вѣтра наклонились всѣ головы, какъ колосья.

«Въ нынѣшній день поселанки приносятъ на алтарь Богородицы первый даръ весны: свѣжіе пучки травъ; все вокругъ убрано букетами и вѣнками, алтарь, образъ, даже колокольня и наперть. Иногда утренній вѣтерокъ, повѣявъ съ востока, срываетъ вѣнки, бросаетъ ихъ на головы колѣнопреклоненной толпы и разливаетъ благоуханіе, какъ-будто изъ священной кадильницы».

Послѣ обѣдни судья пригласилъ къ себѣ въ Соплицово гостей и толпу поселанъ.

«На завалинѣ дома сидѣли два старика, держа на колѣняхъ два полные полугарница меду; они смотрятъ въ садъ, гдѣ, среди головокъ разноцвѣтнаго мака, стоялъ уланъ, какъ подсолнчичикъ, въ блестящемъ киверѣ, украшенномъ золоченымъ наличникомъ и пѣтушьимъ перомъ; подлѣ него дѣвушка въ зеленомъ платьѣ, приземистая, какъ рута, поднимаетъ къ глазамъ юноши глазки голубые, какъ васильки; въ отдаленіи дѣвушка рвали въ саду цвѣты, нарочно отворачивая головы отъ любящейся четы, чтобъ не мѣшать ихъ разговорамъ.

«Но старики пьютъ медъ и ведутъ бесѣду, подчюя другъ друга изъ берестовой табакерки.

— «Такъ, такъ, мой Протасій!» говоритъ вѣчничикъ Гервасій. —

«Такъ, такъ, мой Гервасій!» говорилъ возный Протасій. — «Такъ-то, такъ-то!» повторяли они вмѣстѣ нѣсколько разъ, кивая въ тактъ головами. Наконецъ возный сказалъ: «Не спору, что процессъ нашъ окончится странно; впрочемъ, бывали прѣмѣры. Я помню процессы, въ которыхъ случались продѣлки хуже нашихъ и брачный договоръ оканчивалъ все хлопоты. Такъ Лопать помирился съ Борздобогатыми, Крепштули помирились съ Купцами, Путраментъ съ Пиктурною, Мицкевичъ съ Одынцами, Турно съ Квилецкими. Да что я говорю! вѣдь и у поляковъ бывали распри съ Литвою хуже, чѣмъ у Горешковъ съ Соплицюю; когда же королева Ядвига смекнула умомъ—разумомъ, то и безъ судовъ все дѣло кончилось. Хорошо, если у тяжущихся есть дѣвицы, или вдовы—невѣсты, тогда третейскій судъ всегда подь-рукою. Самый продолжительный процессъ обыкновенно бываетъ съ духовенствомъ: тутъ ужъ нельзя кончить дѣла супружествомъ. Вотъ отчего ляхи и русскіе, два родные брата, происходящіе отъ Леха и Русса, ведутъ безкопечные споры; по этой же причинѣ долго тянулось столько литовскихъ процессовъ съ монахами ордена крестоносцевъ, пока не выигралъ Ягелло; отъ этого, наконецъ, такъ длился знаменитый процессъ Римшей съ доминиканами, пока не выигралъ синдикъ монастыря отецъ Рымша, отчего и пословица: больше Господь Богъ, нежели панъ Рымша; а я прибавлю: «лучше медъ, нежели сабля». Говоря это онъ обратился къ Гервасію и вынулъ полугарнецъ меду». — «Удивительно» сказалъ Протасій, «объ этой Зосѣ, которой руку теперь просить нашъ Тадеушъ, годъ назадъ, было предзнаменованіе, какъ-бы посланное съ неба...» — «Панною Софіею», прервалъ ключникъ, «слѣдуетъ ее называть теперь, потому-что она ужъ взрослая, не маленькая дѣвочка, притомъ благородной крови: она внучка стольника». — «Это именно было пророческое предзнаменованіе о ея судьбѣ» продолжаетъ Протасій: «я видѣлъ это предзнаменованіе собственными глазами. Годъ назадъ, въ праздникъ, сидѣла здѣсь наша дворня и шила медъ, какъ вдругъ смотримъ: шась! падаютъ съ крыши два дравшіеся воробья, оба старые самцы; у одного, который былъ немножко-помоложе, шейка была сѣрая, у другаго черная; и пошли толочься по двору, и ну кувиркаться, до того, что закопались въ пыли! Мы смотримъ, а между-тѣмъ слуги шепчутся между собою, что зотъ, черный, пусть будетъ Горешко, а другой Соплица. Итакъ, каждый разъ, какъ-только сѣрый былъ наверху, они кричали: «вивать Соплица! У! Горешки трусы!» Когда же онъ падалъ внизъ, то прибавляли: «поправься, Соплица! не поддавайся магнату—стыдъ для шляхтича!» Шутя такимъ-образомъ, мы ожидали, кто кого одолѣетъ. Какъ

вдругъ Зося, сжалившись надъ птичками, подбѣжала и накрыла ручкою этихъ рыцарей. Они еще дрались въ рукѣ, такъ—что отъ нихъ летѣлъ пухъ. И какъ вѣдь разозлилась эта мелкая сволочь! Бабы, смотря на Зося, тихонько говорили, что, вѣрно, предназначениемъ этой дѣвушки будетъ помирить два издавна—враждующія семейства. И я вижу, что сегодня исполнилось бабѣ предсказаніе, хотя, правду сказать, въ то время думали о графѣ, а не о Тадеушѣ.

«Ключникъ на это сказалъ: «Дивны дѣла на семь свѣтъ! кто все постигнетъ? Я также кое—что расскажу тебѣ, хотя и не столь странное, какъ это предзнаменованіе, но все—таки уму непостижимое. Ты знаешь, что прежде я готовъ былъ утопить семейство Соплицъ въ ложкѣ воды; но этого молодца Тадеуша я чрезвычайно полюбилъ еще съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ его. Я замѣчалъ, что, когда онъ дрался съ мальчишками, то всегда ихъ поколачивалъ, и потому—то каждый разъ, какъ только онъ прибѣгалъ въ замокъ, я всегда поджигалъ его къ удалству. Ему все удавалось: схватить ли голубей на башнѣ, сорвать ли шишку на дубу, или на самой высокой соснѣ разорить воронье гнѣздо—мастеръ былъ все сдѣлать! Я думалъ: подъ счастливой звѣздою родился этотъ мальчикъ; жаль, что Соплица! Кто жъ бы могъ предвидѣть, что я буду привѣтствовать его, какъ наследника замка, какъ мужа панны Софii, моей вельможной пани!

«Здѣсь окончился ихъ разговоръ; они еще пили, задумавшись; иногда только слышны были прежнія отрывистыя выраженія: «такъ, такъ, панъ Гервасій! Такъ, панъ Протасій!»

«Завалина прилежала къ кухнѣ, которой окна были открыты и выбрасывали дымъ, какъ—будто отъ пожара, и вотъ изъ клубовъ дыма, какъ бѣлый голубь, мелькнулъ лоснящійся колнакъ повара. Войскій, высунувъ голову изъ окна кухни, надъ головами стариковъ, молча вслушивался въ ихъ разговоръ, и наконецъ подалъ имъ полное блюдо бисквитовъ, примолвивъ: «Закусите послѣ меду, а я вамъ также расскажу любопытную исторію ссоры, которая чуть—было не кончилась кровавою битвою, когда Рейтанъ, охотившійся въ глубинѣ наибоцкихъ лѣсовъ, сыгралъ одну штуку съ княземъ Денассау. За эту штуку онъ едва не поплатился собственнымъ здоровьемъ. Я помирилъ ихъ и расскажу вамъ, какъ это было». Но рассказъ войскаго прервали повара, спрашивая, кому онъ прикажетъ разставить столовые приборы?

«Войскій отошелъ, а старики, зачерпнувъ меду, задумчиво устремили взоры въ глубину сада, гдѣ красивый уланъ разговаривалъ съ панною. Онъ только—что взялъ ея ручку лѣвою рукою (правая была

на перевязи: видно, что онъ былъ раненъ) и съ слѣдующими словами обратился къ паннѣ :

«Зоя, ты непременно должна мнѣ это сказать, прежде, чѣмъ мы обмѣняемся кольцами; я долженъ знать объ этомъ. Что мнѣ въ томъ, что прошедшей зимою ты ужь была готова дать мнѣ слово? Въ то время я отказался отъ слова; да и что жь для меня значило бы такое вынужденное слово? Въ то время очень-недолго я оставался въ Соплицовѣ; не былъ такъ легковѣренъ, чтобъ могъ обольщаться мыслью—однимъ моимъ взглядомъ возбудить въ тебѣ любовь; я не вѣтренникъ; я хотѣлъ моею собственною заслугою снискать твое расположеніе, хотя бы и долго пришлось ждать. Теперь ты согласиалась снисходительно повторить свое слово: чѣмъ же я могъ заслужить такую милость? Можетъ-быть, Зоя, ты хочешь выйти за меня не столько изъ привязанности, сколько потому, что тебя склоняютъ къ этому дядя и тѣтка; но, Зоя, супружество—дѣло великой важности; слѣдуй внушенію собственного сердца; не поддавайся въ этомъ ничьему вліянію, не слушай ни угрозъ дяди, ни увѣщаній тѣтки. Если ты не чувствуешь ко мнѣ ничего, кромѣ добраго расположенія, то мы можемъ отложить нашу свадьбу на нѣкоторое время; я не хочу связывать тебя; подождемъ, Зоя! Намъ спѣшить не къ-чему, тѣмъ болѣе, что вчера вечеромъ я получилъ приказаніе остаться въ Литвѣ инструкторомъ здѣшняго полка, пока не вылечусь отъ моихъ ранъ. Какъ же ты думаешь, милая Зоя?»

«Поднявъ голову и робко смотря ему въ глаза, Зоя сказала: «Я хорошо не помню, что прежде происходило; знаю, какъ всѣ говорили, что нужно выйти за васъ замужъ; я всегда соглашаюсь съ волею Божіею и старшихъ». Потомъ, потушивъ глаза, она прибавила: «Передъ отъѣздомъ, если вы помните, когда умеръ отецъ Робака, во время ночной бури, я видѣла, что вы, уѣзжая, очень жалѣли насъ; у васъ въ глазахъ были слезы: откровенно скажу вамъ, что эти слезы запали мнѣ въ сердце; съ-тѣхъ-поръ я стала вѣрить вамъ, что вы меня любите. Сколько разъ я ни молилась о вашемъ счастьи, вы всегда являлись моимъ глазамъ съ этими крупными, блестящими слезами. Потомъ жена подкоморія ѣздила въ Вильно и взяла меня туда съ собою на зиму; но я съ тоскою вспоминала о Соплицовѣ и о той комнаткѣ, гдѣ вы сперва встрѣтили меня вечеромъ, у столика, потомъ простились со мною. Не знаю, отчего воспоминаніе о васъ, какъ-будто распада, посѣянная осенью, разрасталось въ моемъ сердцѣ во всю зиму до такой степени, что, какъ я говорю вамъ, я безпрестанно тосковала объ этой комнаткѣ, и мнѣ что-то нашептывало, что я тамъ

опять найду васъ, и такъ именно случилось. Думая объ этомъ, я часто также повторяла ваше имя; то было въ Вильнѣ, на масляницѣ; панны мнѣ говорили, что я влюблена: ужъ разумѣется, если влюблена, такъ развѣ въ васъ...»

«Тадеушъ, довольный такимъ доказательствомъ любви, взялъ ее подъ-руку, прижалъ къ себѣ, и они вышли изъ сада на дамскую половину, въ ту комнату, гдѣ жилъ Тадеушъ назадъ тому десять лѣтъ.

«Гости, уже собравшіеся въ большой залъ замка, въ ожиданіи шра, разговаривали вокругъ стола, когда вошелъ судья въ воеводскомъ мундирѣ, ведя за собою пана Тадеуша и Зося. Тадеушъ, прикасаясь лѣвой рукою ко лбу, военнымъ поклономъ привѣтствовалъ своихъ командировъ; Зося, опуская внизъ глаза и краснѣя, присѣдала гостямъ (ее прекрасно выучила присѣдать Телимена). У нея, какъ у невѣсты, на головѣ былъ вѣнокъ; впрочемъ, на ней надѣто было то же самое платье, въ какомъ она сегодня ходила въ церковь, съ весеннимъ снопомъ для Богородицы. Для гостей она нажала другой снопъ изъ разныхъ растений; одной рукою раздавала изъ него цвѣты и травы, другою поправляла на головѣ свой блестящій серпъ. Военные начальники брали травы, цалуя у нея руки, и Зося, раскраснѣвшись, снова каждому присѣдала.

«Генералъ Князевичъ взялъ ее за плечи и, напечатлѣвъ отеческій поцалуй на ея челѣ, приподнял ее и поставилъ на столѣ; и всѣ съ рукоплесканьями закричали «браво!» Они восхищались красотой и наружностью дѣвушки, въ-особенности ея литовскимъ, простонароднымъ нарядомъ, потому-что для этихъ полководцевъ, которые въ своей страннической жизни такъ долго блуждали въ чужихъ странахъ свѣта, народная одежда имѣла особенную прелесть; она напоминала имъ ихъ молодые годы и давнишнюю любовь; они почти со слезами столпились у стола и съ любопытствомъ смотрѣли. Одни упрашиваютъ, чтобы Зося немного приподняла лобъ и показала глаза, другіе желали, чтобы она повернулась кругомъ... И стыдливая дѣвушка поворачивается, но закрываетъ лицо руками. Тадеушъ весело смотрѣлъ и потиралъ руки.

«Посовѣтовалъ ли кто Зосѣ выйти въ такомъ платьѣ, знала ли она по инстинкту (а дѣвушка всегда угадаетъ по инстинкту, что идетъ ей къ лицу), какъ бы то ни было, но Зося въ первый разъ въ жизни, сегодня поутру, подверглась гнѣву Телимены за упрямство, потому-что не хотѣла одѣться по модѣ и ужъ со слезами добилась того, что ее такъ оставили, въ простонародной одеждѣ.

«На ней была юбка длинная и бѣлая; платье короткое изъ зеленого камлота съ розовою обшивкою; корсетъ также зеленый, отъ груди до

шеи на-крестъ зашпурованный розовыми лентами; подъ нимъ прячется грудь, какъ почка подъ листочкомъ. Отъ плечъ идутъ яркой бѣлизны рукава рубашки, какъ крылья бабочки, расправленные къ полету, на стибѣ руки оканчивающіеся складками и перетянутые ленточкою; шея обтянута также узкою манишкою; воротничокъ стянутъ розовою завязкою; сережки искусно вырѣзаны изъ вишневыхъ косточекъ; ихъ дѣлалъ Сакъ Добржинскій и этимъ онъ гордился (были тамъ два сердечка съ стрѣлою и пламенемъ, подаренныя Зосѣ, когда Сакъ ухаживалъ за ней); на воротничкѣ висятъ въ два ряда янтарныя бусы; на головѣ вѣнокъ изъ зеленого розмарина; ленты отъ косъ Зося откинула за плечи, а сверху головы, по обычаю жницъ, наложила искривленный серпъ, заостренный недавнимъ жнитвомъ травъ, свѣтлый, какъ молодой мѣсяцъ надъ челомъ Діаны.

«Всѣ расточаютъ похвалы и рукоплесканья. Одинъ изъ офицеровъ вынулъ изъ кармана портфель съ связкою бумагъ, открылъ его, очинилъ карандашъ, помочилъ его въ губахъ и, вематриваясь въ Зося, началъ рисовать. Только-что судья увидѣлъ бумаги и карандаши, узналъ рисовальщика, хотя его очень измѣнили полковничій мундиръ, богатые эпoletы, наружность истинно-уланская, нафабранный усъ и испанская борода. Судья узналъ его и сказалъ: «Какъ вы поживаете, графъ? Вы даже и въ ядункѣ носите съ собою дорожные снаряды для рисованья!»

Судья еще поздравлялъ графа съ повышеніемъ въ чинъ, но графъ его не слушалъ и прилежно рисовалъ.

Между-тѣмъ вошла другая пара, готовая къ вѣнцу: ассессоръ и Гречешанка.

«Напрасно долгое время ожидаютъ третью пару (говоритъ Мицкевичъ, заключая эту книгу). Судья выходитъ изъ терпѣнія и посылаетъ слугъ; они возвращаются и докладываютъ, что третій супругъ, панъ регентъ, охотясь за зайцемъ, потерялъ свое вѣнчальное кольцо и ищетъ его на лугу, и что дама регента еще въ уборной. Хотя она сама торопится и хотя ей помогаютъ горничныя, однако никакимъ образомъ не могла окончить своего туалета, и едва будетъ готова къ четыремъ часамъ».

Кн. XII. Общая радость.—Двери съ шумомъ открылись настежь; входитъ панъ войскій; онъ, какъ дворецкій и церемоніймейстеръ, усаживаетъ гостей за столъ по старшинству и званію.

«Судья, поклонившись, оставилъ гостей (говоритъ Мицкевичъ); онъ угощалъ на дворѣ толпу поселянъ, собравъ ихъ за столомъ двумя длинными рядами; самъ сѣлъ на одномъ концѣ, а на другомъ священникъ.

Тадеушъ и Зося за столъ не сѣли, занятые угощеньемъ поселянъ, и бѣли, ходя. То былъ старинный обычай, что новые владѣльцы, при первомъ угощеніи, сами прислуживали народу.

«Между-тѣмъ гости, ожидая въ залѣ, пока принесутъ кушанья, съ изумленіемъ разсматривали большой сервизъ, который одинаково былъ драгоцененъ какъ по металлу, такъ и по работѣ. Есть преданіе, что князь Радзивиллъ-Сирота (*) велѣлъ сдѣлать на заказъ эту утварь въ Венеціи и, по собственному плану, украсить польски. Впослѣдствіи сервизъ, захваченный во время шведской войны, перешелъ, неизвѣстно какимъ путемъ, въ шляхетскій домъ; сегодня онъ былъ вынутъ изъ кладовой и занялъ средину стола огромнымъ кругомъ, на подобіе каретнаго колеса».

Замѣчательно подробное описаніе этого сервиза, убраннаго разными конфетами и плодами. Поэтъ и здѣсь не упустилъ случая представить живую и сатирическую картину изъ жизни старинныхъ поляковъ:

«По краямъ сервиза стоятъ, для украшенія, небольшія фарфоровыя фигуры въ польскихъ костюмахъ, какъ актѣры на сценѣ. Казалось, они представляли какое-то событіе; ихъ жесты искусно обозначены, краски необыкновенны; имъ не достаетъ только голоса, а-то они какъ-бы живые!»

«— Что жь они представляютъ?» съ любопытствомъ спрашивали гости. Послѣ этого войскій началъ разсказывать слѣдующимъ образомъ (между-тѣмъ какъ подавали водку передъ кушаньемъ): «Съ позволенія моихъ многомилостивыхъ пановъ: эти персоны, которыхъ вы здѣсь видите безчисленное множество, представляютъ исторію польскаго сеймика, совѣщанія, подачу голосовъ, побѣды и распри. Самъ я разгадалъ эту сцену и вамъ объясню ее».

«— Вотъ направо видна многочисленная толпа шляхты: вѣроятно, она приглашена на пиръ; вотъ накрытъ столъ; никто гостей не сажаетъ; они стоятъ кучками, каждая изъ нихъ совѣщается. Смотрите, въ срединѣ каждой кучки стоитъ человекъ: его открытыя губы, приподнятыя глаза, безпокойныя руки показываютъ, что это ораторъ; онъ что-то объясняетъ, показываетъ пальцемъ и чертитъ на ладони. Вотъ эти предлагаютъ оратору своихъ кандидатовъ, не всегда съ успѣхомъ, какъ видно по наружности братьевъ-шляхты».

«Правда, вотъ тамъ, въ другой кучкѣ, шляхта внимательно слушаетъ; одинъ заткнулъ руки за поясъ и наострилъ ухо; другой, при-

(*) Радзивиллъ-Сирота, замѣчаетъ Мицкевичъ, совершилъ далекія путешествія и издалъ описаніе своего странствованія въ Святую Землю.

ставилъ руку къ уху и, молча, крутить усь: навѣрно, онъ подхватываетъ слова и нанизываетъ ихъ на память; ораторъ радуется, видя, что онъ привлекъ ихъ, и поглаживаетъ карманъ, потому—что голоса для нихъ у него уже въ карманѣ.

Но не то происходитъ въ третьей кучкѣ: здѣсь ораторъ принужденъ ловить слушателей за поясъ. Смотрите, уши то выставляются, то отсовываются назадъ; смотрите, какъ этотъ слушатель надувается отъ гнѣва, поднимая руки, грозитъ оратору, закрываетъ ему ротъ: вѣрно, онъ услышалъ похвалы своему противнику. Вотъ этотъ, какъ быкъ, наклонилъ лобъ такъ и кажется, что онъ подхватитъ рогами оратора. Одни хватаются за сабли, другіе бросаются бѣжать.

«Между кучками спокойно стоитъ одинъ шляхтичъ; видно, что это человѣкъ, непринявшаго ни къ какой партіи; онъ колеблется и боится въ чью—либо пользу подать голосъ; не знаетъ и борется съ самимъ—собою; онъ вопрошаетъ судьбу, поднимая руки, разставилъ большіе пальцы, зажмурилъ глаза и сводитъ палецъ съ ногтемъ. Видно, что онъ вожитъ о подачѣ своего голоса: если пальцы сойдутся, то онъ подастъ утвердительный голосъ, а если не сойдутся, то отрицательный.

«На лѣвой сторонѣ другая сцена: монастырская трапеза обращена въ залу шляхетскаго собранія. Старшіе сидятъ рядомъ на лавкахъ, младшіе съ любопытствомъ заглядываютъ черезъ головы въ толпу; въ серединѣ стоитъ маршалъ, держитъ въ рукѣ урну, считаетъ шарики; шляхта пожираетъ ихъ глазами. Вотъ маршалъ выбросилъ послѣдній шарикъ; возные поднимаютъ руки и провозглашаютъ имя избраннаго чиновника.

«Одинъ шляхтичъ не обращаетъ вниманія на общее согласіе; смотрите, онъ высунулъ голову изъ окна кухни монастырской трапезы; смотрите, какъ онъ вытаращилъ глаза, какъ смѣло смотреть! Вотъ онъ открылъ ротъ, какъ—будто хочетъ проглотить все собраніе; легко догадаться, что этотъ шляхтичъ закричалъ: *veto!* Смотрите, какъ вслѣдъ за этимъ внезапнымъ знакомъ къ есорѣ, толпа тѣснится у дверей; безъ—сомнѣнія, они идутъ въ кухню; вотъ они схватили сабли и непременно произойдетъ кровавая битва.

«Но замѣчаете ли вы тамъ, въ корридорѣ, стараго ксѣндза, идущаго въ ризѣ? Это пріоръ, онъ выносить изъ алтаря Святые Дары; мальчикъ, въ стихарѣ, звонитъ и проситъ посторониться; шляхта въ ту же минуту прячетъ сабли, крестится и становится на колѣни; священникъ, между—тѣмъ, обращается туда, гдѣ слышенъ стукъ оружія, и какъ только онъ придетъ—сейчасъ все притихнетъ и помирится».

Войскій, окончивая свой рассказъ, прибавляетъ: «Пока процвѣтала вѣтра, пока уважались права, были свобода и порядокъ, довольство и слава!»

«Въ это время панъ подкоморій, постукивая по табакеркѣ, сказалъ: «панъ войскій послѣ можетъ досказать эту исторію; правда, что сеймикъ любопытенъ, но мы голодны, и потому прикажите подавать кушанья».

«Ясневельможный панъ (сказалъ на это войскій), позвольте мнѣ, я сейчасъ же окончу послѣднюю сцену сеймиковъ. Вотъ выносятся изъ трапезы на рукахъ новаго маршала его приверженцы; смотрите, какъ братья—шляхта бросаетъ шапки и кричитъ: «вивать!» А тамъ, на другой сторонѣ, невыбранный панъ стоитъ одинъ и въ задумчивости насунулъ на глаза шапку. Дома ждетъ его жена; она угадала, что происходитъ—бѣдная! вотъ она падаетъ въ обморокъ на рукахъ горничной. Бѣдная! она думала, что получить титулъ ясневельможной и теперь на три года снова осталась только вельможною!» (*).

Войскій окончилъ свой рассказъ. Стали подавать кушанья. Мы здѣсь пропустимъ описаніе шумныхъ разговоровъ, происходившихъ во время стола, и разныхъ тостовъ. Шляхта пила также за здоровье Наполеона.

Наконецъ былъ провозглашенъ приходъ третьей обрученной пары.

«То былъ регентъ, самъ себя назвавшій регентомъ (продолжаетъ Мицкевичъ). Никто не узналъ его. До-сихъ-поръ онъ одѣвался польски; но Телимена, его будущая супруга, теперь принудила его, по брачному договору, отказаться отъ кунтуша (**). Вотъ почему регентъ поневолѣ долженъ былъ переодѣться по-французски. Видно было, что фракъ лишилъ его половины души; онъ идетъ, будто проглотилъ палку, прямо и неподвижно, какъ журавль; не смѣетъ взглянуть ни направо, ни налево. Наружность у него важная, но видно, что онъ мучится, не знаетъ, какъ поклониться, куда дѣвать руки? А онъ такъ

(*) Въ XVI и въ началѣ XVII в., замѣчаетъ Мицкевичъ, въ эпоху процвѣтанія искусствъ, пиры устраивались даже художниками, съ символическими и театральными сценами. На знаменитомъ пирѣ, данномъ въ Римѣ для папы Льва X, находился сервизъ, представлявшій четыре времени года. Безъ сомнѣнія, онъ служилъ образцомъ для радзивилловскаго сервиза. За-стольные обычаи измѣнились въ Европѣ около половины XVIII вѣка и очень-долго соблюдались въ Польшѣ.

(**) Мода на французскія платья, по замѣчанію Мицкевича, была распространена въ польскихъ провинціяхъ отъ 1800 до 1812 г. Большая часть молодыхъ людей переодѣвалась передъ женитьбою по желанію невѣсты.

любилъ размахистыя движенія! руки засовывалъ за поясъ! И нѣтъ пояса, онъ только поглаживалъ брюхо; замѣтилъ свою ошибку, чрезвычайно сконфузился, покрасилъ и обѣ руки спряталъ въ одинъ карманъ фрака.

«Между-тѣмъ, прелестная невѣста регента, Телимена, блеститъ своею красотою и уборомъ самой послѣдней моды отъ головы до пятокъ. Напрасно мы стали бы описывать, какое на ней платье и какъ убрана голова; перо не передастъ этого, развѣ только кисть изобразить эти тюли, кружева, блонды, кашмиры, жемчугъ и каменья, и розовое личико, и живой взглядъ.

«Графъ сейчасъ же узналъ ее; блѣдный отъ изумленія, онъ всталъ изъ-за стола и началъ искать подлѣ себя шаги. «Такъ это ты! (вскричалъ онъ). Не обманываютъ ли меня глаза? ты, въ моемъ присутствіи, пожимаешь чужую руку? О невѣрное созданіе! О предательская душа! И ты отъ стыда не скроешь подъ землею лица своего? Такъ-то ты помнишь о своей недавней клятвѣ? Зачѣмъ же я, легковѣрный, носилъ эти ленты? Но горе сопернику, который такъ оскорбляетъ меня! Только черезъ мой трупъ онъ переступитъ къ алтарю!

«Гости встали; регентъ ужасно смѣшался; подкоморій хотѣлъ помирить соперниковъ, но Телимена, отвѣдя графа въ сторону, шепнула: «Регентъ еще не женился на мнѣ; если вы мѣшаете, то отвѣчайте же мнѣ, и отвѣчайте сейчасъ коротко и ясно: любишь ли ты меня? попрежнему ли неизмѣнно твое сердце? готовъ ли сейчасъ жениться на мнѣ, сейчасъ, сегодня же? Если хочешь, я откажусь отъ регента...» Графъ отвѣчалъ: «О женщина, для меня непостижимая! Прежде у тебя были поэтическія чувства, а теперь ты кажешься мнѣ совершенно-прозаическою. И что значать ваши супружества, если не цѣпи, которыя связываютъ только руки, а не души? Повѣрь, есть объясненія безъ признанія, есть даже обязанности безъ обязательства. Два сердца, пламенѣющія на двухъ концахъ земли, ведутъ между собою разговоръ, какъ звѣзды, дрожащими лучами. Кто знаетъ, можетъ-быть, земля потому стремится къ солнцу и всегда такъ мила для мѣсяца, что они вѣчно смотрятъ другъ на друга и кратчайшимъ путемъ стремятся другъ къ другу, но не могутъ сойтись!» — «Довольно (прервала Телимена), я, по милости Божіей, не планета; довольно, графъ, я женщина! Остальное я знаю; перестань же болтать мнѣ пустяки. Теперь я тебя предупреждаю: если ты пикнешь хоть одно слово, чтобы помѣшать моей свадьбѣ, то, клянусь Богомъ, что я подбѣгу къ тебѣ съ этими ногтями и....» — «Я не буду возмущать ва-

шего счастья» сказалъ графъ и отвернулъ глаза, исполненные печали и презрѣнія; но, чтобъ наказать невѣрную, онъ избралъ предметомъ своей пламенной любви дочь подкоморія.

«Войскій очень желалъ помирить молодыхъ людей, приводя имъ назидательные примѣры, и потому сталъ рассказывать исторію о дикомъ кабанѣ налибокскихъ лѣсовъ и о ссорѣ Рейтана съ княземъ Денассау; но гости, между-тѣмъ, уже съѣли мороженое и вышли изъ замка, чтобъ на открытомъ воздухѣ насладиться прохладою».

Тамъ уже оканчивалось угощеніе поселянъ; кружки съ медомъ переходили изъ рукъ въ руки; музыка приготовлялась, чтобъ подать знакъ къ началю танцевъ.

«На дворѣ замка уже стояли парами офицеры и дамы, солдаты и крестьянки. «Пололезь!» всѣ закричали въ одинъ голосъ. Офицеры приводятъ военную музыку, но судья сказалъ на-ухо генералу: «Прикажите, чтобъ оркестръ подождать; вы знаете, что сегодня обрученъ моего племянника; въ нашемъ семействѣ есть старинный обычай, чтобъ обрученъ и свадьба происходили подъ сельскую музыку. Посмотрите, вотъ цимбалистъ, скрипачъ и волинщики. Жаль мнѣ этихъ добрыхъ музыкантовъ! Скрипачъ уже повѣсилъ носъ, а волинщикъ кланяется и умоляетъ глазами. Если я откажу имъ, то они, бѣдные, будутъ плакать; народъ подъ другую музыку плясать не сдумѣетъ. Пусть они начнутъ, пусть и народъ повеселится, потомъ уже мы будемъ слушать вашъ превосходный оркестръ». Онъ подаль знакъ.

«Скрипачъ засучилъ рукава своего платья, крѣпко прижалъ грифъ, оперся бороною на подставку и вскачь пустилъ смычокъ по скрипкѣ, какъ коня. При этомъ знакѣ, тутъ же стоявшіе волинщики, какъ-бы хлопая крыльями, частымъ размахиваньемъ плечъ приводятъ въ движеніе мѣхи волынокъ и раздуваютъ щеки».

Недоставало только цимбаловъ. Здѣсь Мицкевичъ выводитъ на сцену жида, неизбежнаго въ польскомъ обществѣ:

«Цимбалистовъ было много, но ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался заиграть при Янкелѣ (Янкель всю зиму неизвѣстно гдѣ скрывался, теперь же неожиданно явился въ главномъ штабѣ войска). Всѣ знаютъ, что на этомъ инструментѣ никто съ нимъ не сравняется въ искусствѣ, во вкусѣ и талантѣ. Его просятъ, чтобы онъ заигралъ и подають цимбалы; жидъ отказывается, говорить, что у него огрубѣли руки, что онъ отвыкъ отъ игры, боится и стыдится господъ; потомъ раскланивается и хочетъ скрыться. Зося, увидѣвъ это, подбѣгаетъ и бѣлою ручкою подаетъ ему палочки, которыми обыкновенно музыкантъ ударяетъ по струнамъ; другою ручкою она погладила старика по сѣдой

бородѣ и, присѣдая, сказала ему: «Сдѣлай милость, Янкель, вѣдь сегодня мое обрученіе; заиграй же, Янкель, вѣдь ты не разъ уже обѣщаль играть на моей свадьбѣ?»

«Янкель чрезвычайно любилъ Зосю и кивнулъ бородой, давая этимъ знать, что онъ не отказывается. И вотъ его ведутъ въ середину, подаютъ кресло; онъ сѣлъ. Приносятъ цимбалы, кладутъ ихъ ему на колѣни; онъ смотритъ съ наслажденіемъ и гордостью. Такъ, когда внуки ветерана, призваннаго на службу, стаскиваютъ со стѣны тяжелый мечъ его, дѣдушка смѣется: хотя и давно онъ не держалъ въ рукахъ меча, но почувствовалъ, что рука еще не измѣнитъ оружію.

«Между-тѣмъ два ученика стали на колѣни подлѣ цимбаловъ; они настраиваютъ струны и, пробуя, звенять ими; Янкель, съ полукрытыми глазами, молчитъ и неподвижно держитъ въ рукахъ палочки.

«Онъ ихъ опустилъ, вдругъ впадая въ торжественный тонъ; потомъ съ усиленіемъ сталъ ударять по струнамъ, какъ-бы сыпая проливной дождь. Всѣ удивляются, но это была только проба, потому-что онъ вдругъ остановился и поднялъ вверхъ обѣ палочки.

«Снова играетъ онъ: палочки уже дрожатъ при легкомъ движеніи, какъ-будто муха брыломъ задѣла струну, извлекая тихіе, едва-слышныя звуки. Артистъ смотрѣлъ на небо, ожидая вдохновенія. Онъ взглянулъ свысока, гордымъ взоромъ окинулъ инструментъ, поднялъ руки, вдругъ опустилъ ихъ, ударилъ въ струны обѣими палочками... Служители были въ изумленіи...

«Вдругъ съ разныхъ сторонъ загремѣли звуки, какъ-будто раздался янычарскій оркестръ, съ колокольчиками, тарелками и бубенчиками. Гремить старинный полонезъ... Веселые звуки дышатъ радостью и радостью наполняютъ слухъ; дѣвушки хотятъ танцевать, молодежь порывается съ мѣста, но мысли стариковъ, вмѣстѣ съ звуками, перенеслись въ прошедшее, въ счастливые годы...

«Артистъ съ каждымъ разомъ усиливаетъ тактъ и напрягаетъ тоны и вдругъ бросилъ фальшивый аккордъ, подобный шипѣнію змѣи, скрежету желѣза по стеклу. Онъ всѣхъ привелъ въ трепеть...

«Каждый разъ громче-и-громче раздаются тысячи звуковъ, тактъ марша, война, атака, штурмъ, выстрѣлы!..

«Едва слушатели имѣли время придти въ себя отъ изумленія, какъ снова послышалась другая музыка; сначала легкіе и тихіе звуки; жужжить нѣсколько тонкихъ струнъ, какъ нѣсколько мухъ, вырвавшихся изъ сѣтей паука; но каждый разъ къ однѣмъ струнамъ присоединяются другія струны; разлетѣвшіеся тоны уже сливаются и составляютъ легіоны аккордовъ, уже идутъ въ тактъ согласными звука-

ми, переходя въ печальный напѣвъ этой славной пѣсни: *О солдатъ-горемыка, который идетъ боромъ, лѣсомъ, перенося иногда нужду и голодъ, наконецъ падаетъ у ногъ вѣрнаго коня, а конь ногою копаецъ для него моилу* (*).

Солдаты узнали эту старую пѣсню; они столпились вокругъ музыканта, слушаютъ и переносятся въ былое время.

«Они приводятъ себѣ на память продолжительные годы своего странствованія по землямъ, морямъ, по горячимъ пескамъ и на морозѣ, среди чуждыхъ народовъ, гдѣ часто утѣшалъ и трогалъ ихъ этотъ народный напѣвъ. Такъ размышляя, они печально наклонили головы, но снова подняли ихъ, потому-что артистъ возвышаетъ и усиливаетъ тоны, перемѣняетъ такты, выражаетъ что-то другое и снова взглянулъ свысока, взглядомъ окинулъ струны, соединилъ руки, разомъ ударилъ двумя палочками: ударъ такъ былъ искусенъ, такъ силенъ, что струны зазвучали, какъ мѣдныя трубы...»

То былъ торжественный маршъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались рукоплесканія.

«Время начать полонезъ; подкоморій выступаетъ. Слегка закинувъ назадъ отвороты контуша и покручивая усь, онъ подалъ руку Зосѣ и съ учтивымъ поклономъ просить ее въ первую пару. Вслѣдъ за подкоморіемъ рядами собираются пары; знакъ поданъ, танецъ начался; подкоморій всѣхъ ведетъ за собою.

«На травѣ мелькаютъ красные сапоги, отражается блескъ отъ сабли, свѣтится богатый поясъ; подкоморій медленно переступаетъ, какъ-бы нѣхотя, но по каждому шагу, по каждому движенію можно отгадать чувства и мысли танцующаго: вотъ онъ остановился, какъ бы желая о чемъ-то спросить свою даму, наклоняетъ къ ней голову, хочетъ что-то шепнуть на-ухо; дама отворачиваетъ голову, стыдится, не слушаетъ; онъ снялъ конфедератку, униженно кланяется; дама рѣшилась взглянуть, но упорно молчитъ; онъ умѣряетъ шаги, слѣдитъ глазами ея взгляды и наконецъ смѣется; довольный ея отвѣтомъ, ускоряетъ шаги, свысока посматриваетъ на соперниковъ, и свою конфедератку съ цаплинымъ перомъ то насунетъ на лобъ, то встряхнетъ надъ головою; но вотъ онъ надѣлъ ее набекрень и расправилъ усь; идетъ; всѣ ему завидуютъ, бѣгутъ

(*) Вотъ эта пѣсня въ подлинникѣ:

O żołnierzu, tułaczu, który borem, lasem
Idzie, z biedy i z głodu przymierając czasem,
Nakoniec pada u nóg konika wiernego,
A konik nogą grzebie mogiłę dla niego.

за нимъ вслѣдъ; онъ готовъ былъ бы уйти съ своею дамою изъ толпы; иногда остановится на мѣстѣ, учтиво приподниметь руку и покорно всѣхъ просить, чтобы проходили мимо; иногда онъ вздумаетъ искусно уклониться въ сторону, перемѣняетъ дорогу и хотѣлъ бы ввести товарищей въ обманъ, но нахалы настигаютъ его быстрыми шагами и со всѣхъ сторонъ опутываютъ изворотами танца; тогда онъ сердится, правою рукою хватается за рукоятку сабли и какъ-будто хочетъ сказать: «я пренебрегаю вами: трепещите, завистники!» И онъ, съ гордостью на челѣ и съ вызовомъ во взорѣ, прямо идетъ въ толпу; толпа танцующихъ не смѣетъ противиться, уступаетъ ему дорогу и, перемѣнившись рядами, всѣ снова пускаются вслѣдъ за нимъ...

«Со всѣхъ сторонъ раздаются восклицанія: «Ахъ, это, можетъ-быть, послѣдній! смотрите, смотрите, молодые люди! это, можетъ-быть, послѣдній, который такъ управляетъ полонезомъ!» И пары шли за парами шумно и весело; кругъ развѣтывался и снова свертывался. Какъ исполнинскій змѣй, извивающійся въ тысячи изгибовъ, такъ измѣнялась пестрая, разнообразная краска нарядовъ дамскихъ, шляхетскихъ и военныхъ, какъ блестящая чешуя, позолоченная лучами заходящаго солнца и выдающаяся на темномъ фонѣ травы. Танецъ въ разгарѣ; музыка гремитъ; раздаются рукоплесканія и одобрительные крики!

«Весело танцуетъ Зося, и хотя она въ первой парѣ, но издали едва-замѣтна. На большомъ пространствѣ заросшаго двора, въ зеленомъ платѣ, украшенная букетами и вѣнками, посреди травъ и цвѣтовъ, она незамѣтно порхаешь, управляя танцемъ, какъ ангелъ управляетъ круговращеніемъ ночныхъ звѣздъ. Можно отгадать, гдѣ она, потому что къ ней обращены взоры, протянуты руки, около нея тѣснится толпа. Напрасно подкоморій успивается остаться подлѣ нея: завистники уже вытѣснили его изъ первой пары, и счастливый Домбровскийъ недолго радовался, уступилъ ее другому, а третій уже подекочилъ, но и этотъ былъ перебитъ, отошелъ безъ надежды. Наконецъ Зося, уже утомленная, встрѣтила Тадеуша. Опасаясь слѣдующей перемѣны и желая остаться подлѣ него, она оставила танецъ и пошла къ столу наливать гостямъ бокалы.

«Солнце уже погасало, вечеръ былъ теплый и тихій, небосклонъ кое-гдѣ покрывался небольшими облаками; вверху онъ былъ голубой, на западѣ розовый; легкія и свѣтлыя облака предвѣщаютъ хорошую погоду; въ одномъ мѣстѣ они, какъ стада овецъ, дремлющихъ на травѣ, въ другомъ мелкія, какъ стаи чирковъ. На западѣ одно облако, какъ дымчатый занавѣсъ, прозрачное, съ складками, сверху жемчужное, по бокамъ позолоченное, въ самой серединѣ пурпурное, еще теплилось и

горѣло западнымъ блескомъ; наконецъ мало-по-малу пожелтѣло, поблѣднѣло и померкло: солнце поникло, задернулось облакомъ и, разъ еще иснутивъ теплое дыханіе, заснуло...

«Но шляхта продолжаетъ пить и предлагать тосты въ честь Тадеуша и Зоси, наконецъ всѣхъ трехъ обрученныхъ паръ, всѣхъ присутствующихъ гостей, всѣхъ приглашенныхъ, всѣхъ друзей, живущихъ и умершихъ, которые оставили послѣ себя священную память!

«И я тамъ былъ вмѣстѣ съ гостями, медъ и вино пилъ, а что видѣлъ и слышалъ, описалъ въ этихъ книгахъ».

VII.

Съ грустнымъ чувствомъ переходимъ мы къ послѣдней дѣятельности Мицкевича—къ тому времени, когда онъ читалъ въ Collège de France лекціи о славянской литературѣ, съ 1840 по 1844 годъ. Изъ этихъ лекцій видно, какъ гениальный поэтъ, съ самаго начала, вступая на профессорскую кафедру, еще исполненъ былъ могучею силою духа, но потомъ постепенно ослабѣвалъ, подавляемый борьбою душевныхъ страданій и — горько вымолвить — признаками умственного разстройства, что особенно-замѣтно въ его послѣднемъ курсѣ.

Какъ ни тяжело намъ остановить вниманіе на такомъ печальномъ явленіи въ жизни великаго художника, нравственно-истерзаннаго, мы должны, по-мѣрѣ-возможности, ознакомиться съ окончательною работою его духа. Въ ней сверкаютъ еще яркія искры безсмертнаго таланта.

Лекціи Мицкевича выходили въ польскомъ переводѣ, въ Парижѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: *годъ первый* (1840—1841), переводъ Феликса Вротновскаго, Парижъ, 1843, въ 16; *годъ второй* (1841—1842), переводъ его же, изданіе первое въ 4 д. 1841—1842; изданіе второе въ 16 д. 1842; *годъ третій* (1842—1843), переводъ его же. Парижъ 1844, въ 16 д. (тотъ же годъ во французскомъ оригиналѣ, написанный рукою Мицкевича, 23 лекцій, въ 4).

Въ Парижѣ, въ 1850—1851 годахъ, изданы на польскомъ языкѣ всѣ четыре курса, въ 8 д. (Этимъ изданіемъ мы пользуемся въ настоящей статьѣ).

Два первые курса вышли въ нѣмецкомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: «Vorlesungen über slavische Litteratur und Zustände, gehalten im

Collège de France, in den Jahren 1840—1842. Deutsche, mit einer Vorrede des Verfassers versehene Ausgabe (Gustav Siegfried). Leipzig. 1843 2 v. 12.

Предисловіе къ этому изданію написано попольски самимъ Мицкевичемъ и переведено на нѣмецкій языкъ. «Особенность случая (говорить онъ), который вызвалъ это сочиненіе, не мною написанное, хотя я и авторъ его, возлагаетъ на меня обязанность объясниться передъ публикою».

Указавъ на то, что французское правительство поручило ему кафедру славянскихъ литературъ и нарѣчій, Мицкевичъ продолжаетъ:

«Средства и пособія для моего курса я долженъ былъ искать только въ самомъ себѣ. Что я чувствовалъ и замѣтилъ во время пребыванія моего въ славянскихъ странахъ, что я припомнилъ изъ прежнихъ занятій моихъ исторію и литературою славянскихъ народовъ, въ-особенности же то, что изъ духа, возбуждающаго эти народы, теперь перешло въ мой духъ—всѣмъ этимъ я дѣлился съ слушателями. *Collège de France* имѣетъ цѣлью болѣе общее изложеніе наукъ, нежели подробное ихъ изслѣдованіе; его слушатели, собственно говоря, не ученики; моя публика въ значительной степени состояла изъ славянъ.

«Все это имѣло вліяніе на внѣшнюю форму изложенія.

«Я всегда говорилъ на-память и очень-часто вовсе безъ замѣтокъ. Слушатели, по своимъ подручнымъ запискамъ, потомъ при помощи стенографіи, приводили въ порядокъ лекціи и печатали ихъ въ польскомъ переводѣ. Другъ мой, Зигфридъ, перевелъ польскій текстъ на нѣмецкій языкъ.

«Въ самомъ текстѣ, котораго я не имѣлъ времени поправить, есть мелкіе, но многочисленные промахи, ошибки въ числахъ, названіяхъ, иногда даже въ выраженіяхъ.»

На французскомъ языкѣ издана была значительная часть курса Мицкевича въ Парижѣ, въ 1845 году.

При появленіи поэта въ одной изъ аудиторій *Collège de France* раздались громкія рукоплесканія...

«Милостивые государи! (началъ онъ первую свою лекцію) эти изъясненія добраго ко мнѣ расположенія публики, состоящей болѣею частью изъ моихъ соотечественниковъ, между которыми я вижу многихъ моихъ друзей, для меня драгоценны; но я не ошибаюсь въ ихъ истинномъ значеніи: они показываютъ, что вы чувствуете, сколько смѣлости нужно придавать мнѣ — чувствуете трудность моего положенія. И въ-самомъ-дѣлѣ это положеніе опасно. Еслибъ даже вы могли за-

быть впечатлѣнія, полученныя при слушаніи знаменитыхъ профессоровъ этого училища; еслибъ я, съ своей стороны, могъ не видѣть трудностей, сопряженныхъ съ самымъ предметомъ, который мнѣ должно излагать, то и тогда мнѣ было бы невозможно заглушить сознаніе той бесполезности, которую вношу сюда съ собою и которая связана съ моею личностью. Я иностранецъ, я принужденъ объясняться на языкѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ языкомъ, какой обыкновенно служитъ мнѣ органомъ моихъ мыслей; ничего общаго, ни касательно происхожденія своего, ни касательно формы и теченія. Здѣсь дѣло не идетъ только о томъ, чтобъ въ вашемъ присутствіи передавать чужимъ словомъ свои мысли и чувства: мнѣ нужно совершенно и съ одного раза преобразовать ихъ. Эта внутренняя тяжелая работа необходима въ курсѣ литературы. Въ немъ нельзя слѣдовать известной и предварительно-избранной методѣ; нѣтъ формулъ, посредствомъ которыхъ мысль можетъ быть выражена почти безотносительно къ слогу, какъ это можетъ имѣть мѣсто въ наукахъ точныхъ. Выходя изъ предѣловъ грамматики и филологіи, мы должны будемъ объяснять и разбирать литературные памятники произведенія искусства; объяснять — значитъ дать почувствовать то воодушевленіе, которое создало ихъ. Еслибъ мы даже имѣли время для предуготовительныхъ ученыхъ изслѣдованій, то дали ли бы они намъ силу открыть въ какомъ-либо художественномъ произведеніи ту сокровенную жизнь, которая въ немъ заключена, и что составляетъ истинную тайну искусства?—Нисколько! Чтобъ вызвать эту жизнь изъ слова, созданнаго художникомъ, нужно произнести надъ ней творческое слово; но такого слова произнести невозможно, не владея всѣми тайнами языка. Можетъ ли чужестранецъ достигнуть такой власти? Хотя бы и могъ, то его ожидаетъ другая половина труда, столь же тяжелая. Онъ долженъ будетъ передать внѣшнюю форму—эту нераздѣльную, часто главную сторону въ произведеніи искусства; иногда одно слово неудачное и некстати-употребленное, или только худо-произнесенное, можетъ исказить ее и уничтожить. Всѣ эти трудности я знаю; при каждомъ движеніи, при каждомъ мановеніи моей мысли, чувствую тяжесть цѣпи, такъ-какъ вы слышите еябряцанье. Вотъ почему, еслибъ я увлекался только внушеніями моего литературнаго самолюбія — потому-что униженно являться передъ публикою, если мы не чувствуемъ той силы, которая даетъ легкость и красоту—еслибъ я заботился только о моемъ самолюбіи, о моемъ личномъ достоинствѣ, я навѣрно отказался бы отъ опасной чести говорить съ этой кафедрой; но очень-важныя обстоятельства заставили меня принять ее.»

Мицкевичъ прибавляетъ, что онъ призванъ подать голосъ во имя литературы народовъ, тѣсно-связанныхъ съ его народомъ, подать голосъ въ томъ городѣ, который есть столица слова, «и потому (говоритъ онъ) ничто не можетъ меня удерживать».

Считая Парижъ посредникомъ взаимнаго соприкосновенія народовъ и замѣчая, что жажда сблизиться съ остальною Европою, заключить тѣсный союзъ съ народами Запада, повидимому, нигдѣ такъ живо не чувствуется, какъ у славянскихъ племенъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ: «не-уже-ли славяне не имѣютъ никакой, собственно имъ принадлежащей стихіи цивилизаціи?» — и отвѣчаетъ, что славяне считаютъ для себя оскорбленіемъ сомнѣваться въ этомъ. Чтобъ привлечь къ себѣ вниманіе западныхъ народовъ, по его мнѣнію, необходимо раскрыть передъ ними весь кругъ славянскихъ литературъ. Однакожъ, не видя въ нихъ тѣснаго единства, онъ считаетъ нужнымъ разобрать, что было началомъ разрыва между славянами и что снова можетъ соединить ихъ. На рѣшеніи этихъ вопросовъ онъ основалъ планъ своего курса. «Итакъ, я думаю (говоритъ Мицкевичъ), мнѣ легче, чѣмъ кому-либо изъ славянъ, избѣжать вліянія страстей, тѣсныхъ и исключительныхъ взглядовъ односторонности». Къ-сожалѣнію, поэтъ-профессоръ ошибался. Онъ востроилъ себѣ какую-то туманную идею всеславяинства, именно длятого только, чтобъ дать хотя какую-нибудь опору своему личному воззрѣнію, основанному на народной исключительности. Отъ этого онъ часто былъ въ разладѣ съ самимъ-собою: яснымъ взглядомъ обнималъ жизнь западно-европейскихъ народовъ и въ то же время видѣлъ искаженіе славянской природы въ сближеніи съ ними! Довольно указать на то, какъ превратно попялъ онъ Петра-Великаго и его снискательную для насъ эпоху. Ложная идея привела его также къ слѣдующему заключенію: «Возбуждать интересъ могутъ не одни только военные подвиги славянъ, не ихъ варварскіе наѣзды въ древнихъ вѣкахъ, не сильное вліяніе ихъ на политическія дѣла. Западъ думаетъ, что сѣверо-восточныя страны ему обязаны вѣсьмъ просвѣщеніемъ; и дѣйствительно, многія сѣмена его тамъ возрасли, смотря по тому, на какой грунтъ упали; однакожъ онъ могъ бы увидѣть, что не одно открытіе, которое считаетъ своимъ, прежде извѣстно было въ славянскихъ странахъ. Нашъ ботаникъ Залюзанскій замѣтилъ двулопастныя растенія за сто пятьдесятъ лѣтъ прежде Линнея; Цѣлзкъ (Ciołczk), называемый Вителліо, еще въ XIII вѣкѣ создалъ теорію преломленія лучей свѣта, основанную на математическомъ исчисленіи. Минуя другихъ, упомяну только объ одномъ, вѣсьмъ извѣстномъ, о Николаѣ Коперникѣ, который первый попялъ законы солнечнаго міра.»

Вотъ куда односторонній патріотизмъ завелъ Мицкевича! Понужно, кажется, доказывать, какъ здѣсь несообразенъ переходъ отъ общаго къ частному. Извѣстно, что чехи также присвоивали себѣ Коперника...

Намъ невозможно будетъ вполне прослѣдить всѣ лекціи Мицкевича: этому препятствуетъ объемъ нашей статьи. По-крайней-мѣрѣ, взглянемъ на ихъ главные положенія и въ-особенности на тѣ мѣста, которыя касаются русской литературы.

Мицкевичъ читалъ четыре курса. Первый (1840 — 1841 г.) заключаетъ въ себѣ слѣдующіе періоды: отъ древнѣйшихъ временъ до 500 г., въ которомъ разсматривается физическое и племенное свойство славянъ, земли, ими занимаемыя, ихъ общественный бытъ, нарѣчія и преданія; потомъ слѣдуетъ періодъ отъ 500 г. до 1000 г., въ которомъ разсматривается развѣтвленіе языка на нарѣчія, исторія введенія христіанства и письменности у славянъ. Въ періодѣ отъ X до XIV в. Мицкевичъ разбираетъ древнѣйшіе памятники славянской литературы, и въ-особенности народную поэзію славянъ придунайскихъ; наконецъ переходитъ къ ягеллоновой эпохѣ и заключаетъ общимъ изложеніемъ политической и литературной исторіи Польши и Руси.

Напрасно мы стали бы искать здѣсь строгой, ученой критики: вездѣ видны поэтъ и его пылкая фантазія; однако опъ, какъ человѣкъ гениальный, часто высказываетъ замѣчательныя мысли, хотя и не всегда вѣрна.

«Русь (говоритъ онъ въ третьей лекціи перваго курса), находившаяся вблизи уральскихъ племенъ и издавна воевавшая съ ними, впродолженіе двухъ вѣковъ изнывавшая подъ монгольскимъ игомъ, съ мужествомъ и терпѣливымъ постоянствомъ приготовляла свое будущее величіе. Ея древняя литература, какъ-бы проникнутая страшнымъ предчувствіемъ, уже имѣетъ характеръ строгій и печальный. Впоследствии религія дѣлается единственною связью народности, подавленной татарами; но дѣло народной независимости беретъ верхъ, и скоро власть захватываетъ его въ свое распоряженіе. Русская литература этого времени имѣетъ характеръ религіозный, но еще болѣе монархическій. Князь предводительствуетъ въ битвѣ; все совершается имъ и его именемъ: подчиненныхъ героевъ невидно. Всякая исключительность исчезаетъ въ виду великаго зрѣлища будущаго единства и государственнаго могущества. Княжеская особа выражаетъ въ себѣ всю современную эпоху; достоинства и недостатки государя важны для поэта на столько, на сколько могутъ они имѣть вліяніе на судьбу Руси. Такимъ образомъ у поэты есть уже опредѣленное направленіе; она стремится къ эпохѣ. Драматическій элементъ совершенно въ ней гаснетъ,

потому—что драма требует борьбы страстей, игры индивидуальных характеров, столкновения отдельных интересов. Первоначальный характер русской литературы большею частью сохранился до ее перерождения, до временъ Екатерины—Великой.»

Замѣчая, какъ русская литература въ позднѣйшее время приняла болѣе—самостоятельный характеръ, Мицкевичъ прибавляетъ: «Русскіе поэты часто идутъ по пути, указанному французами, подражаютъ англичанамъ; но пусть только поразитъ ихъ какое—нибудь народное событіе, каждый изъ нихъ сейчасъ же дѣлается русскимъ, важнымъ, мрачнымъ и гордымъ».

Въ девятой лекціи, замѣчая на то, что между славянами никогда не было единства, Мицкевичъ говоритъ: «Понятіе о соединенной славянщинѣ возникло только въ прошедшемъ вѣкѣ: это плодъ кабинетной и литературной работы ученыхъ; но для того, чтобъ современемъ дѣйствительно достигнуть этого единства, кажется, выбраны пути, не прямо—ведущіе къ цѣли. Ученые всегда подають голосъ во имя соплеменности, забывая, что религиозныя и политическія условія произвели разъединеніе, и что невозможно уничтожить всей исторіи народа, чтобъ возвратитъ его къ физическому началу. Такъ въ прошедшемъ столѣтіи хотѣли соединитъ нѣмцевъ подъ однимъ понятіемъ Тевтоніи, припоминая имъ сказочно патріарха Тевта. Предпріятіе оказалось напраснымъ и было оставлено самими пламенными приверженцами нѣмецкаго единства. Другіе, занимающіеся мыслию о будущемъ возсозданіи славянщины, считаютъ средствомъ для этого ту или другую форму правительства. Но никакое правительство никогда не имѣло довольно силы для слитія разныхъ народностей. Римская Имперія, которая была идеаломъ матеріальной силы, наложила свою печать на многіе западные народы; однакожь, при первомъ ударѣ варваровъ, эта мертвая связь навсегда расторглась. Такъ точно и славяне не должны надѣяться, чтобъ ихъ могло соединитъ физическое родство одной крови, или заманчивое обѣщаніе какой—нибудь нравящейся имъ формы правленія: къ этому могла бы привести только идея всеобщая, великая, идея, способная обнять все ихъ прошедшее и будущее.»

Не во гнѣвъ будь сказано нашимъ славянофиламъ, нельзя не признатъ справедливости этого взгляда, по—крайней—мѣрѣ въ главныхъ его основаніяхъ.

Въ тринадцатой лекціи Мицкевичъ сравниваетъ летописцевъ русскихъ и польскихъ. Хотя здѣсь сужденіе его отличается рѣзкостью мысли и излишнимъ пристрастіемъ, однакожь мы приводимъ его, чтобъ показать, какъ Мицкевичъ понималъ свой предметъ.

«Упомянутый нами Несторъ (говоритъ онъ), монахъ, въ уединеніи своей кельи описываетъ событія безъ всякой мысли и политическаго направленія, безъ всякаго плана и вида. Назвавъ свою книгу *Повѣстію временныхъ лѣтъ*, онъ старался сохранить въ ней исчезавшія преданія. Относительно формы, онъ даже сухъ и теменъ; періоды у него идутъ одни за другими, какъ отдѣльныя выраженія, неимѣющія связи между собою. Когда онъ говоритъ о монастыряхъ, о монахахъ, о церквахъ, у него нѣтъ недостатка въ содержаніи; онъ распространяется о предметѣ, хорошо ему извѣстномъ, и рассказываетъ съ наслажденіемъ, съ привязанностью; но если нужно что-нибудь написать о битвѣ, то онъ обыкновенно только рассказываетъ, какъ она окончилась, побѣдою или пораженіемъ; онъ не хочетъ судить о поступкахъ князей, рѣдко хвалитъ ихъ, никогда не порицаетъ. Однакожъ, можно замѣтить, что онъ желалъ бы видѣть великихъ князей могущественными, потому-что они для него олицетворяютъ Русь; притомъ онъ предвидитъ несчастія, грозящія ей со стороны варваровъ.»

Привода небольшой отрывокъ изъ Нестора, Мицкевичъ продолжаетъ:
«Польскіе лѣтописцы, которые—какъ, напримѣръ, Галлъ—жили при дворѣ своихъ государей и раздѣляли съ ними военныя опасности, совершенно отличаются отъ Нестора въ способѣ разсказа, въ формѣ и слогѣ. У Нестора не было другихъ источниковъ и образцовъ, кромѣ византійскихъ. Греческая литература въ эпоху раздѣленія церквей уже упала даже въ самой столицѣ государства, несмотря на то, что Фотій былъ ученѣйшимъ челоукомъ своего времени. Русь, принимая христіанскую вѣру отъ Византіи, не могла заимствовать оттуда ничего болѣе, какъ только ту частицу литературы, которая еще оживилась при Комненахъ. Въ русскихъ лѣтописцахъ не видно ни малѣйшаго вліянія на нихъ классическихъ греческихъ писателей. Напротивъ, на Западѣ латинь была языкомъ разговорнымъ и безпрестанно-обрабатываемымъ. Польскіе и чешскіе писатели знали Цицерона, Виргилія, Ювенала и Тацита, старались пользоваться ихъ сочиненіями, углубляться въ поэзію, исторію и краснорѣчіе древнихъ. Они перемѣшали все эти роды литературы; иначе не могло и быть. Въ тѣ времена, исполненныя движенія и великихъ политическихъ предпріятій, что было для нихъ возможно: избирать ли себѣ за образецъ холодныхъ греческихъ хронографовъ, или подражать изящнымъ римскимъ писателямъ временъ имперіи? Критики несправедливо упрекаютъ ихъ въ смѣшеніи разныхъ стилей; это смѣшеніе совершенно соответствуетъ составу общества, возникшему изъ слитія разныхъ началъ.»

«Галлъ, какъ мы сказали, почти всегда начинаетъ главы поэзією,

потомъ ведетъ разсказъ въ непрерывной связи и оканчиваетъ молитвою или элегію.»

Мицкевичъ, открывая свой второй курсъ (12 декабря 1841 г.), въ самомъ началѣ выразилъ благодарность прошлогоднимъ слушателямъ за ихъ сочувствіе къ нему, которое, по его словамъ, тѣмъ болѣе было для него драгоценно, чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ, какъ трудно увлечь вниманіе собранія, которое состоитъ изъ людей разныхъ народовъ и, слѣдовательно, не можетъ одинаково заниматься всѣми частями изложенія, въ-особенности потому, что свойства самаго предмета не позволяютъ затрогивать политическіе и современные интересы.

«Конецъ XVII вѣка (говорилъ Мицкевичъ), вѣкъ XVIII и начало XIX-го будутъ служить въ этомъ году полемъ для изслѣдованія литературныхъ произведеній въ области политики, философіи и искусства. Этотъ періодъ легче будетъ разсматривать, потому-что вирожденіе его славяне входятъ въ болѣе-близкія сношенія съ остальною Европою. Ихъ цари, короли, шляхта посѣщаютъ западныя страны, обращаются къ Франціи, къ Англіи за правительственными системами, за философскими идеями, за образцами искусства. Славянскія поколѣнія всѣми подами втягиваютъ въ себя европейскій духъ. Такимъ-образомъ, на обширномъ пространствѣ ихъ земель, образуется среда общества, состоящая изъ людей цивилизованныхъ, благовоспитанныхъ, превратившихся въ французовъ; они блестятъ французскимъ лоскомъ, или, лучше сказать, какою-то фосфоризаціею, блистательною и скоропроходящею. Для знакомства съ сочиненіями этой эпохи было бы достаточно *перевести переводы*, чтобъ видѣть неловкое подражаніе классическимъ произведеніямъ времени Лудовика XIV и Лудовика XV. Въ отношеніи литературномъ это самая безплодная эпоха.»

Послѣ этого вступленія, Мицкевичъ повторилъ въ краткихъ словахъ главные факты политической исторіи славянскихъ народовъ, изложенной имъ въ предъидущемъ году. Теряясь въ предположеніяхъ, подъ какую формулу можно подвести потребности, интересы и стремленія столь различныхъ народностей, онъ говоритъ:

«Этотъ важный вопросъ будетъ занимать насъ вирожденіе текущаго года. Какъ славянинъ и какъ свидѣтель движенія, которое колеблетъ философію, тревожитъ умы и сердца на Западѣ, я чувствую живое влеченіе къ этой части моихъ чтеній, которая, обнимая новую литературу и философію славянскую, по плану, мною начертанному, должна быть отпесена къ концу нынѣ-начатаго курса.»

Тогда же въ первый разъ мы замѣчаемъ у Мицкевича странный обо-

ротъ ума, который отчасти высказался въ слѣдующихъ, нелишенныхъ поэзии словахъ :

«У насъ есть простонародное повѣрье о существованіи духовъ, блуждающихъ по свѣту и обреченныхъ на молчаніе. Дѣ, кто только будетъ находится на этой каюдрѣ, тотъ будетъ чувствовать себя то окруженнымъ, то одержимымъ множествомъ этихъ духовъ. Славяне, еще неисчерпавшіе дара слова, приписываютъ ему первобытную силу. Имъ кажется, что довольно произнести слово для осуществленія дѣла.»

Не станемъ слѣдовать за взглядами Мицкевича на Польшу въ отношеніи литературномъ и политическомъ, но обратимся прямо къ его сужденіямъ о русской литературѣ. Мы уже замѣтили, что онъ смотрѣлъ на эпоху Петра-Великаго съ предубѣжденіемъ и съ ложной точки, столь противоположной его понятію о европеизмѣ. Учрежденія Петра-Великаго онъ считаетъ совершенно-противными *славянской природѣ* (такъ выразился онъ въ 6-й лекціи) говорить, что будто-бы все народное возбуждало въ нашемъ великомъ преобразователѣ нерасположеніе. Въ возрѣніи его на эту эпоху даже замѣтно преувеличеніе, или просто незнаніе обыкновенныхъ фактовъ русской исторіи. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, въ 7-й лекціи, будто-бы Петръ-Великій *все народонаселеніе* Россіи раздѣлялъ на четырнадцать классовъ или чиновъ. «Нѣчто-подобное (говоритъ онъ) можно видѣть въ Китаѣ; но тамъ классификація распространяется только на мандариновъ, а въ Россіи она обнимаетъ собою *все народонаселеніе!*»

Любопытны сужденія Мицкевича о русскихъ писателяхъ, хотя и тутъ исключительный взглядъ иногда мѣшалъ ему видѣть истину. Мы приводимъ ихъ вполне, воздерживаясь отъ возраженій на нихъ, потому-что дѣло само-собою ясно и уже доказано для насъ, русскихъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣніе о нашей литературѣ такого гениальнаго писателя, какъ Мицкевичъ, заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что въ немъ есть и вѣрные взгляды.

«Русскіе писатели (говоритъ Мицкевичъ, разбирая сочиненія Ломоносова) все повторяютъ одни и тѣ же благоговѣйныя выраженія, называя его Петромъ-Великимъ въ литературѣ, отцомъ языка, преобразователемъ народа и т. д.; но ни одинъ изъ нихъ не выкажетъ въ болѣе-любопытныя подробности и не старается объяснить, какое вліяніе руководило умъ его. Кажется, горячая борьба новыхъ школъ, которой онъ былъ свидѣтелемъ въ Германіи, произвела на него сильное впечатлѣніе, и онъ, слѣдуя переменамъ, тамъ происшедшимъ, вознамѣрился сдѣлать опытъ чего-то подобнаго въ Россіи. Однако у нѣмецкихъ поэтовъ онъ не взялъ ничего, кромѣ ритма; во всемъ прочемъ

слѣдоваль французской методѣ, подражалъ Ж. Б. Руссо. Сухой педантизмъ Вольфа сковаль въ немъ воображеніе и придалъ ему холодный тонъ, характеризующій его сочиненія.»

О Тредьяковскомъ Мицкевичъ говоритъ, что онъ былъ соперникомъ Ломоносова, «хотѣлъ остановить развитіе великорусскаго нарѣчія и облечь новую литературу въ старославянскія формы, подкрѣпляемая южнымъ нарѣчіемъ».

Вслѣдъ за такимъ оригинальнымъ мнѣніемъ, онъ продолжаетъ:

«Однако Тредьяковскій былъ человекъ необыкновенный, учился во Франціи и даже написалъ нѣсколько французскихъ стихотвореній, которыя занимали блистательное мѣсто въ тогдашнемъ *Альманахъ Музъ*, потому-что во Франціи готовый и образованный языкъ создавалъ стихотворца, въ Россіи же стихотворецъ самъ долженъ былъ создавать языкъ. Еслибъ русская литература пошла по направленію, данному ей Тредьяковскимъ, то непременно сдѣлалась бы тѣмъ, чѣмъ теперь китайская. Нѣкоторые отрывки изъ его трагедій имѣють поразительное сходство съ драмами, переведенными съ китайскаго.»

Замѣчательно слѣдующее мнѣніе о Державинѣ:

«Державинъ былъ одаренъ силою понятія, и этою способностью ума онъ отличается во всѣхъ своихъ произведеніяхъ; быстро схватывая философскіе вопросы, онъ излагалъ ихъ въ стихахъ. При этомъ въ немъ замѣтна чрезвычайная сила физической организаціи, та пылкость крови, которая часто кажется поэтическимъ энтузіазмомъ. Въ немъ была запальчивость журналиста, живость публичнаго оратора; иногда только, самъ того не зная, онъ возносился въ міръ высшей, истинной поэзіи. Впрочемъ, форма его та самая, которую Ломоносовъ заимствовалъ у французовъ; это ни болѣе, ни менѣе, какъ строфа Малерба, немного-передѣланная на русскій образецъ. Но у Державина было гораздо-болѣе силы, чѣмъ у Ломоносова: какъ одного можно сравнить съ Малербомъ, такъ другаго—съ Лебрёномъ, хотя онъ и превышалъ Лебрёна силою, искренностью таланта, менѣе его выглаживалъ свои мысли и ихъ внѣшнія формы. Оды составляютъ многіе томы его сочиненій; онъ исчерпалъ этотъ родъ. По схоластическимъ понятіямъ, онъ писалъ оды релігіозныя, оды политическія или патріотическія и, наконецъ, разныя легкія стихотворенія, которыя также называлъ одами.»

«Въ числѣ первыхъ славится его ода «Богъ», переведенная на всѣ европейскіе языки и считающаяся у русскихъ какъ лучшее произведеніе ихъ литературы. Но это мнѣніе несправедливо: есть другія, болѣе-достойныя произведенія этого писателя. Безъ-сомнѣнія, стихъ, кото-

рый въ переводахъ тратитъ свои красоты, въ подлинникѣ отличается большой глубиной и торжественностью; но, въ основаніи, что же значить эта ода «Богъ»? Какого именно Бога воспѣваетъ поэтъ?»

Слѣдующія слова Мицкевича показываютъ, что если онъ ошибался въ оцѣнкѣ русскихъ поэтовъ, то превосходно понималъ XVIII-й вѣкъ по отношенію собственно къ Западу христіанскаго міра. Въ этомъ отношеніи никто глубже Мицкевича не разумѣлъ XVIII-го вѣка. Вотъ что онъ говоритъ далѣе: «Богъ, извѣстный въ поэзіи XVIII вѣка, не былъ ничѣмъ Богомъ, не былъ Богомъ Израиля, всюдусущимъ, отзывающимся живымъ глаголомъ, не былъ также и Богомъ христіанскимъ. Это было какое-то отвлеченное существо, которое восхваляли въ растянутыхъ и тяжелыхъ стихахъ, наполненныхъ математическими представленіями. Поэтъ, хотѣвшій описать высочайшее существо, поступаетъ, какъ Спиноза, начинаетъ нечислять, чего въ немъ нѣтъ, чтобъ дать понятіе, чѣмъ оно быть должно— и такъ тысячу разъ повторяетъ, что Богъ никогда не имѣлъ начала и никогда не будетъ имѣть конца; онъ продолжаетъ подобный рядъ отрицаній и, отыскивая идеалъ величія, въ геометрическихъ выраженіяхъ представляетъ безпредѣльность пространства и времени. Всѣ подобныя стихотворенія служатъ отрицаніемъ того, что они должны доказывать; они обнаруживаютъ невѣріе своего времени. Средніе вѣка, сколько извѣстно, не произвели оды къ Богу, но на каждой страницѣ тогдашнихъ твореній чувствуется какое-то благоуханіе божества: видно, что они были созданы, если не подъ непосредственнымъ напѣтомъ, то по-крайней-мѣрѣ передъ зрѣніемъ Божиимъ. Напротивъ, XVIII-й вѣкъ не хотѣлъ замѣшивать Бога въ житейскія дѣла; выражая безпредѣльное къ нему благоговѣніе, онъ желалъ видѣть его за предѣлами жизни, замкнуть въ области отвлеченныхъ понятій. Итакъ Державинъ, сверхъ этихъ понятій, не умѣлъ найти ничего ни въ исторіи, ни въ вѣрованіяхъ своего народа, чѣмъ бы онъ могъ осязательнѣе доказать дѣйствительное бытіе Предвѣчнаго. Словомъ, въ этомъ случаѣ онъ не былъ народнымъ поэтомъ, потому-что славянскій народъ гораздо-глубже и живѣе чувствуетъ существованіе Бога: онъ заставляетъ говорить землю, воздухъ, воду, деревья, камни, присвоиваетъ имъ какую-то бессмертную душу, думаетъ, что они соединены съ Божествомъ и непрерывно зависятъ отъ воли Божіей.

«Между религіозными стихотвореніями Державина, ода на безсмертіе души, преимущественно же небольшое стихотвореніе, названное имъ *Христосъ*, несравненно-выше его прославленнаго гимна Богу, который даже не Богъ жителей Востока, но Богъ математиковъ.»

Бросивъ довольно-вѣрный, хотя и бѣглый взглядъ на русскую лите-

ратуру послѣ Державина, Мицкевичъ переходитъ къ Карамзину, о которомъ, между-прочимъ, говоритъ, что его теперь упрекають, будто бы онъ не умѣлъ схватить нить исторической жизни, искажалъ факты, вставляя ихъ въ придуманныя имъ рамы, и проч. «Но вопросы (замѣчаетъ Мицкевичъ), поднятые позже, тогда еще не были извѣстны; даже величайшіе историки, французскіе и англійскіе, безнаказанно дѣлали тѣ же самыя ошибки. Карамзинъ, касательно слога, бесспорно, стоитъ наравнѣ съ Гиббономъ и Юмомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи даже превышаетъ ихъ, потому-что у него болѣе души и истины. Гиббонъ всегда холоденъ и тогда только воодушевляется, когда возстаеъ противъ христіанскихъ догматовъ. Нынѣшніе писатели превзошли его въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Юмъ почти совсѣмъ уже забытъ. Карамзинъ, напротивъ, остался классическимъ писателемъ, и его исторія всегда будетъ читаться, особенно тѣ ея томы, гдѣ онъ говоритъ о Іоаннѣ-Грозномъ. Онъ очутился передъ той эпохою, которой не могъ себѣ объяснить. Почувствовавъ здѣсь, такъ сказать, непосредственное вліяніе Бога на дѣла людскія, онъ дѣлается болѣе-строгимъ, глубокимъ и иногда возвышеннымъ. Изображая, на примѣръ, одно изъ тогдашнихъ чудовищъ, Малюту Скуратова, Карамзинъ говоритъ: «Онъ жилъ вмѣстѣ съ царемъ и другомъ своимъ для суда за предѣлами сего міра» (И. Г. Р. Т. IX, стр. 208, изданіе 1821 г.). Безъ-сомнѣнія, ни Гиббонъ, ни Юмъ не сумѣли бы подмѣтить столь великую истину.»

О Жуковскомъ Мицкевичъ не сказалъ ничего особеннаго; но вотъ его мнѣніе о Батюшковѣ: «Стихотворенія Батюшкова принадлежать не одной русской, но вообще славянской литературѣ».

Здѣсь онъ приводитъ, впрочемъ, въ невѣрномъ переводѣ, отрывки изъ стихотворенія Батюшкова: *Переходъ черезъ Рейнъ*.

«Топъ и даже форма этихъ строфъ (замѣчаетъ Мицкевичъ) совершенно напоминаютъ стихотворенія Реклевскаго, Горецкаго и другихъ тогдашнихъ польскихъ поэтовъ, хотя они вовсе не знали русской литературы. Въ вышеприведенныхъ стихахъ замѣтна какая-то важность, торжественность, религиозное чувство. Батюшковъ—литераторъ; его форма болѣе окончена, совершенна, но онъ не столько оригиналенъ, простъ и искрененъ, какъ Горецкій и Реклевскій; онъ слишкомъ-часто напоминаетъ о себѣ, что принадлежитъ къ ряду писателей, къ людямъ, занимающимся литературою; не можетъ отдѣлаться отъ начитанности классииковъ, Тасса и латинскихъ поэтовъ.

«Особенно замѣчательно въ немъ глубокое религиозное чувство. Въ тѣ времена дипломаты и государи часто говорили о религіи; но исти-

ное религиозное чувство можно найти только въ славянскихъ поэтахъ, въ Батюшковѣ, Горецкомъ и другихъ. Это не была еще религія, но, такъ-сказать, только предчувствіе религіи, какое-то неопредѣленное, религиозное направленіе; но и такое явленіе уже важно.»

Мы не можемъ слѣдить за всѣми сужденіями Мицкевича о русской литературѣ, въ-особенности за тѣми, которыя отличаются рѣзкостью выраженія и ложнымъ взглядомъ; но нельзя не изумляться, что онъ несовѣтмъ-вѣрно понялъ нашего Пушкина. Вѣроятно, ему мѣшали тѣ крайнія и, скажемъ смѣло, фантастическія идеи, подъ вліяніемъ которыхъ въ послѣднее время Мицкевичъ видимо упалъ духомъ.

Во всякомъ случаѣ, воззрѣніе его на Пушкина любопытно.

«Пушкинъ (говоритъ онъ въ 28-й лекціи втораго курса), какъ подражалъ Байрону, такъ точно, самъ о томъ не думая, былъ подражателемъ и Вальтера Скотта. Въ то время повсюду говорили о мѣстномъ колоритѣ, объ исторической вѣрности, о необходимости ввести исторію въ поэзію и романы. Два произведенія Пушкина: *Цыганы* и *Полтава* колеблются между этими обоими образцами. Здѣсь онъ то Байронъ, то Вальтеръ Скоттъ, но еще не то, чѣмъ есть.

«Самая оригинальная его поэма, *Опѣгнъ*, которую всегда съ удовольствіемъ будутъ читать во всѣхъ славянскихъ странахъ и которая останется вѣчнымъ памятникомъ эпохи, имѣетъ тотъ же самый складъ, какъ и байроновъ «Дон-Жуанъ». Пушкинъ взялъ «Дон-Жуана» за образецъ своему «Опѣгнъ». Это произведеніе онъ началъ писать въ молодыхъ годахъ, потомъ, время-отъ-времени, издавалъ его главами и, наконецъ, создалъ поэму въ восьми пѣсняхъ, увлекательную по своей прелестной простотѣ и, въ-особенности, по стихамъ. Онъ не такъ богатъ, не такъ производителенъ, какъ Байронъ, не паритъ такъ высоко, не проникаетъ такъ глубоко въ человѣческое сердце, но болѣе-ровень, болѣе-строгъ въ формѣ, болѣе-простъ, часто достигаетъ Байрона, а иногда даже превышаетъ его.»

Изложивъ содержаніе «Опѣгина», Мицкевичъ продолжаетъ :

«Чрезвычайно-трудно было на такой бѣдной и тѣсной основѣ создать большую поэму. Пушкинъ, обозрѣвая сцены домашней жизни земли русской и ежедневныхъ приключеній, нашелъ довольно предметовъ для своихъ пѣсней, которыя имѣютъ характеръ то комедіи, то трагедіи, то, наконецъ, драматическаго романа. Чтó здѣсь особенно-достоинно удивленія, такъ это необыкновенная гибкость и совершенство стиха. Это превосходная картина, которой фонъ и колоритъ непрерывно измѣняются, и читатель даже не замѣчаетъ, какъ изъ тона оды онъ

переходить къ эпиграммѣ и, нечувствительно восходя выше—и—выше, встрѣчаетъ эпизодъ, рассказанный почти съ важностью эпопеи.

«Во всей этой поэмѣ Пушкина разлито грустное чувство, гораздо болѣе глубокое, чѣмъ у Байрона. Здѣсь видно, какъ все, что только можетъ быть великимъ и прекраснымъ на землѣ, потеряло прелесть для поэта. Пушкинъ, прочитавъ столько романовъ, испытавъ столько волнений въ обществѣ молодыхъ и пылкихъ друзей, вездѣ почувствовалъ наконецъ пустоту, и это невольное чувство отразилось въ его поэтическомъ созданіи...»

Снова разсмотрѣвъ подробности содержанія *Опѣгина*, Мицкевичъ продолжаетъ :

«Кажется, Пушкинъ, сочиняя первая главы своего романа, еще не имѣлъ определенной мысли, какую придумать развязку, ибо невозможно, чтобъ онъ такъ нѣжно, такъ чисто и сильно изображалъ эту любовь молодыхъ людей, которая должна была окончиться такимъ печальнымъ, прозаическимъ образомъ. Пушкинъ весь отражается въ своемъ «*Опѣгинѣ*». Говоря объ этомъ байронистѣ, которому все наскучило, онъ въ нѣсколькихъ стихахъ изображаетъ собственный портретъ:

Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.

«Пушкинъ совершенно былъ таковъ. Описывая поэта, онъ описываетъ свои собственные разочарованія. Этотъ русскій, воспитанный въ Германіи, носящій длинные волосы, почитатель Канта и Шиллера, энтузіастъ безъ цѣли, мечтатель, засыпающій съ перомъ въ рукѣ надъ словомъ «идеаль», представляетъ одну изъ эпохъ жизни Пушкина. Замѣчательно, что въ этой поэмѣ онъ предсказалъ себѣ даже родъ смерти. Какъ молодой Владиміръ, убитый въ началѣ романа, онъ погибъ отъ пріятельской руки въ поединкѣ, за пустое дѣло.

«Господствующая мысль всей этой поэмы — преслѣдованіе всего, что называется модой, хорошимъ тономъ общества. Два героя Пушкина, искренніе друзья, дерутся ддятого только, что одинъ изъ нихъ боялся своего лакея—француза, а другой хотѣлъ угодить высокому сановнику, который, скучая въ деревнѣ, радъ былъ разсѣяться поединкомъ и, чрезъ участіе въ немъ, подать поводъ, чтобъ о немъ говорили. Обѣ женщины также увлекаются наконецъ вихремъ салоновъ.

«Мы не будемъ здѣсь разсматривать лирическихъ и драматическихъ произведеній Пушкина, не будемъ разбирать, что въ нихъ есть характеристическаго, славянскаго, народнаго, ибо главная цѣль наша состоитъ въ томъ, чтобъ открыть связь, какая находится между лите-

ратурою славянской и европейскою и вывести главную идею этих литературъ.»

Мицкевичъ замѣчаетъ наконецъ, что Пушкинъ, исчерпавъ все, что представляло ему образованное общество и народная жизнь, облекъ это въ прекрасныя формы поэзии, но далѣе идти не имѣлъ уже силы. Это привело его къ заключенію, что новѣйшая эпоха русской литературы, начавшаяся съ Петромъ-Великимъ, ужь окончилась вмѣстѣ съ Пушкинымъ. «Безъ-сомнѣнія (говоритъ онъ), въ Россіи теперь еще есть писатели съ большимъ талантомъ, съ высокимъ умомъ; но пусть каждый благомыслящій русскій скажетъ, есть ли въ ихъ произведеніяхъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, хоть что-нибудь новое, особенно-замѣчательное, что пережило бы Пушкина? Этотъ человекъ, котораго ненавидѣли, преслѣдовали приверженцы разныхъ партій, умеръ, оставивъ имъ свободное мѣсто, и что жь они поставятъ на оставленномъ тронѣ? Если они хотятъ отличиться остроуміемъ, то Пушкинъ былъ остроумнѣе ихъ всѣхъ; если они напишутъ какую-нибудь балладу, или сонетъ, то въ Пушкинѣ мы найдемъ болѣе-прекрасные...»

Въ слѣдующихъ лекціяхъ Мицкевича мы познакомимся еще съ другими его взглядами на русскую литературу и преимущественно на Пушкина.

Оканчивая второй курсъ, Мицкевичъ болѣе-и-болѣе сталъ увлекаться мистицизмомъ, совершенно удаляясь въ сторону отъ своего главнаго предмета и говорить не то, что прямо относилось къ литературамъ славянскихъ народовъ.

Говоря о положеніи въ Польшѣ еврейскаго народа, Мицкевичъ, наконецъ, воскликнулъ: «какое было бы несчастье для міра, еслибы этотъ послѣдній остатокъ древняго племени, единственный, который никогда не усомнился въ Провидѣніи, посягнулъ на отступничество!»

Грустно приводить эти слова, свидѣтельствующія о разстроенномъ воображеніи поэта...

Переходимъ къ третьему курсу (1842—1843 годовъ).

Первая его половина заключаетъ въ себѣ обзоръ новѣйшей поэзии и философіи славянскихъ народовъ; содержаніемъ второй служатъ изысканія древностей, касающіяся первоначальной исторіи славянъ, ихъ мифологіи и законодательства.

Не будемъ подробно разсматривать и этого курса, потому-что Мицкевичъ болѣе увлекался въ немъ чисто-отвлеченными идеями, построенными въ области мечтанія, но обратимся прямо къ тому, что онъ говоритъ о Пушкинѣ.

Разбирая произведенія нѣкоторыхъ польскихъ поэтовъ, онъ замѣ-

часть въ нихъ стремленіе высказать свое призваніе быть пѣвцами народа и, какъ онъ выражается, проявлять мысль Божію...

«Между русскими (дальше говорить Мицкевичъ въ третьей лекціи) Пушкинъ также стремился отдать себѣ отчетъ въ своемъ литературномъ и поэтическомъ призваніи, прямо хотѣлъ обозначить путь, по которому долженъ былъ слѣдовать.»

Здѣсь Мицкевичъ указываетъ на слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Поэту* («Поэтъ, не дорожи любовію народноі!»), *Пророкъ и Чернь*. Въ первомъ стихотвореніи онъ видитъ выраженіе мыслей, принятыхъ отъ Запада, и говоритъ, что «Пушкинъ здѣсь обоготворяетъ искусство». Приводя стихотвореніе *Пророкъ*, Мицкевичъ замѣчаетъ: «Это было начало новаго поприща Пушкина; но ему не достало силы достигнуть того, что онъ предчувствовалъ; онъ былъ не въ состояніи согласить съ этою великою истиною свою внутреннюю жизнь и свои литературныя труды. Эта истина примкнула къ его произведеніямъ безъ видимой связи, явившись какъ-бы случайно. *Пророкъ* написанъ имъ въ 1825 году. Состояніе, въ которомъ онъ тогда находился, прошло скоро, и съ той поры начинается его нравственный упадокъ. Но онъ все еще былъ художникомъ несравненнымъ въ своемъ родѣ, хотя уже и не могъ создать ничего подобнаго. Касательно пониманія поэзіи, кажется, онъ даже возвращался назадъ. Раздраженный критиками и огорченный тѣмъ, что его не умѣли цѣнить, онъ бросилъ публикѣ колкій упрекъ въ «разговорѣ поэта съ чернью». Здѣсь Пушкинъ снова уже смотритъ на поэзію только какъ на искусство, прибавляя, однакожь, что она вмѣстѣ есть молитва:

Мы рождены для вдохновенія,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Приводя въ польскомъ переводѣ прозою все это стихотвореніе, Мицкевичъ заключаетъ: «Это послѣдній предѣлъ мысли Пушкина: онъ остановился только на молитвѣ и рѣшился остаться подобно жертвеннику, подобно блюстителю неприкосновеннаго алтара поэтическихъ вдохновеній».

Нѣ для чего говорить, въ какой степени справедливъ взглядъ Мицкевича на Пушкина. Кто изъ насъ не знаетъ нашего великаго поэта?..

Дальше Мицкевичъ высказываетъ мысль, что поэзія нашихъ временъ предназначена для молитвы, для жизни и для борьбы, и потомъ приходитъ къ слѣдующему замѣчательному заключенію:

«Что поставило славянскихъ поэтовъ на эту степень ихъ возрѣнія, что имъ открыло путь къ нимъ, что, наконецъ, всего лучше можетъ послужить къ уразумѣнію ихъ понятій о своемъ призваніи? — поэти-

ческое поприще Байрона. Байронъ открываетъ эру новой поэзіи; онъ первый показалъ людямъ, что поэзія не пустое препровожденіе времени, что тутъ недостаточны только желанія и слова, что нужно самому такъ жить, какъ пишешь. Этотъ человекъ, богатый и воспитанный въ аристократической странѣ, оставилъ парламентъ и отечество, чтобъ служить дѣлу Греціи. Сильное чувство, нуждающееся въ томъ, чтобъ поэтизировать свою жизнь, сблизить идеалъ съ дѣйствительностью, составляетъ все поэтическое достоинство Байрона. Всѣ великіе славянскіе поэты стремились къ этому. Байронъ есть таинственное звено, соединяющее великую славянскую литературу съ литературою Запада. Можно даже сказать, что у западныхъ народовъ прервалась поэтическая генеалогія, между-тѣмъ, какъ типы, созданные Байрономъ, подъ перомъ славянъ безпрестанно умножаются и принимаютъ видъ болѣе-и-болѣе возвышенный. Многіе изъ нихъ даже не знали произведеній англійскаго поэта, едва слышали нѣсколько звуковъ, нѣсколько отрывковъ изъ его стиховъ, и этого было для нихъ довольно. У него была столь великая сила, что онъ давалъ ее чувствовать въ нѣсколькихъ словахъ, и нѣсколько этихъ словъ могло трогать, пробуждать души, открывать имъ, чѣмъ онѣ были.

«Съ Байрономъ начинается новая эпоха литературы, новая эпоха поэзіи. Эта литература, эта поэзія, съ одной стороны, соприкасается къ философіи, съ другой — къ дѣйствительной жизни. Извѣстно, какимъ быстрымъ взоромъ проникалъ онъ въ политическіе вопросы, какъ всегда разъяснялъ главную загадку человѣческой исторіи. Ни въ комъ столько незамѣтно этихъ мукъ ненормальной жизни при переходѣ отъ XVIII къ XIX вѣку, этихъ броженій безъ цѣли, этихъ стремленій къ чему-то необыкновенному, этой тоски о неизвѣстной будущности. Все, что тревожило умы, что совершалось въ душѣ молодыхъ людей нашего поколѣнія, Байронъ чрезвычайно-вѣрно выразилъ въ своихъ произведеніяхъ и въ своей жизни. Въ этомъ отношеніи онъ поэтъ дѣйствительной жизни. Подобныя чувства, подобныя стремленія проглядываютъ и въ славянскихъ поэтахъ.»

Велѣдъ за симъ онъ развиваетъ ту мысль, что духъ, воспламенявшій Байрона, вышелъ изъ наполеоновскаго духа. «Мы видимъ уже издалика (говоритъ онъ), какъ отдаленныя страны и литературы мало-по-малу сближаются между собою, и какое огромное движеніе можетъ произвести на землѣ одинъ геній. Наполеонъ далъ направленіе Байрону, а вліяніе Байрона, самый отголосокъ его славы возбудили Пушкина...»

Пробѣгая эти строки, пусть читатели сами судятъ, куда завелъ Мицкевича энтузіазмъ...

Въ пятой лекціи онъ приводитъ стихотвореніе Пушкина о Наполеонѣ. «Въ немъ еще замѣтно (говоритъ онъ) чувство русской народности; оно еще напоминаетъ звуки поэзіи Державина». Вслѣдъ за этимъ онъ приводитъ въ переводѣ стихотвореніе г. Хомякова о томъ же предметѣ и отдаетъ ему преимущество, замѣчая, что мысль выражена въ немъ возвышеннѣе и шире...

Особенность болѣе политическаго, нежели литературнаго взгляда мѣшала Мицкевичу вполне оцѣнить Пушкина. Такъ въ шестнадцатой лекціи того же курса онъ говоритъ о *Борисѣ Годуновѣ* :

«Относительно формы, это подражаніе драмамъ Шекспира и Шиллера; но Пушкинъ погрѣшилъ еще тѣмъ, что все дѣйствіе сосредоточилъ на земной сценѣ. Въ прологъ (?) своемъ онъ даетъ предчувствовать вліяніе невидимаго міра, однакожь потомъ совершенно забываетъ объ этомъ и всю драму дѣлаетъ только политическою интригою.»

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ предпоследнемъ курсѣ Мицкевича ярко выдается впередъ броженіе его мысли, часто—измѣняющей самой себя. Иногда, при всей ясности взгляда на предметъ, вдругъ у него высказывается поразительная крайность. Въ слѣдующемъ, уже последнемъ его курсѣ, видно, если еще не полное разстройство великаго духа, то по—крайней—мѣрѣ горестный упадокъ его...

Въ этомъ курсѣ (1843 — 1844 г.) мало говорится о литературѣ. Мицкевичъ, можно сказать, преслѣдуемый фантастическими видѣніями, уже окончателно сошелъ съ прямого пути... Какъ бы то ни было, личность Мицкевича является здѣсь исполненною драматическаго характера—правда, страшнаго и невольно-сжимающаго сердце. Мы здѣсь видимъ, какъ заживо умираетъ необыкновенный человѣкъ, великій художникъ...

Мицкевичъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ разстроенной фантазіи. Впрочемъ, въ его видѣніяхъ нельзя не замѣтить и блеска истинной поэзіи...

Въ шестой лекціи, спрашивая, откуда же взять образецъ, идеалъ для художественнаго произведенія? онъ отвѣчаетъ :

«Этотъ идеалъ находится только въ *миръ духовъ*. Нѣкоторые древніе философы, Пифагоръ, Платонъ, знали объ этомъ; всѣ великіе художники чувствовали это; нынѣшніе теоретики начинаютъ догадываться. Искусство призвано воплотить этотъ идеалъ въ видимую форму, дать намъ почувствовать и увидѣть *духъ* представляемой особы, освобождая его изъ земной оболочки, которая потемняла его, и возстановляя его

форму, выражающую его внутреннюю натуру, форму, какую онъ могъ и долженъ бы имѣть на землѣ.

«Чтобъ такимъ образомъ представить *духъ* въ свойственной ему формѣ, необходимо сперва его видѣть—да, необходимо видѣть! И потому искусство есть какъ-бы вызываніе духовъ, есть дѣйствіе таинственное и священное.»

Для объясненія своей идеи, что искусство олицетворяетъ *духовъ*, Мицкевичъ обращается къ ваянію.

«Между всеми искусствами (говоритъ онъ), ваяніе придаетъ духамъ самую выразительную форму и употребляетъ для этого разнаго рода матеріалы, начиная съ мягкой глины до гранита, съ бронзы до золота; однакожь, ни матеріалъ, ни форма не зависятъ отъ произвола художника. Бронза или мраморъ, фигура обнаженная или одѣтая въ платье, обтанутое или развѣвавшееся—все это имѣетъ свою причину—должно соответствовать сущности представляемаго духа. Истиннѣ художниковъ—иногда отгадывать законы міра духовнаго и связи, какія находятся между нимъ и матеріею; религія должна бы ихъ объяснить. Дѣйствительно, религіозное и политическое преданіе допускаетъ постепенный порядокъ духовъ и отдѣльнымъ духамъ каждой степени этого порядка придаетъ иную форму и иное значеніе. Приведемъ примѣры. По нашему преданію, низшіе духи, которые, вышедши изъ тѣла, сохранили животныя наклонности, являются въ формѣ странной и фантастической; человѣческіе духи, еще страдающіе и немогущіе совершенно отдѣлиться отъ земли, принимаютъ форму и знаки, которыми они отличались при жизни въ этомъ мірѣ, но, омраченные своими страданіями, представляются сѣрыми или черными; напротивъ, духи героев и праведниковъ, являющіеся только людямъ праведнымъ, представляются въ ясности и бѣлизнѣ и всегда одинакими. Прибавимъ, что всѣ эти явленія могутъ случаться не иначе, какъ ночью, и не при иномъ какомъ-либо свѣтѣ, какъ только лунномъ.»

«Мы знаемъ, что всю эту простонародную теорію явленія духовъ ученые позволяютъ себѣ называть пустыми вымыслами; однакожь, я желалъ бы, чтобъ они потрудились обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: отчего всѣ знаменитыя произведенія древняго и новаго ваянія строго соответствуютъ требованіямъ этой теоріи, слѣдовательно, согласно и съ общимъ вѣрованіемъ? Плавзаній говоритъ, что для статуй боговъ и героев преимущественно употреблялись бѣлый мраморъ и слоновая кость, и что эти статуи обыкновенно ставились въ сумрачныхъ мѣстахъ храмовъ или священныхъ рощъ. Во всѣхъ самыхъ знаменитыхъ произведеніяхъ греческаго искусства представлены от-

дѣльныя лица; на всѣхъ видно выраженіе важности и святости. Таковъ именно *Моисей* Микель-Анджело, истинный типъ величія и пророческаго могущества — величайшее произведеніе христіанскаго искусства».

Представленіе духовъ приводитъ Мицкевича къ чудесному въ природѣ, и вотъ какъ онъ описываетъ, въ этомъ отношеніи, природу своей родины: «Какъ бы мнѣ хотѣлось дать вамъ почувствовать въ звукахъ стиховъ бурную силу сѣверныхъ вѣтровъ, тѣхъ страшныхъ вѣтровъ, которые, устремляясь съ возвышенныхъ равнинъ Средней Азіи, свирѣтствуютъ въ нашихъ лѣсахъ, иногда вырывая ихъ съ корнемъ и наклоняя къ землѣ! Въ ихъ завываніи народъ слышитъ ржаніе коней подъ духами древнихъ, монгольскихъ и литовскихъ наѣзниковъ. Голосъ такой природы потрясаетъ самыя нечувствительныя человѣческія организаціи и, какъ-будто труба архангела, пробуждаетъ духовъ, замершихъ въ глубочайшемъ снѣ».

Въ концѣ шестой лекціи Мицкевичъ перешелъ къ проявленію христіанскаго духа и потомъ къ Наполеону, котораго онъ считаетъ представителемъ новѣйшей эпохи. Эту лекцію онъ заключилъ слѣдующими странными словами, относящимися къ Наполеону:

«Вдохновенные художники должны перенестись въ тотъ край, гдѣ пребываетъ этотъ великій духъ, вызвать его и сдѣлать его видимымъ. Первообразъ новаго искусства — Наполеонъ...»

Приводимъ заключеніе десятой лекціи, въ которой мистицизмъ Мицкевича дошелъ до высочайшей степени:

«Какъ! Могъ ли бы я когда-нибудь такъ говорить, какъ говорю теперь? достало ли бы у меня силы подвергнуться упрекамъ оскорбленной гордыни систематическихъ людей, еслибъ я не чувствовалъ, что меня поддерживаетъ сверхъестественная сила? Я не ученый: я одна изъ некръ, и кто захочетъ изслѣдовать, откуда она вышла, тотъ можетъ легче достигъ къ *Тому*, кто есть путь, жизнь и истина.

«Высказать вамъ это былъ мой долгъ. Молю Бога, чтобъ Онъ далъ моимъ словамъ хотя частицу того огня, той силы, которая бы довела васъ до источника всецѣлаго огня, всецѣлой силы.

«Радость, которую я испыталъ и которая никогда не будетъ отнята у меня, радость, которую я почувствовалъ оттого, что меня призвали высказать вамъ это, будетъ радостью всей моей жизни и всѣхъ моихъ жизней...»

«Теперь, братья мои, служба моя передъ Богомъ и передъ вами окончена. Пусть эта минута перельетъ въ васъ всю ту радость и всѣ тѣ безграничныя надежды, какими я преисполненъ!»

Переходимъ къ четырнадцатой и послѣдней лекціи всего курса, читанной 28 мая 1844 года.

Въ этой лекціи Мицкевичъ сказалъ :

«Я худо говорю по-французски; я выучился этому языку только изъ употребленія; такъ учатся ему эмигранты, да и народъ вашъ учится ему не иначе. Я объясняюсь съ трудомъ; въ обыкновенномъ разговорѣ у меня часто прерывается рѣчь; я не могу уловить нужное выраженіе, и вотъ на этомъ языкѣ, изъ извѣстныхъ мнѣ языковъ самомъ труднѣйшемъ, надъ которымъ я никогда не трудился, мнѣ довелось говорить передъ публикою французской коллегіи! Но я долженъ былъ говорить о моей религіи и о моемъ народѣ, и потому мнѣ уже нельзя было обращать вниманіе на эти препятствія, нельзя было заниматься отдѣлкою фразъ, подборомъ выраженій.

Далѣе онъ прибавляетъ: «Мнѣ не доставало всѣхъ другихъ пособій, которыми обыкновенно пользуются въ подобныхъ случаяхъ. У меня не было подъ-рукою славянской библіотеки, не было славянскихъ ученыхъ, съ которыми я могъ бы посоветоваться—а между-тѣмъ мнѣ необходимы были и книги и совѣты. Я довѣрился, какъ говорится, случаю; я выжидалъ этихъ пособій отъ Провидѣнія—и не остался безъ нихъ.»

Невозможно схватить главной идеи, господствующей въ этой послѣдней лекціи, которая наполнена загадочными и мистическими выраженіями. На первомъ планѣ стоитъ духъ Наполеона. Мицкевичъ называетъ его «звѣздою, на которую смотрять всѣ духи».

Между-прочимъ, вотъ какъ онъ еще выражается о немъ :

«Земное поприще Наполеона было прервано на поляхъ Ватерлоо; тамъ именно духъ его явился въ образѣ, въ какомъ вы видите его вотъ здѣсь (*). Онъ явился не такимъ, какимъ видѣли его въ битвахъ или на императорскомъ тронѣ, но какъ призванный для того, чтобъ отдать отчетъ въ Божіей мысли, довѣренной ему для всего человѣчества и невыполненной. Это образъ могущества, обманутаго и сокрушеннаго силою, но снова возродившагося посредствомъ страданія. Геній съ глазами, поднятыми вверхъ, наложилъ распростертую руку на карту Европы. Эта карта — его созданіе; его судьба начертана на ней...»

Прерываемъ выписки изъ этой лекціи, если только можно назвать ее лекціею... прерываемъ ее съ тяжелымъ чувствомъ...

(*) Въ ту минуту, какъ говорилъ Мицкевичъ, раздавались слушателямъ и переходили изъ рукъ въ руки литографированные портреты Наполеона.

Мицкевичъ кончилъ свои чтенія двумя воображаемыми имъ тостами, за счастье народовъ и «за радость, успокоеніе и спасеніе наполеонова духа!»

Еслибъ подобныя рѣчи мы услышали отъ человѣка обыкновеннаго, онѣ возбудили бы въ насъ только двусмысленную улыбку; но такъ говорилъ одинъ изъ величайшихъ поэтовъ нашего времени, и намъ становится страшно внимать неразумному слову... Оно тяжело ложится на душу тѣхъ, которымъ знакома возвышенная и сладкозвучная лира поэта...

Передъ нами теперь портретъ Мицкевича, сдѣланный во время его молодости. Его худощавое лицо, глаза, исполненные огня, и сжатые уста напоминаютъ того Мицкевича, который увлекалъ насъ своими задухновенными пѣснями любви, балладами, сонетами, изображалъ намъ яркими и смѣлыми красками то мрачный образъ Валленрода и любовь Альдоны, то бедуина въ аравійской пустынѣ и караванъ, засыпанный песками, или вызывалъ изъ гробовъ печальныя тѣни въ «Поминкахъ по усопшимъ».

Но вотъ передъ нами и другой портретъ, изображающій Мицкевича въ послѣднее время его жизни. Старость и душевныя страданія придали ему строгія черты; сѣдые, густые волосы откинулись назадъ и обнажили угрюмое чело; глаза впали и обведены кругами; щеки осунулись... Его ли это образъ?.. Еще вдохновеніе посѣщало его, еще иногда вспыхивалъ въ душѣ его священный огонь поэзіи; но съ парижской каюды чаще—и—чаще слышались его воззванія къ какимъ-то таинственнымъ духамъ, призракамъ разстроеннаго воображенія...

Сознаться ли въ печальной истинѣ? вымолвить ли послѣднее слово о неестественномъ состояніи его умственныхъ силъ?..

Мы скорбимъ о человѣкѣ, скорбимъ о нашемъ соотечественникѣ, скорбимъ о великомъ поэтѣ!..

О П Е Ч А Т К И.

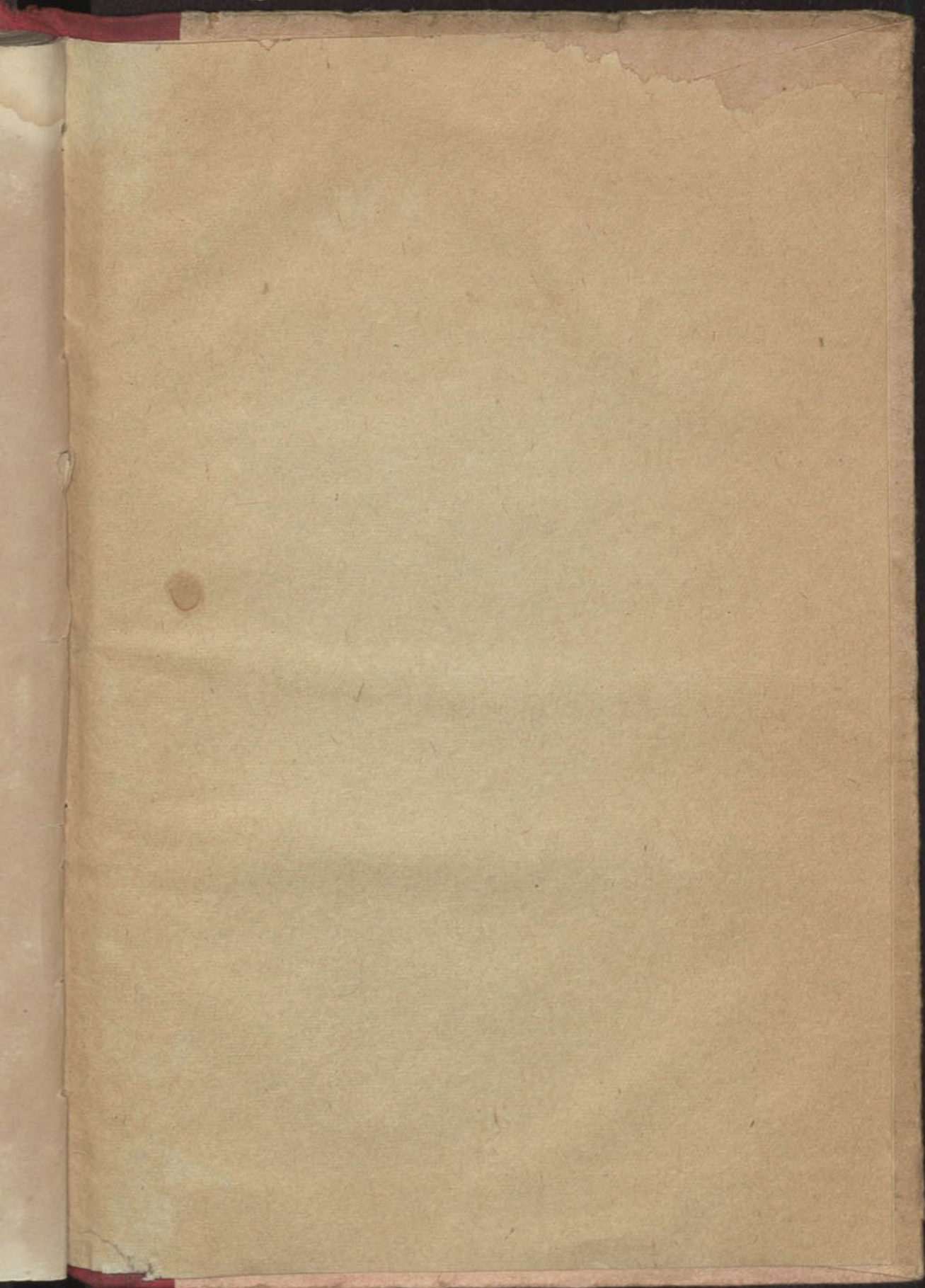
На стр.	2-й, въ	3-й строкъ	снизу:	Напечатано:	Должно быть:
— —	4-й, —	5-й —	— —	съ XIV вѣка — реј	съ XVI вѣка ріј
— —	47-й, —	21-й —	— —	о смерти	по смерти
— —	87-й, —	15-й —	— —	поклономъ	поклономъ
— —	138-й, —	10-й —	— —	вѣка	вѣки
— —	150-й, —	23-й —	— —	Служители	Слушатели

—

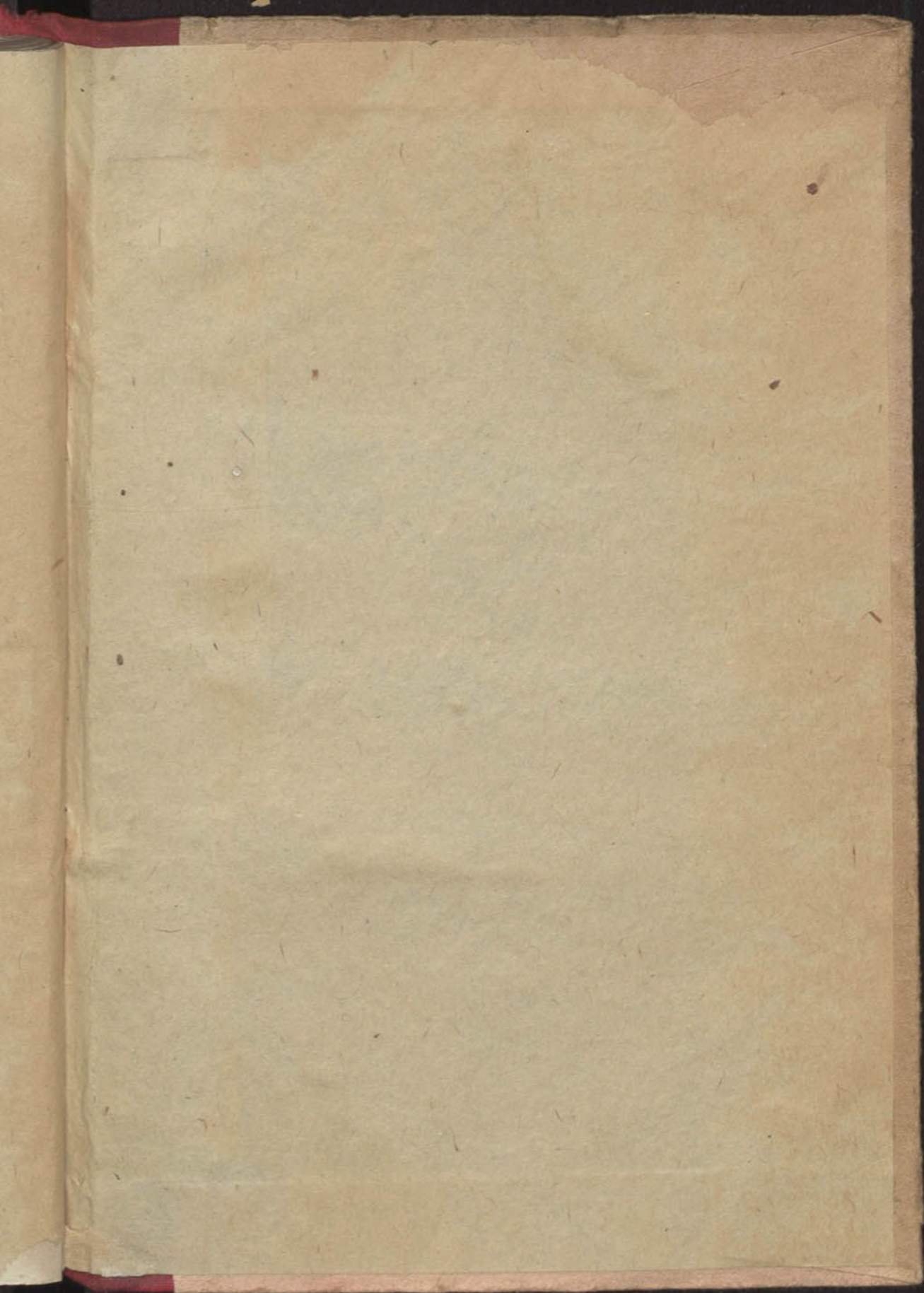
Примѣчаніе. Въ біографіи Мицкевича приведенъ отрывокъ изъ записокъ г. Ковальскаго, напечатанныхъ въ «Варшавской Библіотекѣ» за 1857 годъ. Тамъ упоминается, что Пушкинъ находился въ Одессѣ въ одно время съ Мицкевичемъ. Къ-сожалѣнію, автору настоящей статьи неизвѣстны были замѣчанія г. Зеленецкаго на эти записки (см. 11-й № «Одесскаго Вѣстника» за 1858 годъ), и онъ уже послѣ узналъ о нихъ изъ «Варшавской Библіотеки», которая помѣстила ихъ въ июльской книжкѣ за 1858 годъ. Г. Зеленецкій положительно доказываетъ, что оба поэта *въ одно и то же время* никогда не были въ Одессѣ. Г. Ковальскій, въ октябрьской книжкѣ «Варшавской Библіотеки» за 1858 годъ, въ письмѣ къ редакціи, сознается въ своемъ заблужденіи и извиняется тѣмъ, что происшествія эпохи, описанной имъ, по истеченіи 33 лѣтъ, могли перемѣшаться въ его памяти. «Въ то время въ Одессѣ (замѣчаетъ онъ) имена Пушкина и Мицкевича повторялись вмѣстѣ, такъ-что невозможно было ихъ отдѣлить одно отъ другаго.»

—

M

M

80000003611519

